

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен

<РАССКАЗ О СЕМЕЙНОЙ ДРАМЕ>

І. (1848)

"Так много понимать (писала Natalie к Огареву в конце 1846 года) и не иметь силы сладить, не иметь твердости пить равно горькое и сладкое, а останавливаться на первом - жалко И это все я понимаю как нельзя больше и все-таки не могу выработать себе не только наслаждения, но и снисхождения Хорошее я понимаю вне себя, отдаю ему справедливость, а в душе отражается одно мрачное и мучит меня. Дай мне твою руку и скажи со мною вместе, что тебя ничто не удовлетворяет, что ты многим недоволен, а потом научи меня радоваться, веселиться, наслаждаться, - у меня все есть для этого, лишь развеяй эту способность".

Эти строки и остатки журнала, относящегося к тому времени и приложенного в другом месте¹, писаны под влиянием московских размолвок.

Темная сторона снова брала верх - отдаление Грановских испугало Natalie, ей казалось, что весь круг распадается и что мы остаемся одни с Огаревым. Женщина, едва вышедшая из ребячества, которую она любила как меньшую сестру, ушла далее других. Вырваться во что бы ни стало из этого круга сделалось тогда страстной idée fixe² Natalie.

Мы уехали.

Сначала новость - Париж - потом просыпавшаяся Италия и революционная Франция захватили всю душу Личное раздумье было побеждено историей. Так дожили мы Июньских дней

Еще прежде этих страшных, кровавых дней пятнадцатое мая провело косой по вторым всходам надежды... (449)

"Трех полных месяцев не прошло еще после 24 февраля, башмаков не успели износить, в которых строили бастионы, а уж усталая Франция напрашивалась на усмирение³. Капли крови не пролилось в этот день - это был тот сухой удар грома при чистом небе, вслед за которым чутится страшная гроза. В этот день я с каким-то ясновидением заглянул в душу буржуа, в душу работника - и ужаснулся. Я видел свирепое желание крови с обеих сторон - сосредоточенную ненависть со стороны работников и плотоядное, свирепое самосохранение со стороны мещан. Такие два стана не могли стоять друг возле друга, толкаясь ежедневно в совершенной чересполосице - в доме, на улице, в мастерской, на рынке. Страшный, кровавый бой, не предсказывавший ничего доброго, был за плечами. Этого никто не видел, кроме консерваторов, накликавших его; ближайшие знакомые говорили с улыбкой о моем раздражительном пессимизме. Им легче было схватить ружье и идти умирать на бастионы, чем смело взглянуть в глаза событиям; им вообще хотелось не понимать дела, а торжество над противниками, им хотелось поставить на своем.

Я становился дальше и дальше от всех. Пустота грозила и тут, - но вдруг барабанный бой - утром рано дребезжавший по улицам сбор возвестил начало катастрофы.

Июньские дни, дни, шедшие за ними, были ужасны, они положили черту в моей жизни. Повторю несколько строк, писанных мною через месяц.

"Женщины плачут, чтоб облегчить душу; мы не умеем плакать. В замену слез и хочу писать, - не для того чтоб описывать, объяснять кровавые события, а просто, чтоб говорить о них, дать волю речи, слезам, мысли, желчи. Где тут описывать, собирать сведения, обсуживать! - В ушах еще раздаются выстрелы, топот несущейся кавалерии, тяжелый густой звук лафетных колес по мертвым улицам; в памяти мелькают отдельные подробности - раненый на носилках держит рукой бок, и несколько капель крови течет по ней; омнибусы, наполненные трупами, пленные с связанными руками, пушки на Place de la Bastille, лагерь у Porte St.-Denis на Елисейских полях и (450) мрачное ночное "Sentinelle, prenez garde a vous!"⁴ Какие тут описания, мозг слишком воспален, кровь слишком остра.

Сидеть у себя в комнате сложа руки, не иметь возможности выйти за ворота и слышать возле, кругом, вблизи, вдали выстрелы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возле льется кровь, режутся, колют, что возле умирают, - от этого

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru можно умереть, сойти с ума. Я не умер, но я состарелся; я оправляюсь после Июньских дней, как после тяжкой болезни.

А торжественно начались они. Двадцать третьего числа, часа в четыре, перед обедом, шел я берегом Сены к Hotel de Ville, лавки запирались, колонны Национальной гвардии с зловещими лицами шли по разным направлениям, небо было покрыто тучами, шел дождик. Я остановился на Pont-Neuf, сильная молния сверкнула из-за тучи, удары грома следовали друг за другом, и середь всего этого раздался мерный, протяжный звук набата с колокольни св. Сульпиция, которым еще раз обманутый пролетарий звал своих братии к оружию. Собор и все здания по берегу были необыкновенно освещены несколькими лучами солнца, ярко выходившими из-под тучи; барабан раздавался со всех сторон, артиллерия тянулась со стороны Карусельской площади.

Я слушал гром, набат и не мог насмотреться на панораму Парижа, будто я с ним прощался; я страстно любил Париж в эту минуту; это была последняя дань великому городу - после Июньских дней он мне опротивел.

С другой стороны реки, на всех переулках строились баррикады. Я как теперь вижу эти сумрачные лица, таскающие камни; дети, женщины помогали им. На одну баррикаду, по-видимому оконченную, взошел молодой политехник, водрузил знамя и запел тихим, печальным голосом "Марсельезу"; все работавшие запели, и хор этой великой песни, раздававшийся из-за камней баррикад, захватывал душу... набат все раздавался. Между тем по мосту простучала артиллерия, и генерал Бедо осматривал с моста в трубу неприятельскую позицию...

В это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое (451) правительство не умело этого сделать, Собрание не хотело, реакционеры искали мести, крови, искупления за 24 февраля, закормы "Националя" дали им исполнителей.

Вечером 26 июня мы услышали, после победы "Националя" над Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками... Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые... "Ведь это расстреливают", - сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. Горе тем, кто прощают такие минуты!

После бойни, продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения; улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная Национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили ходили по бульварам, распевая "Mourir pour la patrie"⁵, мальчишки 16, 17 лет хвастали кровью своих братии, запекшейся на их руках, в них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтобы приветствовать победителей. Каваньянк возил с собой в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуази торжествовала. А дома предместья св. Антония еще дымились, стены, разбитые ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлела" куски разбитых зеркал мерцали... А где же хозяева, жильцы? - об них никто и не думал... местами посыпали песком, кровь все-таки выступала... К Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварам стояли палатки, лошади гладили береженые деревья Елисейских полей; на Place de la Concorde везде было сено, кирасирские латы, седла, в Тюльерийском саду солдаты у решетки варили суп. Париж этого не видал и в 1814 году.

Прошло еще несколько дней - и Париж стал принимать обычный вид, толпы праздношатающихся снова явились на бульварах, нарядные дамы ездили в колясках и кабриолетах смотреть развалины домов и следы отчаянного боя... одни частые патрули и партии арестантов напоминали страшные дни, тогда только стало уясняться прошедшее. У Байрона есть описание ночной битвы: кро(452)вавые подробности ее скрыты темнотою; при рассвете, когда битва давно кончена, видны ее остатки: клинок, окровавленная одежда. Вот этот-то рассвет наставал теперь в душе, он осветил страшное опустошение. Половина надежд, половина верований была убита, мысли отрицания, отчаяния бродили в голове, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтоб в душе нашей, прошедшей через столько опытов, попыткой современным скептицизмом, оставалось так много истребляемого".

Natalie писала около того же времени в Москву: "Я смотрю на детей и плачу, мне
Страница 2

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru становится страшно, я не смею больше желать, чтоб они были живы, может, и их ждет такая же ужасная доля".

В этих словах отголосок всего пережитого - в них виднеются и омнибусы, набитые трупами, и пленные с связанными руками, провожаемые ругательствами, и бедный глухонемой мальчик, подстреленный в нескольких шагах от наших ворот за то, что не слышал "пassez au large!"⁶

И как же иначе могло это отразиться на душе женщины, так несчастно, глубоко понимавшей все печальное... Тут и светлые характеры стали мрачны, исполнены желчи - какая-то злая боль ныла внутри и какой-то родовой стыд делал - неловким жизнь.

Не фантастическое горе по идеалам, не воспоминанья девичьих слез и христианского романтизма всплыли еще раз надо всем в душе Natalie - а скорбь истинная, тяжелая, не по женским плечам. Живой интерес Natalie к общему не охладел, напротив, он сделался живою болью. Это было сокрушение сестры, материнский плач на печальном поле только что миновавшей битвы. Она была в самом деле то, что Рашиль лгала своей "Марсельезой".

Наскучив, бесплодными спорами, я схватился за перо и сам себе, с каким-то внутренним озлоблением убивал прежние упования и надежды; ломавшая, мучившая меня сила исходила этими страницами заклинаний и обид, в которых и теперь, перечитывая, я чувствую лихорадочную кровь и негодование, выступающее через край, - это был выход.

У нее не было его. Утром дети, вечером наши раздраженные, злые споры, споры прозекторов с плохими лекарями. Она страдала, а я вместо врачеванья подавал (453) горькую чашу скептицизма и иронии. Если б за ее больной душой я в половину так ухаживал, как ходил потом за ее больным телом... я не допустил бы побегам от разъедающего корня проникнуть во все стороны. Я сам их укрепил и вырастил, не изведая, может ли она вынести их, сладить с ними.

Самая жизнь наша устроилась странно. Редко бывали тихие вечера интимной беседы, мирного покоя. Мы не умели еще запирать дверей от посторонних. К концу года начали отовсюду являться гонимые из всех стран - бездомные скитальцы; они искали от скуки, от одиночества какого-нибудь дружеского тепла и привета.

Вот как она писала об этом: "Мне надоели китайские тени, я не знаю, зачем и кого я вижу, знаю только, что слишком много вижу людей; все хорошие люди, иногда, мне кажется, я была бы с ними с удовольствием, а так слишком часто, жизнь так похожа на капель весною - кап, кап, кап, кап - все утро забота о Саше, о Наташе, и весь день эта забота, я не могу сосредоточиться ни на одну минуту, рассеянна так, что мне становится иногда страшно и больно; приходит вечер, дети укладываются, - ну, кажется, отдохну, - нет, пошли бродить хорошие люди, и от этого пуще тяжело, что хорошие люди; иначе я была бы совсем одна, а тут я не одна, и присутствия их нечувствую, будто дым кругом бродит, глаза ест, дышать тяжело, а уйдут - ничего не остается... настает завтра - все то же, настает другое завтра - все то же. Никому другому я бы не сказала этого, примут за жадобу, подумают, что недовольна жизнью. Ты понимаешь меня, ты знаешь, что я ни с кем в свете не променялась бы; это минутное негодование, устал... Струя свежего воздуха - и я воскресаю во всей силе..." (21 ноября 1848.).

"Если б все говорить, что проходит по голове, мне иногда так страшно становится, глядя на детей... что за смелость, что за дерзость заставить жить новое существо и не иметь ничего, ничего для того, чтоб сделать жизнь его счастливую - это страшно, иногда я кажусь себе преступницей; легче отнять жизнь, нежели дать, если б это делалось с сознанием. Я еще не встречала никого, про кого могла бы сказать: "Вот если б мой ребенок был такой", то есть если б его жизнь была такая... Мой взгляд упрощается больше и больше. Вскоре после рождений (451) Саши я желала, чтоб он был великий человек, позже - чтоб он был тем, другим... наконец, я хочу, чтоб..."

Тут письмо перервано тифоидной горячкой Таты, вполне развившейся, но 15 декабря добавлено: "ну, так я хотела сказать тогда, что теперь я ничего не хочу сделать из детей, лишь бы им жилось весело и хорошо - а остальное все пустяки..."

24 января 1849. "Как бы я хотела иногда тоже бегать по-мышиному и чтоб эта
Страница 3

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru беготня меня интересовала, а то быть так праздной, так праздной среди этой суеты, среди этих необходимости - а заняться тем, чем бы я хотела, нельзя; как мучительно чувствовать себя всегда в такой дисгармонии с окружающими - я не говорю о самом тесном круге - да, если б можно было в нем заключиться, нельзя. Хочется далее, вон - но хорошо было идти вон, когда мы были в Италии. А теперь - что же это? Тридцать лет - и те же стремлений, та же (жажда, та же неудовлетворенность - да, я это говорю громко. А Наташа подошла на этом слове и так крепко меня расцеловала... Неудовлетворенность? - я слишком счастлива, *la vie deborde7...* Но

Отчего ж на свет

Глядеть хочется,

Облетать его

Душа просится?

Только с тобой я так могу говорить, ты меня поймешь оттого, что ты так же слаба, как я, но с другими, кто сильнее и слабее, я бы не хотела так говорить, не хотела, чтоб они слышали, как и говорю. Для них я найду другое. Потом меня пугает мое равнодушие; так немногое, так немногие меня интересуют... Природа только не в кухне, история - только не в Камере - потом семья, потом еще двое-трое - вот и все. А ведь какие все добрые - занимаются моим здоровьем, глухотой Коли..."

27 января. "Наконец, сил недостает смотреть на предсмертные судороги, они слишком продолжительны, а жизнь так коротка; мною овладел эгоизм, оттого что самоотвержением ничего не поможешь, разве только доказать Пословицу: "На людях и смерть красна". Но довольно умирать, хотелось бы пожить, я бы бежала в Америку..." (455)

Чему мы поверили, что приняли за осуществление, то было пророчество, и пророчество очень раннее. Как тяжело, как безотрадно, - мне хочется плакать, как ребенку. Что личное счастье?.. Общее, как воздух, обхватывает тебя, а этот воздух наполнен только предсмертным заразительным дыханием".

1 февраля. "Н... Н..., если б ты знала, друг мой, как темно, как безотрадно за порогом личного частного! О, если б можно было заключиться в нем и забыться, забыть все, кроме этого тесного круга..."

Невыносимо брожение, которого результат будет через несколько веков; существо мое слишком слабо, чтоб всплыть из этого брожения и смотреть так в даль, - оно сжимается, уничтожается".

Это письмо заключается словами: "Я желаю иметь так мало силы, чтоб не чувствовать своего существования, когда я его чувствую, я чувствую всю дисгармонию всего существующего..."

ПРИМЕТЫ

Реакция торжествовала; сквозь бледно-синюю республику виднелись черты претендентов; Национальная гвардия ходила на охоту по блузам, префект полиции делал облавы по рощам и катакомбам, отыскивая скрывавшихся. Люди менее воинственные доносили, подслушивали.

До осени мы были окружены своими, сердились и грустили на родном языке: Тучковы жили в том же доме, Мария Федоровна - у нас, Анненковы и Тургенев приходили всякий день; но все глядело вдаль, кружок наш расходился. Париж, вымытый кровью, не удерживал больше; все собирались ехать без особенной необходимости, вероятно думая спастись от внутренней тягости, от Июньских дней, взошедших в. кровь и которые они везли с собой.

Зачем не уехал и я? Многое было бы спасено, и мне не пришлось бы принести столько человеческих жертв и столько самого себя на заклание богу жестокому и беспощадному.

день нашей разлуки с Тучковыми и с Марией Федоровной как-то особо каркнул

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru вороном в моей жизни; я и этот сторожевой крик пропустил без внимания, как сотни других. (456)

Всякий человек, много испытавший, припомнит себе дни, часы, ряд едва заметных точек, с которых начинается перелом, с которых ветер тянет с другой стороны; эти знамения или предостережения вовсе не случайны, они последствия, начальные воплощения готового вступить в жизнь, обличения тайно бродящего и уже существующего. Мы не замечаем эти психические приметы, смеемся над ними, как над просыпанной солонкой и потушенной свечой, потому что считаем себя несравненно независимее, нежели на деле, и гордо хотим сами управлять своей жизнью.

Накануне отъезда наших друзей они и еще человека три-четыре близких знакомых собрались у нас. Путешественники должны были быть на железной дороге в 7 часов утра; ложиться спать не стоило труда, всем хотелось лучше вместе провести последние часы. Сначала все шло живо, с тем нервным раздражением, которое всегда бывает при разлуке, но мало-помалу темное облако стало заволакивать всех... разговор не клеился, всем сделалось не по себе; налитое вино выдыхалось, натянутые шутки не веселили. Кто-то, увидя рассвет, отдернул занавесь, и лица осветились синевато-бледным цветом, как на римской оргии Кутюра.

Все были печальны; и задыхался от грусти.

Жена моя сидела на небольшом диване; перед ней на коленях и скрывая лицо на ее груди стояла младшая дочь Тучкова. "Consuelo di sua alma"⁸ - как она ее звала. Она любила страстно мою жену и ехала от нее поневоле в глуши деревенской жизни; ее сестра грустно стояла возле. Консуэла шептала что-то сквозь слез, а в двух шагах молча и мрачно сидела М. Ф.; она давно свыклась с покорностью судьбе, она знала жизнь, и в ее глазах было просто "Прощайте", в то время как сквозь слезы молодых девушек все-таки просвечивало "до свиданья".

Потом мы поехали их провожать. В высоком пустом каменном амбарcadere было пронзительно холодно, двери хлопали неистово, и сквозной ветер дул со всех сторон. Мы уселись в углу на лавке; Тучков пошел хлопотать с чемоданами. Вдруг дверь отворилась, и два пьяных старика шумно взошли в залу. Платы их были замараны, лица искажены, от них несло диким развратом. Они (457) взошли, ругаясь, один хотел ударить другого, тот посторонился и, размахнувшись что есть силы, ударил его самого в лицо; пьяный старик полетел со всех ног. Голова его с каким-то дребезжащим, пронзительным звуком щелкнулась о каменный пол; он вскрикнул, приподнял голову, кровь лилась ручьями по седым волосам и камням. Полиция и пассажиры с неистовством бросились на другого старика.

С вечера раздраженные, взволнованные, в натянутом состоянии, мы крепились, но страшное эхо, раздавшееся в огромной зале от костяного звука ударившегося черепа, произвело во всех что-то истерическое. Наш дом и весь наш круг был во все времена чист и свободен от "траги-нервических явлений", но это было сверх сил; я чувствовал дрожь во всем теле, жена моя была близка к обмороку, а тут звонок - пора, пора! - и мы остались вдруг за решеткой - одни.

Ничего нет грубее и оскорбительнее для расстающегося, как полицейские меры во Франции на железных дорогах; они крадут у остающегося последние две-три минуты... Они еще тут, машина не свистнула еще, поезд не отошел, но между вами загородка, стена и рука полицейского, - а вам хочется видеть, как сядут, как тронутся с места, потом следить за отдалением, за пылью, дымом, точкой, следить, когда уж ничего не видать...

...Молча приехали мы домой. Жена моя тихо проплакала всю дорогу, жаль ей было своей Консуэлы: по временам, завертываясь в шаль, она спрашивала меня: "Помнишь этот звук? он у меня в ушах".

Дома я уговорил ее прилечь, а сам сел читать газеты; читал, читал и premiers-Paris⁹, и фельетоны, и смесь, взглянул на часы - еще не было двенадцати... Вот день! Я пошел к Анненкову, он тоже ехал на днях; с ним отправились мы гулять, улицы были скучнее чтения, такая тоска... точно угрызения совести томили меня. "Пойдемте ко мне обедать", - сказал я, и мы пошли. Жена моя была решительно больна.

Вечер был бессвязен, глуп.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Итак, решено, - спросил я Анненкова прощаясь, - вы едете в конце недели?

- Решено. (458)

- Жутко будет вам в России.

- Что делать, мне ехать необходимо; в Петербурге я" не останусь, уеду в деревню. Ведь и здесь теперь не бог знает как хорошо, как бы вам не пришлось раскаяться, что остается.

Я тогда еще мог возвратиться, корабли не были сожжены, Ребильо и Карлье не писали еще своих доносов, но внутри дело было решено. Слова Анненкова между тем все-таки неприятно коснулись моих обнаженных нерв, и подумал и отвечал:

- Нет, для меня выбора нет, я должен остаться и если раскаюсь, то скорее в том, что не взял ружье, когда мне его подавал работник за баррикадой на Place Mau-bert. \

Много раз в минуты отчаяния и слабости, когда горечь переполняла меру, когда вся моя жизнь казалась мне одной продолжительной ошибкой, когда я сомневался в самом себе, в последнем, в остальном, приходили мне в голову эти слова: "Зачем не взял я ружья у работника и не остался за баррикадой?" Невзначай сраженный пулей, я унес бы с собой в могилу еще два-три верования.

И опять потянулось время... день за день... серое, скучное... Мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли. К зиме стали являться изгнанники других стран, спасшиеся матросы других кораблекрушений; полные самоуверенности, надежд, они принимали реакцию, подымавшуюся во всей Европе, за мимолетный ветер, за легкую неудачу, они ждали завтра, через неделю свой черед...

Я чувствовал, что они ошибаются, но мне нравилась их ошибка, я старался быть непоследовательным, борясь с собой и жил в каком-то тревожном раздражении. Время это осталось у меня в памяти как чадный, угарный день... Я метался от тоски туда, сюда, искал рассеянний в книгах... в шуме, в домашнем отшельничестве, на людях, но все чего-то недоставало, смех не веселил, тяжело пьянило вино, музыка резала по сердцу, и веселая беседа окончивалась почти всегда мрачным молчанием.

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидные противуречия, хаос; снова ломка, снова ничего нет. Давно оконченные основы нравственного быта превращались опять в вопросы; факты сурово подымались со всех (459) сторон и опровергали их. Сомнение заносило свою тяжелую ногу на последние достоинства; оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторские мантии, а революционные знамена... из общих идей оно пробиралось в жизнь. Пропасть лежит между теоретическим отрицанием и сомнением, переходящим в поведение: мысль смела, язык дерзок, он легко произносит слова, которых сердце боится; в груди еще тлеют верования и надежды, тогда когда забежавший ум качает головой. Сердце отстает, потому что любит, и когда ум приговаривает и казнит, оно еще прощается.

Может, в юности, когда все кипит и несется, когда так много будущего, когда потеря одних верований расчищает место другим; может, в старости, когда все становится безразлично от устали, - эти переломы делаются легче, но *nel mezzo del camino di nostra vita*¹⁰ они достаются не даром.

Что ж, наконец, все это шутка? Все заветное, что мы любили, к чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, история обманула, обманула в свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшие, и дела нет, что с ними будет, когда они придут в себя: она их употребила - пусть доживают свой век в инвалидном доме. Стыд, досада! А тут возле простосердечные друзья жмут плечами, удивляются вашему малодушию, вашему нетерпению, ждут завтрашнего дня и, вечно озабоченные, вечно занятые одним и тем же, ничего не понимают, не останавливаются ни перед чем, вечно идут - и все ни с места... Они вас судят, утешают, журят - какая скука, какое наказание!

"Люди веры, люди любви", как они называют себя в противоположность нам, "людям сомнения и отрицания", не знают, что такое полоть с корнем упования, взлелеянные целой жизнью, они не знают болезни истины, они не отдавали никакого сокровища с

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru тем "громким воплем", о котором говорит поэт:

Ich ri3 sie blutend aus dem wunden Herzen,
Und weinte laut und gab sie hin11. (460)

Счастливые безумцы, никогда не трезвеющие, - им незнакома внутренняя борьба, они страдают от внешних причин, от злых людей и случайностей; внутри все цело, совесть покойна, они довольны. Оттого-то червь, точащий других, им кажется капризом, эпикуреизмом сытого ума, праздной ironией. Они видят, что раненый смеется над гвоей деревяшкой, и заключают, что ему операция ничего не стоила; им в голову не приходит, отчего он состарился не по летам и как ноет отнятая нога при перемене погоды, при дуновении ветра.

Моя логическая исповедь, история недуга, через который пробивалась оскорблена мысль, осталась в ряде статей, составивших "С того берега". Я в себе преследовал ими последние идолы, я ironией мстил им за боль и обман; я не над ближним издавался, а над самим собой и, снова увлеченный, мечтал уже быть свободным, но тут и запнулся. Утратив веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизации, я верил в несколько человек, верил в себя.

Видя, что все рушится, я хотел спастись, начать новую жизнь, отойти с двумя-тремя в сторону, бежать, скрыться... от лишних. И надменно, я поставил заглавием последней статьи: "Omnia mea tecum porto"!12

Жизнь распущенная, опаленная, полуувядшая в омуте событий, в круговороте общих интересов, обособляясь, снова сводилась на период юного лиризма без юности, без веры. С этим fara da me13 моя лодка должна была разбиться о подводные камни, и разбилась. Правда, я уцелел, но без всего...

ТИФОИДНАЯ ГОРЯЧКА

Зимой 1848 была больна моя маленькая дочь. Она долго разнемогалась, потом сделалась небольшая лихорадка и, казалось, прошла; Райе, известный доктор, советовал ее прокатить, несмотря на зимний день. Погода была прекрасная, но не теплая. Когда ее привезли домой, она была необыкновенно бледна, просила есть и, не дождавшись бульона, уснула возле нас на диване; про(461)шло несколько часов, сон продолжался. Фогт, брат натуралиста, студент медицины, случился у нас. "Посмотрите, - сказал он, - на ребенка, ведь это вовсе не естественный сон". Мертвая, слегка синеватая бледность лица испугала меня, я положил руку на лоб - лоб был совершенно холодный. Я бросился сам к Райе, по счастью застал его дома и привез с собой. Малютка не просыпалась; Райе приподнял ее, сильно потрес и заставил меня громко звать ее по имени... она раскрыла глаза, сказала слова два и снова заснула тем же сном, тяжелым, мертвым, дыхание едва-едва было заметно, она в этом состоянии, с небольшими переменами, оставалась несколько дней, без пищи и почти без питья; губы почернели, ногти сделались синие, на теле показались пятны, - это была тифоидная горячка. Райе почти ничего не делал, ждал, следил за болезнью и не слишком обнадеживал.

Вид ребенка был страшен, я ждал с часа на час кончины. Бледная и молчащая, сидела моя жена день и ночь у кроватки; глаза ее покрылись тем жемчужным отливом, которым высказывается усталость, страдание, истощение сил и неестественное напряжение нерв. Раз, часу во втором ночи, мне показалось, что Тата не дышит; я смотрел на нее, скрывая ужас; жена моя догадалась.

- У меня кружится в голове, - сказала она мне, - дай воды.

Когда я подал стакан, она была без чувств. И. Тургенев, приходивший делить мрачные часы наши, побежал в аптеку за аммониаком, я стоял неподвижно между двумя; обмершими телами, смотрел на них и ничего не делал. Горничная терла руки, мочила виски моей жене. Через несколько минут она пришла в себя.

- Что? - опросила она.

- Кажется, Тата открывала глаза, - сказала наша добрая, милая Луиза.

Я посмотрел - будто просыпается; я назвал ее шепотом по имени, она раскрыла

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru глаза и улыбнулась черными, сухими и растреснувшими губами. С этой минуты здоровье стало возвращаться.

Есть яды, которые злее, мучительнее разлагаются человека, нежели детские болезни, Я и их знаю, но тупого яда, берущего истомой, обессиливающего в тиши, оскорбляющего страшной ролей праздного свидетеля, - хуже нет, (462)

Тот, кто раз на своих руках держал младенца и чувствовал, как он холодел, тяжелел, становился каменным;

кто слышал последний стон, которым тщедушный организм умоляет о пощаде, о спасении, просится остаться на свете; кто видел на своем столе красивый гробик, обитый розовым атласом, и беленькое платьице с кружевами, так отличающееся от желтого личика, - тог при каждой детской болезни будет думать: "Отчего же не быть и другому гробику вот на этом столе?"

Несчастие - самая плохая школа! Конечно, человек, много испытавший, выносливее, но ведь это оттого, что душа его помята, ослаблена. Человек изнашивается и становится трусливее от перенесенного. Он теряет ту уверенность в завтрашнем дне, без которой ничего делать нельзя; он становится равнодушнее, потому что смыкается с страшными мыслями, наконец он боится несчастий, то есть боится снова перечувствовать ряд щемящих страданий, ряд заминаний сердца, которых память не разносится с тучами.

Стон больного ребенка наводит на меня такой внутренний ужас, обдает таким холодом, что я должен делать большие усилия, чтобы победить эту чисто нервную память.

На другое утро той же ночи я в первый раз пошел пройтись; на дворе было холодно, тротуары были слегка посыпаны инеем, но, несмотря ни на холод, ни на ранний час, толпы народа покрывали бульвары, мальчишки с криком продавали бюллетени: слишком пять миллионов голосов клали связанную Францию к ногам Людовика-Наполеона.

Осиротевшая передняя, наконец, нашла своего барина! ...В это-то напряженное, тяжелое время испытаний является в нашем кругу личность, внесшая собою иной ряд несчастий, сгубивший в частном быте еще больше, чем черные Июньские дни - в общем. Личность эта быстро подошла к нам, втесняет себя, не давая образумиться... В обыкновенное время я скоро знакомлюсь и туто сближаюсь с людьми, но время-то тогда, скажу еще раз, не было обыкновенное.

Все нервы были открыты и болели, ничтожные встречи, неважные напоминовенья потрясали весь организм. Помню я, например, как дня три после канонады я бродил по предместью св. Антония; все еще носило свежие следы свирепого боя; развалившиеся стены, неснятые (463) баррикады, испуганные, бледные, чего-то искающие женщины, дети, рывшиеся в мусоре... Я сел на стул перед небольшим кафе и смотрел с щемящимся сердцем на страшную картину. Прошло с четверть часа. Кто-то тихо положил мне руку на плечо, - это был Довиат, молодой энтузиаст, проповедовавший в Германии а La Ruge какой-то своего рода неокатолицизм и уехавший в 1847 в Америку.

Он был бледен, черты его расстроены, длинные волосы в беспорядке; на нем было дорожное платье.

- Боже мой! - сказал он, - как мы с вами встречаемся.

- Когда вы приехали?

- Сегодня. Узнав, в New-Yorkе о февральской революции, о всем, что делается в Европе, я на скорую руку продал все, что мог, собрал деньги и бросился на пароход, полный надежд и с веселым сердцем. Вчера в Гавре я узнал о последних событиях, но моего воображения недоставало, чтоб представить себе это...

Мы оба еще раз посмотрели, и у обоих глаза были полны слез.

- Ни дня, ни одного дня в проклятом городе! - сказал взволнованный Довиат и был в самом деле похож на юного пророчествующего левита. - Вон отсюда! Вон! Прощайте - еду в Германию!

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Он уехал и попался в прусскую тюрьму, где просидел лет шесть.

Помню еще представление "Катилины", которого ставил тогда на своем историческом театре крепконервный дюма... Форты были набиты колодниками, излишek отправляли стадами в Шато диф, в депортацию, родные бродили из полиции в полицию, как тени, умоляя, чтоб им сказали, кто убит и кто остался, кто расстрелян, а А. Дюма уже выводил Июньские дни в римской латик-лаве на сцену... Я пошел взглянуть. Сначала ничего. Ледрю-Роллен - Катилина и Марк Туллий - Ламартин, классические сентенции с риторической опухолью. Восстание побеждено, Ламартин прошел по сцене со своим "Vixerunt"14 - декорации меняются. Площадь покрыта трупами, издали зарево, умирающие в судорогах смерти лежат между мертвыми, умершие покрыты окровавлен(464)ными рубищами... У меня сперся дух. Давно ли за стенами этого балагана, на улицах, ведущих к нему, мы видели то же самое, и трупы были не картонные, и кровь струилась не из воды с сандалом, а из живых, молодых жил?.. Я бросился вон в каком-то истерическом припадке, проклиная бешено аплодировавших мещан...

В такие судорожные дни, когда человек из кабака и театра, из своего дома и из кабинета чтения выходит в лихорадке, с воспаленным мозгом, задавленным внутри, глубоко оскорбленный и готовый оскорбить первого встречного, - в эти времена каждое слово симпатии, каждая слеза того же горя, каждая брань той же ненависти имеет страшную силу.

Однакими ранами быстро сродняются больные места.

...В первые времена моей юности меня поразил один французский роман, которого я впоследствии не встречал, - роман этот назывался "Arminius". Может, он и не имеет больших достоинств, но тогда он на меня сильно подействовал и долго бродил в голове моей. Я помню главные черты его до сих пор.

Все мы знаем из истории первых веков встречу и столкновение двух разных миров: одного - старого, классического, образованного, но растленного и отжившего, другого - дикого, как зверь лесной, но полного дремлющих сил и хаотического беспорядка стремлений, то есть знаем официальную, газетную сторону этой встречи, а не ту, которая совершилась по мелочи, в тиши домашней жизни. Мы знаем гуртовые события, а не судьбы лиц, находившихся в прямой зависимости от них и а которых без видимого шума ломались жизни и гибли в столкновениях. Кровь заменялась слезами, опустошенные города - разрушенными семьями, поля сражений - забытыми могилами. Автор "Арминия" (имя его я забыл) попытался воспроизвести эту встречу двух миров у семейного очага, одного, "идущего из леса в историю, другого, идущего из истории в гроб.

Всемирная история, распускаясь в сказании, становится ближе .к нам, соизмеримое, живее. Я был так увлечен "Арминием", что сам принялся писать около 1833 года ряд исторических сцен в том же роде и их в 1834 критически разбирал обер-полицеймейстер Цын(465)ский. Но, конечно, писавши их, мне не приходило в мысль, что и я попаду в такое же столкновение, что и мой очаг опустеет, раздавленный при встрече двух мировых колес истории.

Что там ни толкуют, а есть сходные стороны в наших отношениях к европейцам. Наша цивилизация накожна, разврат груб, у нас из-под пудры колет щетина и из-под белил виден загар, у нас есть лукавство диких, разврат животных, уклончивость рабов, у нас везде являются кулаки и деньги - но мы далеко отстали от наследственной, летучей тонкости западного растления. У нас умственное развитие1 служит чистилищем и порукой. Исключений редки. Образование у нас до последнего времени составляло предел, который много гнусного и порочного не переходило.

На Заладе это не так. И вот почему мы легко отдаемся человеку, касающемуся наших святынь, понимающему наши заветные мысли, смело говорящему то, о чем мы привыкли молчать или говорить шепотом на ухо другу., Мы не берем в расчет, что половина речей, от которых бьется наше сердце и подымается наша грудь, сделались для Европы трюизмами, фразами; мы забываем, сколько других испорченных страостей, страостей искусственных, старческих напутано в душе современного человека, принадлежащего к этой выжившей цивилизации. Он с малых лет бежит в обгонки, источен домогательством, болен завистью, самолюбием, недосягаемым эпикуреизмом, мелким эгоизмом, перед которыми падает всякое отношение, всякое чувство - ему нужна роля, позы- на сцене, ему нужно во что бы ни стало удержать место,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru удовлетворить своим страстям. Наш брат, степняк, получив удар, другой, часто не видя откуда, оглушенный им, долго не приходит в себя, а потом бросается, как раненый медведь, и ломает кругом деревья, и ревет и взметает землю, - но поздно, - ц его противник его же указывает пальцем... Много еще разовьется ненависти и прольется крови из-за этих двух разных возрастов ц воспитаний.

...Было время¹⁵, я строго и страстно судил человека, разбившего мою жизнь, было время, когда я искренно желал убить этого человека... С тех пор прошло семь лет; на (466) стоящий сын нашего века, я НАНОСИЛ желание мести и охладил страстное воззрение долгим, беспрерывным разбором. В эти семь лет я узнал и свой собственный предел и предел многих - и вместо ножа, - у меня в руках скальпель, и вместо браны и проклятий - принимаюсь за рассказ из психической .патологии.

II

За несколько дней до 23 июня 1848, возвращаясь вечером домой, я нашел в своей комнате какое-то незнакомое лицо, грустно и сконфуженно шедшее мне навстречу.

- Да это вы? - сказал я наконец, смеясь и протягивая ему руки. - Можно ли это?.. Узнать вас нельзя...

Это был Гервег, обритый, остриженный, без усов, без бороды.

Для него карта быстро перевернулась. Два месяца тому назад, окруженный поклонниками, сопровождаемый своей супругой, он отправлялся в покойном dormezе из Парижа в баденский поход, да провозглашение германской республики. Теперь он возвращался с поля битвы, преследуемый тучей карикатур, осмеянный врагами, обвиняемый своими... Разом изменилось все, рухнулось все, и сквозь растреснувшиеся декорации, в довершение всего, виднелось разорение.

Когда я ехал из России, Огарев дал мне письмо к Гервегу. Он его знал во время его пущей славы. Всегда глубокий в деле мысли и искусства, Огарев никогда не умел судить о людях. Для него все не скучные и не пошлые люди были прекрасными и особенно все художники. Я застал Гервега в тесной дружбе с Бакуниным и Сазоновым и скоро познакомился больше фамильярно, чем близко. Осенью 1847 я уехал в Италию. Возвратившись в Париж, я не застал его, - о его несчастиях я читал в газетах. Почти накануне Июньских дней приехал он в Париж и, встретив у меня первый дружеский прием после баденской ошибки, стал чаще и чащеходить к нам.

Многое мешало мне сначала сблизиться с этим человеком. В нем не было той простой, откровенной натуры, того полного abandon¹⁶, который так идет всему талант(467)ливому и сильному и который у нас почти неразрывен с даровитостью. Он был скрытен, лукав, боялся других; он любил наслаждаться украдкой; у него была какая-то не мужская изнеженность, жалкая зависимость от мелочей, от удобств жизни и эгоизм без всяких границ, rucksichts-los¹⁷, доходивший до наивности цинизма. Во всем этом я вполовину винил не его самого.

Судьба поставила возле него женщину, которая своей мозговой любовью, своим преувеличенным ухаживанием раздувала его эгоистические наклонности, поддерживала его слабости, охорашивая их в его собственных глазах. До женитьбы он был беден, - она принесла ему богатство, окружила его роскошью, сделалась его нянькой, ключницей, сиделкой, ежеминутной необходимостью низшего порядка. Поверженная в прахе, в каком-то вечном поклонении, Huldigung¹⁸ перед поэтом, "шедшим на замену Гёте и Гейне", она в то же время заморила, задушила его талант в пуховиках мещанского сибаритизма.

Досадно мне было, что он так охотно принимал свое положение мужа на содержании, и, признаюсь, я не без удовольствия видел разорение, к которому они неминуемо шли, и довольно хладнокровно смотрел на плачущую Эмму, когда ей приходилось сдать свою квартиру "с золотым обрезом", как мы ее называли, и распродать по-одиночке и за полцены своих "Амуро¹⁹в и Купидонов", по счастию не крепостных, а бронзовых.

Я приостановлюсь здесь, чтобы сказать несколько слов об их прежней жизни и о самом браке их, носящем удивительно резкую печать современного германизма.

У немцев, а еще больше у немок, бездна мозговых страостей, то есть страостей выдуманных, призрачных, натянутых, литературных, - это какая-то

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Uberspanntheit19, книжная восторженность, мнимая холодная экзальтация, всегда готовая без меры удивляться или умиляться без достаточной причины - не притворство, а ложная правда, психическая невоздержность, эстетическая истерика, ничего не стоящая, но приносящая много слез, радости и печали, много развлечений, ощущений, Wonne!²⁰ Умная женщина, как Беттина Арним, не могла отделаться во всю (468) свою жизнь от этой немецкой болезни. Жанры могут изменяться, содержание - быть иным, но, так сказать, психическое обработывание материала - одно и то же. Все сводится на разные вариации, разные нюансы сладострастного пантеизма, то есть религиозно-полового и теоретически влюбленного отношения к природе и людям, что вовсе не исключает романтического целомудрия и теоретического сладострастия ни у светских жриц Космоса, ни у монашествующих невест Христа, богоблудствующих в молитве. Те и другие порываются быть нареченными сестрами грешниц в самом деле. Делают они это из любопытства и сочувствия к падениям, на которые сами никогда не решатся, и всякий раз отпускают их грехи, даже тогда, когда те не просят об этом. Самые восторженные из них проходят весь курс страстей без приложения и искушаются всеми грехами, как-то заочно, рег contumaciam²¹, по книжкам других и собственным тетрадкам.

Одна из самых общих черт всех восторженных немок - это идолопоклонство гениям и великим людям: религия эта идет из Веймара со времен Виланда, Шиллера и Гёте. Но так как гении редки и Гейне жил в Париже, а Гумбольдт был слишком стар и слишком реалист, они бросились с каким-то голодным отчаянием на хороших музыкантов, на недурных живописцев. Образ Ф. Листа, как электрическая искра, прошел через сердца всех немок, выжигая в них высокий лоб и длинные, назад отчесанные волосы.

За неимением, наконец, общегерманских великих людей, они брали, так сказать, удельных гениев, чем бы то ни было отличившихся; все женщины влюблялись в него, все девушки schwarmten fur ihn²², все шили ему на канве подтяжки и туфли и посыпали разные сувениры - секретно, без имени.

В сороковых годах умы в Германии были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народ этот, поседевший за книгой, какFaust, захочет, наконец, как он, выйти на площадь посмотреть на белый свет. Мы знаем теперь, что это были ложные потуги, что новый Faust их Ауэрбахова погребка возвратился вспять в штудирциммер²³. Тогда казалось иначе, особенно немцам, а потому всякое (469) проявление революционного духа находило горячее признание. В самый разгар этого времени показались политические песни Гервега. Большого таланта я в них никогда не видел, сравнивать Гервега с Гейне могла только его жена. Но злой скептицизм Гейне не соответствовал тогдашнему настроению умов. Немцам сороковых годов нужны были не Гёте и не Вальтеры, а Беранжеровы песни и "Марсельеза", переложенные на зарейинские нравы. Стихотворения Гервега оканчивались иной раз in crude²⁴ французским криком, припевом: "Vive la Republique!" и, это приводило в восторг в 42 году, в 52 они были забыты. Перечитывать их невозможно.

Гервег, поэт-лауреат демократии, проехал с банкета на банкет всю Германию и, наконец, явился в Берлин. Всё бросилось приглашать его, для него давали обеды и вечера, все хотели его видеть, даже у самого короля явилось такое желание поговорить с ним, что его доктор Шенлейн счел нужным представить Гервега, королю.

В нескольких шагах от дворца в Берлине жил банкир. Дочь этого банкира была уже давно влюблена в Гервега. Она его никогда не видела - и не имела об нем никакого понятия, но она, читая его стихи, почувствовала в себе призвание сделать его счастливым и в его лавровый венок вплести розу семейного блаженства. Когда же она увидела его в первый раз на вечере, который давал ее отец, она окончательно убедилась, что это он, и он в самом деле сделался ее он.

Предприимчивая и решительная девушка повела стремительно свою атаку. Сначала двадцатичетырехлетний поэт отпрянул назад от мысли о браке, и притом о браке с особой очень некрасивой, с несколько юнкерскими манерами и громким голосом: будущность открывала перед ним обе половины парадных дверей, - какой же тут семейный покой, какая жена!... Но дочь банкира открывала, с своей стороны, в настоящем мешки червонцев, путешествие по Италии, Париж, страсбургские пироги и Clos de Vougeot... Поэт был беден, как Ир. Жить у Фоллена нельзя было вечно, - поколебался он, поколебался и... принял предложение, забыв старику фоллену (деду Фогта) сказать спасибо (470)

Эмма сама мне рассказывала, как подробно и отчетливо поэт вел переговоры о
Страница 11

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru приданом. Он даже прислал из Цюриха рисунки мебели, гардин и тому подобное и требовал, чтоб все это было выслано прежде свадьбы, - так он требовал. О любви нечего было и думать; ее надобно было чем-нибудь заменить. Эмма поняла это и решилась упрочить свою власть иными средствами. Проведя несколько времени в Цюрихе, она повезла мужа в Италию и потом поселилась с ним в Париже. Там она отделала своему "шатцу"²⁵ кабинет с мягкими диванами, тяжелыми бархатными занавесами, дорогими коврами, бронзовыми статуэтками и устроила целую жизнь пустой праздности;

ему это было ново и нравилось, а между тем талант его туск, производительность исчезала; она сердилась за это, подстрекала его и в то же время утягивала его больше и больше в буржуазный эпикуреизм²⁶.

Она была по-своему не глупа и имела гораздо больше силы и энергии, чем он. Развитие ее было чисто немецкое, она бездну читала - но не то, что нужно, училась всякой всячине - не доходя ни в чем до зенита. Отсутствие женственной грации неприятно поражало в ней. От резкого голоса до угловатых движений и угловатых черт лица, от холодных глаз до охотного низведения разговора на двусмысленные предметы - у ней все было мужское. Она открыто при всех волочилась за своим мужем так, как пожилые мужчины волочатся за молоденькими девочками; она смотрела ему в глаза, указывала на него взглядом, поправляла ему шейный платок, волосы и как-то возмутительно нескромно хвалила его. При посторонних он конфузился, но в своем круге не обращал на это никакого внимания, так, как занятый делом хозяин не замечает усердия, с которым собака лижет ему сапоги и ласкается к нему. У них бывали и сцены иногда из-за этого, после ухода гостей; но на другой день влюбленная Эмма снова начинала ту же травлю любовью, и он снова выносил ее из-за удобств жизни и из-за ее обо всем пекущейся опеки. (471)

До чего она избаловала своего миньона²⁷, всего лучше покажет следующий анекдот.

Раз после обеда заходит к ним Ив. Тургенев. Он застает Гервега, лежащего на диване. Эмма терла ему ногу и остановилась.

- Что ж ты перестала - продолжай, - сказал устало поэт.
- Вы больны? - спросил Тургенев.
- Нет, несколько, но это очень приятно... Ну, что нового?

Они продолжали разговаривать, - Эмма потирать ноги.

Уверенная в том, что все удивляются ее мужу, она беспрестанно болтала о нем, не замечая ни того, что это очень было скучно, ни того, что она ему вредила анекдотами об его слабонервности и капризной требовательности. Для нее все этоказалось бесконечно милым и достойным запечатлеться на веки веков в людской памяти - других это возмущало.

- Георг у меня страшный эгоист и баловень (zu ver-Wohnt²⁸), - говорила она, - но кто ж и имеет больше Прав на баловство? Все великие поэты были вечно капризными детьми, и их всех баловали... На днях он купил мне превосходную камелию; дома ему так стало жаль ее отдать, что он даже не показал мне ее и спрятал в свой шкаф и держал ее там, пока она совсем завяла, - so kindisch!..²⁹

Это - слово в слово ее разговор.

Этим идолопоклонством Эмма довела своего Георга до края бездны, он и упал в нее, если не погиб, все же покрыл себя стыдом и позором.

Шум февральской революции разбудил Германию. Говор, ропот, биение сердца слышались с разных концов единого и разделенного на тридцать девять частей германского отечества. В Париже немецкие работники составили клуб и обдумывали, что сделать. Временное правительство ободряло их - не на восстание, а на удаление из Франции: им что-то и от французских работников не спалось. После напутственного благословения флокона и крепкого словца о тиранах и деспотах Коссидьера, - конечно, (472) могло случиться, - этих бедняков и расстреляют, и повесят, их бросят лет на двадцать в казематы, - это было не их дело.

Баденская экспедиция была решена - но кому же быть освободителем, кому вести эту
Страница 12

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru новую armee du Rhiri, состоящую из несколько сот мирных работников и подмастерий? Кому же, думала Эмма, как не великому поэту: лиру за спину и меч в руки, на "боевом коне", о котором он мечтал в своих стихах. Он будет петь после битв и побеждать после песен; его выберут диктатором, он будет в сонме царей и им продиктует волю своей Германии; в Берлине, Unter den Linden, поставят его статую, и ее будет видно из дома старого банкира; века будут воспевать его и - в этих песнопениях... быть может, не забудут добрую, самоотверженную Эмму, которая оруженосцем, пажом, денщиком провожала его, берегла его in der Schwerfahrt!³⁰ и она заказала себе у Юмана Rue neuve des Petits Champs военную амазонку из трех национальных цветов, черного, красного и золотого - и купила себе черный бархатный берет с кокардой тех же цветов.

Через приятелей Эмма указала работникам на поэта; не имея никого в виду и вспоминая песни Гервега, звавшие к восстанию, они выбрали его своим начальником. Эмма уговорила его принять это звание.

На каком основании эта женщина втолкнула человека, которого так любила, в это опасное положение? Где, в чем, когда показал он то присутствие духа, то вдохновение обстоятельствами, которое дает лицу власть над ними, то быстрое соображение, то ясновидение и тот задор, наконец, без которого нельзя ни хирургу делать операцию, ни партизану начальствовать отрядом?! Где у этого расслабленного была сила одну часть нерв поднять до удвоенной деятельности, а другую перевязать до бесчувственности? В ней самой была и решимость и самообладание, - тем непростительнее, что она не вспомнила, как он вздрогивал от малейшего шума, бледнел от всякой нечаянности, как он падал духом от малейшей физической боли и терялся перед всякой опасностью. Зачем же она вела его на страшный искус, в котором притворяться нельзя, в котором не спасешься ни прозой, ни стихами, где, с одной сто(473)роны, лавровый венок веял могилой, а с другой - бегство и позорный столб?

У нее был совсем иной расчет, - его она, не думая сама, рассказала в последующих разговорах и письмах. Республика в Париже провозгласилась почти без боя;

революция брала верх в Италии, вести из Берлина, даже из Вены, ясно говорили, что эти троны покачнулись;

трудно себе было представить, что баденский герцог или виртембергский король могли бы устоять против потока революционных идей. Можно было ждать, что при первом клике свободы солдаты бросят оружие, народ примет инсургентов с распростертым и объятиями: поэт провозгласил бы республику, республика провозгласила бы поэта диктатором - разве не был диктатором Ламартин? Осталось бы потом диктатору-певцу торжественным шествием проехать по всей Германии с своей черно-красно-золотой Эммой в берете, чтобы покрыться военной и гражданской славой...

На деле оказалось не то. Тупой баденский и швабский солдат ни поэтов, ни республики не знает, а дисциплину и своего фельдфебеля знает очень хорошо и, по врожденному холопству, любит их и слепо слушается своих штаб и обер-офицеров. Крестьяне были взяты врасплох, освободители сунулись без серьезного плана, ничего не приготовив. Тут и храбрые люди, как Геккер, как Видлих, ничего не могли сделать, - они тоже были побиты, но не побежали с поля сражения, и по счастию... возле них не было влюбленной немки.

При перестрелке Эмма увидела своего испуганного, бледного, со слезами страха да глазах Георга, готового бросить свою саблю и где-нибудь спрятаться, - и окончательно погубила его. Она стала перед ним под выстрелами и звала товарищей на спасенье поэта. Солдаты одолевали... Эмма, прикрывая бегство своего мужа, подвергалась быть раненой, убитой или схваченной в плен, то есть посаженной лет на двадцать в Шпандау или Раштадт да еще предварительно высеченной.

Он скрылся в ближнюю деревушку при самом начале поражения. Там он бросился к какому-то крестьянину, умоляя его, заклиная спрятать его. Крестьянин не скоро решился, боясь солдат; наконец, позвал его на двор и, осмотревшись кругом, спрятал будущего диктатора в пустой бочке и прикрыл соломой, подвергая свой дом раз(474)граблению и себя фуэтелям и тюрьме. Солдаты явились, крестьянин не выдал, а дал знать Эмме, которая приехала за ним, спрятала мужа в телегу, переоделась, села на козлы и увезла его за границу.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Как же ими вашего спасителя? - спросили его мы.

- Я забыл его спросить, - отвечал спокойно Гервег.

Раздраженные товарищи его бросились теперь с ожесточением терзать несчастного певца, вымешая разом и то, что он разбогател, и то, что квартира его была "с золотым обрезом", и аристократическую изнеженность и проч. Его жена до такой степени не понимала портей31 того, что делала, что месяца через четыре напечатала в защиту мужа брошюру, в которой рассказывает свои подвиги, забывая, какую тень один этот рассказ должен был бросить на него.

Вскоре его стали обвинять уже не только в бегстве, но в растрате и утайке общественных денег. Я думаю, что деньги не были присвоены им, но также уверен и в том, что они беспорядочно бросались и долею на ненужные прихоти воинственной четы. П. Анненков был свидетелем, как закупались начиненные трюфлями индейки, паштеты у Шеве и укладывались вина и прочее в путевую карету генерала. Деньги были даны флоконом по распоряжению Временного правительства; в самой сумме их престранные варьации: французы говорили о 30 000 франков, Гервег уверял, что он не получал и половины, но что правительство заплатило за проезд по железной дороге. К этому обвинению возвратившиеся инсургенты прибавляли, что в Страсбурге, куда они добрались, оборванные, голодные и без гроша денег после поражения, они обратились к Гервегу за помощью - и получили отказ, Эмма даже не допустила их до него - в то время как он жил в богатом отеле... "и носил желтые сафьяновые туфли". Почему они именно это считали признаком роскоши, не знаю. Но о желтых туфлях я слышал десять раз.

Все это случилось как во сне. В начале марта освободители іn spe еще пировали в Париже; в половине мая они, разбитые, переходили французскую границу. Гервег, образумившись в Париже, увидел, что прежняя (475) садовая дорожка к славе засыпана... действительность сурово напомнила ему о его границе; он понял, что его положение - поэта своей жены и бежавшего с поля диктатора - было неловко... Ему приходилось переродиться или идти ко дну. Мне казалось (и вот где худшая ошибка моя), что мелкая сторона его характера перерабатывается. Мне казалось, что я могу ему помочь в этом - больше, чем кто-нибудь.

И мог ли я иначе думать, когда человек ежедневно говорил (впоследствии писал): "...Я знаю жалкую слабость моего характера, - твой характер яснее моего и сильнее, - поддержи меня, будь мне старшим братом, отцом... У меня нет близких людей - я на тебе сосредоточиваю все симпатии; любовью, дружбой из меня можно сделать все, будь же не строг, а добр и снисходителен, не отнимай руки твоей... да я и не выпущу ее, я уцеплюсь за тебя... В одном я не только не уступлю тебе, но, может, сильнее тебя: в безграничной любви к близким моему сердцу".

Он не лгал, но это его ни к чему не обязывало. Ведь и в баденское восстание оншел не с тем, чтобы оставить своих товарищней в минуту боя, - но, видя опасность, бежал.

Пока нет никакого столкновения, борьбы, пока не требуется ни усилия, ни жертвы, - все может идти превосходно - целые годы, целая жизнь - но не попадайся ничего на дороге - иначе быть беде - преступлению или стыду.

Зачем я не знал этого тогда!

К концу 1848 года Гервег стал у нас бывать почти всякий вечер - дома ему было скучно. Действительно, Эмма ему страшно мешала. Она воротилась из баденской экспедиции тою же, как поехала; внутреннего раздумья о случившемся у нее не было; она была по-прежнему влюблена, довольна, болтлива - как будто они возвратились после победы - по крайней мере без ран на спине. Ее заботило одно - недостаток денег и положительная надежда вскоре их не иметь совсем. Революция, которой она так неудачно помогла, не освободила Германию, не покрыла лаврами чело поэта, но разорила вконец старика банкира, ее отца. (476)

Она постоянно старалась рассеять мрачные мысли мужа, ей и в голову не приходило, что он только этими грустными мыслями и может спастись.

Внешней, подвижной Эмме не было потребности на эту внутреннюю, глубокую и, по-видимому, приносящую одну боль работу. Она принадлежала к тем несложным натурам в два темпа, которые рубят своим entweder oder32 всякий гордиев узел с

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru правой или с левой стороны, все равно, - лишь бы как-нибудь отделаться и снова торопиться - куда? этого-то они и сами не знают; она вривалась середь речи или с анекдотом, или с дельным замечанием, но дельность которого была низшего порядка. Уверенная, что между нами никто не был одарен таким практическим смыслом, как она, и вместо того чтоб из кокетства скрывать свою деловую смысленость, она кокетничала ею. Притом надобно сказать, что она серьезного практического смысла нигде не показала. Хлопотать, говорить о ценах и кухарках, о мебели и материях - очень далеко от дельного приложения. У нее в доме все шло безумным образом, потому что все было подчинено ее мономании; она постоянно жила *sur le qui vive*³³, смотрела в глаза мужу и подчиняла все существенные необходимости жизни и даже здоровья и воспитания детей его проказам.

Гервег, естественно, рвался из дома и искал у нас гармоничного покоя. Он видел в нас какую-то идеальную семью, в которой он все любил, всему поклонялся - детям столько же, сколько нам. Он мечтал о том, как бы уехать с нами куда-нибудь вдали - и оттуда спокойно досматривать пятое действие темной европейской трагедии.

И при всем этом, кроме одинакового или очень близкого пониманья общих дел, в нас мало было сходного.

Гервег как-то сводил все на свете на себя; он отдавался своекорыстно, искал внимания, робко-самолюбиво был неуверен в себе и в то же время был уверен в своем превосходстве. Все это вместе заставляло его кокетничать, капризничать, быть иногда преднамеренно печальным, внимательным или невнимательным. Ему был постоянно нужен проводник, наперсник, друг и раб вместе (именно такой, как Эмма), который бы мог выносить (477) холодность и упреки, когда его служба не нужна, и который при первом знаке готов снова броситься сломя голову и делать с улыбкой и покорностью, что прикажут.

И я искал любви и дружбы, искал сочувствия, даже .рукоплесканий, и вызывал их, но этой женски-кошачьей игры в *depit*³⁴ и объяснения, этой вечной жажды внимания, холеня никогда во мне не было. Может, непринужденная истинность, излишняя самонадеянность и здоровая простота моего поведения, *laisser aller*³⁵ происходило тоже от самолюбия, может быть, я им накликал беды на свою голову, но оно так. В смехе и горе, в любви и общих интересах я отдавался искренно и мог наслаждаться и горевать, не думая о себе. С крепкими мышцами и нервами я стоял независимо и самобытию и был готов горячо подать другому руку - но сам не просил, как милостыни, ни помощи, ни опоры.

При такой противоположности нельзя себе представить, чтобы между мной и Гервегом не бывали иногда неприятные столкновения. Но, во-первых, он со мной был гораздо осторожнее, чем с другими, во-вторых, он меня совершенно обезоруживал грустным сознанием, что он виноват. Он не оправдывался, но во имя дружбы просил снисхождения к слабой натуре, которую он сам знал и осуждал. Я играл роль какого-то опекуна, защищал его от других и делал ему замечания, которым он подчинялся. Его покорность сильно не нравилась Эмме - она ревниво подтрунивала над этим.

Наступил 1849 год.

III. КРУЖЕНИЕ СЕРДЦА

Мало-помалу в 1849 я стал замечать в Гервеге разные перемены. Его неровный нрав сделался еще больше неровным. На него находили припадки невыносимой грусти и бессилия. Отец его жены окончательно потерял состояние; спасенные остатки были нужны другим членам семейства - бедность грубее стучалась в двери поэта... он -не мог думать о ней, не содрогаясь и (478) не теряя всякого мужества. Эмма выбивалась из сил - занимала направо и налево, забирала в долг, продавала вещи... и все это для того, чтоб он не заметил настоящего положения дел. Она отказывала не только себе в вещах необходимых но не шила детям белья для того, чтоб он обедал у "Провансальских братий" и покупал себе вздор. Он брал у нее деньги, не зная, откуда они, и не желая знать. Я с ней бранился за это, я говорил, что она губит его, намекал ему - он упорно не понимал, а она сердилась, и все шло по-старому.

Хоть он и боялся бедности до смешного, тем не меньше причина его тоски была не тут.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
В его плаче о себе постоянно возвращалась одна нота, которая наконец стала мне
надоедать; я с досадой слушал вечное повторение жалоб Гервега на свою слабость,
сопровождаемое упреками в том, что мне не нужен ни привет, ни ласка, а что он
вянет и гибнет без близкой руки, что он так одинок и несчастен, что хотел бы
умереть; что он- глубоко уважает Эмму, но что его нежная, иначе настроенная душа
сжимается от ее крутых, резких прикосновений и "даже от ее громкого голоса".
Затем следовали страстные уверения "в дружбе ко мне... В этом лихорадочном и
нервном состоянии я стал разглядывать чувство, испугавшее меня - за него столько же,
сколько за меня. Мне казалось, что его дружба к Natalie принимает больше
страстный характер... Мне было нечего делать, я молчал и с грустью начинал
предвидеть, что этим путем мы быстро дойдем до больших бед и что в нашей жизни
что-нибудь да разобьется... Разбилось все.

Постоянная речь об отчаянии, постоянная молитва о внимании, о теплом слове,
зависимость от него - и плач, плач - все это сильно действовало на женщину,
едва вышедшую из трудно приобретенной гармонии и страдавшую от глубоко
трагической среды, в которой мылили.

- У тебя есть отшибленный уголок, - говорила мне Natalie, - и к твоему характеру
это очень идет; ты не понимаешь тоску по нежному вниманию матери, друга, сестры,
которая так мучит Гервега. Я его понимаю, потому что сама это чувствую... Он -
большой ребенок, а ты совершенолетний, его можно безделицей разогорчить и
сделать счастливым. Он умрет от холодного слова, его надо щадить... зато
какой бесконечной благодарностью он благодарит за малейшее внимание, за
теплоту, за участие...

Неужели?.. Но нет, он сам оказал бы мне, прежде чем говорить с нею... и я свято
хранил его тайну и не касался до нее ни одним словом, жалея, что он со мной не
говорит...

Можно беречь тайну, не вверяя ее никому, но только никому. Если он говорил о
своей любви, он не мог молчать с человеком, с которым жил в такой душевной
близости, и тайну, так близко касающуюся до него - стало, он не говорил. Я забыл
на это время старый роман под заглавием "Армяний"!

...В конце 1849 я поехал из Цюриха в Париж, хлопотать о деньгах моей матери,
остановленных русским правительством. С Гервегом мы расстались, уезжая из
Женевы. На пути я зашел к нему в Берне.

Я его застал читающего по корректурным листкам отрывки из "Vom andern Lifer"
Симону Триерскому. Он бросился ко мне, как будто мы месяцы не видались. Я ехал
вечером в тот же день - он не отходил от меня ни на одну минуту, снова и снова
повторяя слова самой восторженной и страстной дружбы. Зачем он тогда не нашел
силы прямо и открыто рассказать мне свою исповедь?.. Я был мягко настроен тогда,
все бы пошло человечественно.

Он проводил меня на почтовый двор, простился и, прислонясь к воротам, в которые
выезжает почтовая карета, остался, утирая слезы... Это чуть ли не была последняя
минута, в которую я еще в самом деле любил этого человека... Думая всю ночь, я
тогда только дошел до одного слова, не выходившего из головы: "Несчастье,
несчастье!.. Что-то выйдет из этого?"

Мать моя вскоре уехала из Парижа, я останавливался у Эммы, но, в сущности, был
совершенно один. Это одиночество было" мне необходимо; мне надо было одному
вдуматься, что делать. Письмо от Natalie, в котором она говорила о своем
сочувствии к Гервегу, дало мне повод, и я решился писать к ней. Письмо мое было
печально, но спокойно; я ее просил тихо, внимательно исследовать свое сердце и
быть откровенной с собой и со мной; я ей напоминал, что мы слишком связаны всем
бытым и всею жизни, чтоб что-нибудь не договаривать. (480)

"От тебя письмо от 9-го, - писала Natalie (это письмо осталось, почти все
остальные сожжены во время Сoup d'Etat), и я тоже сижу и думаю только: "Зачем
это?" И плачу, и плачу. Может, я виновата во всем; может, недостойна жить - но я
чувствую себя так, как писала как-то тебе вечером, оставшись одна. Чиста перед
тобой и перед всем светом, я не слыхала ни одного упрека в душе моей. В любви
моей к тебе мне жилось, как в божьем мире, не в ней - так и негде, казалось мне.
Выбросить меня из этого мира - куда же? - надо переродиться. Я с ней, как с
природой, нераздельна, из нее я опять в нее. Я ни на одну минуту не чувствовала

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru иначе. Мир широкий, богатый, я" не знаю богаче внутреннего мира, может слишком широкий, слишком расширявший мое существо, его потребности, - в этой полноте бывали минуты, и они бывали с самого начала нашей жизни вместе, в которые незаметно, там где-то на дне, в самой глубине души что-то, как волосок тончайший, мутило душу, а потом опять все становилось светло".

"Эта неудовлетворенность, что-то оставшееся незанятым, заброшенным, пишет Natalie в другом письме, - искало иной симпатии и нашло ее в дружбе к Гервегу".

Мне было этого мало, и я писал ей: "Не отворачивайся от простого углубления в себя, не ищи объяснений; диалектикой не уйдешь от водоворота - он все же утянет тебя. В твоих письмах есть струна новая, незнакомая мне - не струна грусти, а другая... Теперь всё еще в наших руках... будем иметь мужество идти до конца. Подумай, что после того как мы привели смущавшую нашу душу тайну к слову, Гервег взойдет фальшивой нотой в наш аккорд - или я. Я готов ехать с Сашей в Америку, потом увидим, что и как... Мне будет тяжело, но я постараюсь вынести; здесь мне будет еще тяжелее - и я не вынесу".

На это письмо она отвечала криком ужаса; мысль разлуки со мной ей никогда не представлялась. "Что ты!.. Что ты!.. Я - и разлучиться с тобой, - как будто это возможно! Нет, нет, я хочу к тебе, к тебе сейчас - и буду укладываться, и через несколько дней я с детьми в Париже".

В день выезда из Цюриха она еще писала: "Точно после бурного кораблекрушения я возвращаюсь к тебе, (481) в мою отчизну, с полной верой, с полной любовью. Если б состояние твоей души похоже было на то, в котором я нахожусь! Я счастливее, чем когда-нибудь. Люблю я тебя все так же, но твою любовь я узнала больше, и все счеты с жизнью сведены, - я не жду ничего, не желаю ничего. Недоразумения! - я благодарна им, они объяснили мне многое, а сами они пройдут и рассеются, как тучи".

Встреча наша в Париже была не радостна, но проникнута чувством искреннего и глубокого сознанья, что буря не вырвала далеко пустившего свои корни дерева, что нас разъединить нелегко.

В длинных разговорах того времени одна вещь удивила меня, и я ее исследовал несколько раз и всякий раз убеждался, что я .прав. Вместе с оставшейся горячей симпатией к Гервегу Natalie словно свободнее вздохнула, вышедши из крута какого-то черного волшебства; она боялась его, она чувствовала, что в его душе есть темные силы, ее пугал его бесконечный эгоизм, и она искала во мне оплота и защиту.

Ничего не зная о мой переписке с Natalie, Гервег понял что-то недобре в моих письмах. Я действительно, помимо другого, был очень недоволен им. Эмма рвалась, плакала, старалась ему угодить, доставала деньги, - он или не отвечал на ее письма, или писал колкости и требовал еще и еще денег. Письма его ко мне, сохранившиеся! у меня, скорее похожи на письма встревоженного любовника, чем на дружескую переписку. Он со слезами упрекает меня в холодности; он умоляет не покидать его; он не может жить без меня, без прежнего полного, безоблачного сочувствия; он проклинает недоразумения и вмешательство "безумной женщины" (то есть Эммы); он жаждет начать новую жизнь, - жизнь вдали, жизнь с нами - и снова называет меня отцом, братом, близнецом.

На все это я писал ему на разные лады: "Подумай, можешь ли ты начать новую жизнь, можешь ли стряхнуть с себя... порчу, растленную цивилизацию", - и раза два напомнил Алеко, которому старый цыган говорит:. "Оставь нас, гордый человек, ты для одного себя хочешь свободы!"

Он отвечал на это упреками и слезами, но не проговорился. Его письма 1850 и первые разговоры в Ницце служат страшным обличительным документом... чего? Об(482)мана, коварства, лжи?" Нет; да это было бы и не ново, - а той слабодушной двойственности, в которой я много раз обвинял западного человека. Перебирая часто все подробности печальной драмы нашей, я всегда останавливался с изумлением, как" этот человек ни разу, ни одним словом, ни одним прямым движением души не обличил себя. Каким образом, чувствуя невозможность быть со мною откровенным, он старался дальше и дальше входить в близость со мной, касался в разговоре тех заповедных сторон души, которых без святотатства касается только полная и взаимная откровенность?

С той минуты, с которой он угадал мое сомнение и не только промолчал, но больше и больше уверял меня в своей дружбе, - и в то же время своим отчаянием еще сильнее действовал на женщину, которой сердце было потрясено, - с той минуты, с которой он начал со мною отрицательную ложь молчанием и умолял ее (как я после узнал) не отнимать у него моей дружбы неосторожным словом, - с той минуты начинается преступление.

Преступление!.. да... и все последующие бедствия идут как простые неминуемые последствия его, - идут, не останавливаясь гробами, идут, не останавливаясь раскаяньем, потому что они - не наказание, а последствие; идут за поколение - по страшной несокрушимости совершившегося. Казнь искупает, примиряет человека с собой, с другими, раскаяние искупает его, но последствия идут своим страшным чередом. Для бегства от них религия выдумала рай и его сени - монастырь.

...Меня выслали из Парижа и почти в то же время выслали и Эмму. Мы собирались прожить год-два в Ницце, - тогда это была Италия, - и Эмма ехала туда же. Через некоторое время, то есть к зиме, должна была приехать в Ниццу моя мать и с нею Гервег.

Зачем же я-то с Natalie именно ехал в тот же город? Вопрос этот приходил мне в голову и другим, но в сущности он мелок. Не говоря о том, что куда бы я ни поехал, Гервег мог также ехать, но неужели можно было что-нибудь сделать, кроме оскорбления географическими и другими внешними мерами?

Недели через две-три после своего приезда Гервег принял вид Вертера в последней степени отчаяния, и до того очевидно, что один русский лекарь, бывший проездом в Ницце, был уверен, что у него начинается (483) помешательство. Жена его являлась с заплаканными глазами - он с нею обращался возмутительно. Она приходила часы целые плакать в комнату Natalie, и обе были уверены, что он не нынче-завтра бросится в море или застрелится. Бледные щеки, взъявленный вид Natalie и снова овладевавший ею тревожный недосуг, даже в отношении к детям, показал мне ясно, что делается внутри.

Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвечивало ближе и ближе что-то зловещее, похожее на беспрерывно пропадающие и опять являющиеся две сверкающие точки на опушке леса и свидетельствующие о близости зверя. Все быстро неслось к развязке. Ее задержало рождение Ольги.

IV. ЕЩЕ ГОД (1851)

Перед Новым годом Natalie принесла мне показать акварель, который она заказывала живописцу Guyot. Картина представляла нашу террасу, часть дома и двор, на дворе играли дети, лежала Татина коза, вдали на террасе была сама Natalie. Я думал, что акварель назначена мне, но Natalie сказала, что она ее хочет подарить в Новый год Гервегу.

Мне было досадно.

- Нравится тебе? - спросила Natalie.

- Акварель мне так нравится, - сказал я, - что, если Гервег позволит, я велю сделать для себя копию.

По моей бледности и по голосу Natalie поняла, что эти слова были и вызов и свидетельство сильной внутренней бури. Она взглянула на меня, слезы были у нее на глазах.

- Возьми ее себе! - оказала она.

- Ни под каким видом, что за шалости.

Больше мы не говорили.

Новый, 1851 год мы праздновали у моей матери. Я был в сильно раздраженном состоянии, сел возле фогта и, наливая ему и себе стакан вина за стаканом, сыпал остротами и колкостями; фогт катался со смеху, Гервег печально смотрел исподлобья. Наконец-то он понял. После (484) тоста за Новый год он поднял свой

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru бокал и сказал, что он одного желает: "чтоб наступающий год был не хуже прошедшего", что он желает этого всем сердцем, но не надеется, напротив, чует, что "все, все распадается и гибнет";

Я промолчал.

На другое утро я взял свою старую повесть "Кто виноват?" и перечитал журнал Любеньки и последние главы. Неужели это было пророчество моей судьбы так, как дуэль Онегина была предвещанием судьбы Пушкина?.. Но внутренний голос говорил мне: "какой ты Круциферский - да и он что за Бельтов - где в нем благородная искренность, где во мне слезливое самоотвержение?" и середь уверенности в минутном увлечении Natalie я был еще больше уверен, что мы померяемся с ним, что он меня не вытеснит из ее сердца.

...Случилось то, чего я ожидал: Natalie сама вызвала объяснение. После истории с акварелью и праздника у моей матери откладывать его было невозможно.

Разговор был тяжел. Мы оба не стояли на той высоте, на которой были год тому назад. Она была смущена, боялась моего отъезда, боялась его отъезда, хотела сама ехать на год в Россию и боялась ехать. Я видел колебание и видел, что он своим эгоизмом сгубит ее - а она не найдет сил. Его я начинал ненавидеть за молчание.

- Еще раз, - повторял я, - я отдаю судьбу свою в твои руки. Еще раз умоляю все взвесить, все оценить. Я еще готов принять всякое решенье, готов ждать день, неделю, но только чтоб решенье было окончательное. Я чувствую, - говорил я, - что стою на пределе моих сил; я еще могу хорошо поступить, но чувствую также, что надолго меня не станет.

- Ты не уедешь, ты не уедешь! - говорила, она, заливаясь, - этого я не переживу.
- На ее языке такие слова были не шуткой. - Он должен ехать.

- Natalie, не торопись, не торопись брать последнего решенья, потому что оно последнее... думай сколько хочешь, но скажи мне окончательный ответ. Эти приливы и отливы сверх моих сил... я от них глупею, становлюсь мелок, схожу с ума... требуй от меня все, что хочешь, но только сразу...

Тут заехала моя мать с Колей звать нас в Ментоне. Когда мы вышли садиться, оказалось, что одного места (485) недоставало. Я указал рукой место Гервегу. Гервег, вовсе не отличавшийся такой деликатностью, не хотел садиться. Я посмотрел на него, затворил дверцы коляски и сказал кучеру: "Ступайте!"

Мы остались вдвоем перед домом на берегу моря. У меня на душе была плита, он молчал, был бледен, как полотно, и избегал моего взгляда. Зачем я не начал прямо разговора или не столкнул его со скалы в море? Какая-то нервная невозможность остановила меня. Он сказал мне что-то о страданиях поэта и что жизнь так скверно устроена, что поэт вносит всюду несчастье. Сам страдает и заставляет страдать все ему близкое... Я спросил его, читал ли он "Ораса" Ж. Санд. Он не помнил, я советовал ему перечитать.

Он пошел за книгой к Висконти, Больше мы с ним не видались!

Когда часу в седьмом все собрались к обеду, его не было. Взошла его жена с глазами, опухнувшими от слез. Она объявила, что муж болен, - все переглянулись; я чувствовал, что был в состоянии воткнуть в нее нож, который был к руках.

Он заперся в своих комнатах наверху. Этим etalage36 он покончил себя, с ним я был свободен. Наконец, посторонние ушли, дети улеглись спать, - мы остались вдвоем. Natalie сидела у окна и плакала; я ходил по комнате;

кровь стучала в виски, я не мог дышать.

- Он едет! - сказала она, наконец.
- Кажется, что совсем не нужно - ехать надобно мне...
- Бога ради...
- Я уеду...

- Александр, Александр, как бы ты не раскаялся. Послушай меня - спаси всех. Ты один можешь это сделать. Он убит, он совершенно пал духом, - ты знаешь сам, что ты был для него; его безумная любовь, его безумная дружба и сознание, что он нанес тебе огорчение... и хуже... Он хочет ехать, исчезнуть... Но для этого ничего не надобно усложнять, иначе он на один шаг от самоубийства.

- Ты веришь?
- Я уверена.
- И он сам это говорил? (486)
- Сам, и Эмма. Он вычистил пистолет.
- Я расхохотался и спросил:
- Не баденский ли? Его надобно почистить: он, верно, валялся в грязи. Впрочем, скажи Эмме, - я отвечаю за его жизнь, я ее страхую в какую угодно сумму.
- Смотри, как бы тебе не пожалеть, что смеешься, - сказала Natalie, мрачно качая головой.
- Хочешь я пойду его уговаривать.
- Что еще выйдет из всего этого?
- Следствия, - сказал я, - трудно предвидеть и еще труднее отстранить.
- Боже мой! Боже мой! Дети, - бедные дети - что с ними будет?
- Об них, - сказал я, - надобно было прежде думать!

И это, конечно, самые жестокие слова из всех сказанных мною. Я был слишком раздражен, чтобы человечески понимать смысл слов; я чувствовал что-то судорожное в груди и голове и был, может, способен не только к жестоким словам, но к кровавым действиям.

Она была уничтожена, - наступило молчание.

"Прошло с полчаса37 - я хотел чашу выпить до дна и сделал ей несколько вопросов: она отвечала. Я чувствовал себя раздавленным; дикие порывы мести, ревности, оскорбленного самолюбия пьянили меня. Какой процесс, какая виселица могли устрашить - жизнь свою я уже не ставил ни в грош, - это - одно из первых условий для дел страшных и безумных. Я ни слова не говорил, - я стоял перед большим столом в гостиной, сложа руки на груди... лицо мое было, вероятно, совсем искажено.

Молчание продолжалось, - вдруг я взглянул и испугался: лицо ее покрывала смертная бледность - бледность с синим отливом, губы были белые, рот судорожно полуоткрыт; не говоря ни слова, она смотрела на меня мутным, помешанным взглядом. Этот вид бесконечного страдания, немой боли вдруг осадил бродившие страсти, мне ее стало жаль, слезы текли по щекам моим, я готов был броситься к ее ногам - просить прощения... Я сел возле нее на диван, взял ее руку, положил голову на плечо и стал ее утешать тихим, кротким голосом. (487)

Меня угрызала совесть, - я чувствовал себя инквизитором, палачом... то ли надобно было - это ли помочь друга - это ли участие, и так, со всем развитием, со всей гуманностью, я в припадке бешенства и ревности мог терзать несчастную женщину, мог представлять какого-то Рауля Синю Бороду.

Несколько минут прошли прежде, чем она сказала что-нибудь, могла что-нибудь сказать, и потом вдруг, рыдая, бросилась мне на шею; я ее опустил на диван совершенно изнуренную; она только могла сказать: "Не бойся, друг мой, это хорошие слезы, слезы умиления... нет, нет, я никогда не расстанусь с тобой!"

От волнения, от спазматического рыдания она закрыла глаза, - она была в обмороке. Я лил ей на голову одеколон, мочил виски, она успокоилась, открыла

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru глаза, лежала мою руку и впала в какое-то забытье, продолжавшееся больше часу; я простоял возле на коленях. Когда она раскрыла глаза, она встретилась с моим печальным и покойным взглядом, - слезы еще катились по щекам, она улыбнулась мне...

Это был кризис. С этой минуты тяжелые чары ослабли - яд действовал меньше.

- Александр, - говорила она, несколько оправившись, - доверши свое дело: поклянись мне, - мне это нужно, я без этого жить не могу, - поклянись, что все кончится без крови, подумай о детях... о том, что будет с ними без тебя и без меня...

- Даю тебе слово, что я сделаю все, что возможно, отстраниую всякую коллизию, пожертвую многим, но для этого мне необходимо одно, - чтоб он завтра уехал, ну, хоть в Геную.

- Это как ты хочешь. А мы начнем новую жизнь, и пусть все прошедшее будет прошедшее. Я крепко обнял ее.

На другой день утром явилась ко мне Эмма. Она была растрепана, с заплаканными глазами, очень безобразна, в блузке, подпоясанной шнурком. Она трагически медленно подошла ко мне. В другое время я бы расхохотался над этой немецкой декламацией. Теперь было не до смеха. Я принял ее стоя и вовсе не скрывая, что мне ее посещение неприятно. (488)

- Что вам надобно? - спросил я.

- Я пришла от него к вам.

- Ваш муж, - сказал я, - мог бы сам прийти, если ему нужно, или он уже застрелился? Она скрестила руки на груди.

- И это вы говорите, вы, его друг? Я вас не узнаю! Неужели вы не понимаете трагедию, совершающуюся перед вашими глазами?.. Его нежная организация не вынесет ни разлуки с ней, ни разрыва с вами. Да, да, с вами!.. Он плачет о горе, которое он нанес вам, - он велел вам сказать, что жизнь его в ваших руках, он просит, чтоб вы убили его.

- Что это за комедия! - сказал я, перерывая ее речь, - ну, кто же приглашает людей таким образом, да еще через свою жену, на убийство. Это продолжение пошлых мелодраматических выходок, отвратительных для меня, - я не немец...

- Herr Herzen...

- Madame Herwegh, зачем вы беретесь за такие трудные комиссии? Вы могли ожидать, что вы не услышите от меня ничего приятного.

- Это роковое несчастие, - сказала она, помолчав, - оно равно поразило вас и меня... но посмотрите, какая разница в вашем раздражении и в моей преданности...

- Сударыня, - сказал я, - наши роли были не одинакие. Прошу не сравнивать их, а то как бы вам не пришлось покраснеть.

- Никогда! - сказала она запальчиво. - Вы не знаете, что говорите, - и потом прибавила: - я увезу его, в этом положении он не должен оставаться, ваша воля исполнится. Но вы больше не тот в моих глазах, которого я так много уважала и которого считала лучшим другом Георга. Нет, если бы были тот человек, вы расстались бы с Natalie, - пусть она едет, пусть он едет, - я осталась бы с вами и с детьми здесь.

Я громко захохотал.

Она вспыхнула в лице и голосом, дрожащим от досады и негодования, спросила меня:

- Что это значит?

- Зачем же, - сказал я ей, - вы шутите в серьезных материалах? Однако довольно, вот вам мой ultimatum: идите сейчас к Natalie сами, одни, переговорите с ней, -

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru если она хочет ехать - пусть едет, я ничему и никому не (489) буду препятствовать, кроме того (извините меня), кроме того, чтоб вы здесь -остались; уж я как-нибудь с хозяйством сам справлюсь. Но слушайте: если она не хочет ехать, то это последняя ночь, которую я провожу под одной кровлей с вашим мужем; живыми здесь еще раз ночевать мы не будем!

Через час времени Эмма возвратилась и мрачно возвестила мне таким тоном, как будто хотела сказать: "Вот плоды твоих злодеяний!"

- Natalie не едет; она погубила великое существование из самолюбия, - я спасу его!

- Итак?

- Итак, мы на днях едем.

- Как на днях? Что вы это... Завтра утром - вы забыли, что ли, альтернативу?

(Повторяя это, я нисколько не изменял этим слову, данному Natalie: я был совершенно уверен, что она его увезет.)

- Я вас не узнаю, как горько я ошиблась в вас, - заметила сумасбродная женщина и снова вышла.

Дипломатическое поручение на этот раз было легко, - она возвратилась минут через двадцать, говоря, что он на все согласен: и на отъезд, и на дуэль, но с тем вместе он велел мне сказать, что он дал клятву не поднимать пистолета на мою грудь, а готов принять смерть из моих рук.

- Вы видите, он все у нас шутит... Ведь и короля французского казнил просто палач, а не близкий приятель. Итак, вы завтра отправляетесь?

- Право, не знаю, как это сделать. У нас ничего не готово.

- За ночь все можно приготовить.

- Надобно паспорт визировать. Я позвонил, взошел Рокка, я сказал ему, что М-те Emma просит его сейчас визировать их пасс в Геную,

- Да у нас денег нет на дорогу.

- Много ли вам надобно до Генуи?

- Франков шестьсот.

- Позвольте мне вам их вручить.

- Мы здесь должны по лавочкам.

- Примерно?

- Франков пятьсот.

- Не беспокойтесь и - счастливый путь! (490)

Этого тонна она выдержать не могла. Самолюбие чуть ли не было в ней главной страстью;

- За что, - говорила она, - за что это обращение со мной - меня вы не имеете права ни ненавидеть, ни презирать.

- Стало, не вас имею?

- Нет, - сказала она, захлебываясь слезами, - нет, я только хотела сказать, что я вас любила искренно, как сестра; я не хочу вас оставить" не пожав вам руки, я уважаю вас, вы, может, правы - но вы жестокий человек. Если б вы знали, что я вынесла...

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- А зачем вы были всю вашу жизнь рабой? - сказал я ей, подавая руку; на ту минуту я не был способен к состраданию. - Вы заслужили вашу судьбу.

Она вышла вон, закрывая лицо.

На другой день утром, в десять часов, в извозчикской карете, на которую нагрузили всякие коробки и чемоданы, отправился поэт mit Weib und Kind³⁸ в Геную. Я стоял у открытого окна, - он как-то юркнул в карету так быстро, что я и не заметил. Она протянула руку повару и горничной и села возле него. Унижения больше этого буржуазного отъезда я не могу себе представить.

Natalie была расстроена, - мы поехали вдвоем за город, прогулка была печальна; из живых, свежих ран струилась кровь. Воротившись домой, первое лицо, встретившее нас, был сын Гервега, Горас, мальчик лет девяти, шалун и воришка.

- Откуда ты?
- Из Ментоне.
- Что случилось?
- Вот от maman записка к вам.

"Lieber Herzen, - писала она, как будто между нами ничего не было, - мы остановились дня на два в Ментоне; комната в гостинице небольшая, - Горас мешает Георгу, - позвольте его оставить у вас на несколько дней".

Это отсутствие такта поразило меня. Вместе с тем Эмма писала К. Фогту, чтоб он приехал на совещание, - и так чужие люди будут замешаны. Я просил Фогта взять Гораса и сказать, что места нет. (491)

"Однако, - велела она мне сказать через Фогта, - квартира еще за ними целых три месяца, и я могу ею располагать".

Это было совершенно справедливо - только деньги за квартиру заплатил я.

Да, в этой трагедии, как у Шекспира, рядом со звуками, раздирающими сердце, с сгоном, с которым исходит жизнь, мрет последняя искра, тухнет мысль, - площадная брань, грубый смех и рыночное мошенничество.

У Эммы была горничная Жаннета, француженка из Прованса, красивая собой и очень благородная; она оставалась дня на два и должна была с их вещами ехать на пароходе в Геную. На другой день утром Жаннета тихо отворила дверь и спросила меня, может ли она взойти и поговорить со мной наедине. Этого никогда не бывало; я думал; что она хочет попросить денег, и готов был дать.

Краснея до ушей и со слезами на глазах, добрая провансалка подала мне разные счеты Эммы, не заплаченные по лавочкам, и прибавила:

- Madame приказывала мне, да я никак не могу этого сделать, не спросившись вас,
- она, видите, приказывала, чтоб я забрала в лавках разных разностей и приписала бы их в эти счеты, - я не могла этого сделать, не сказавши вам.
- Вы прекрасно поступили. Что же она поручила вам купить?
- Вот записка.

На записке было написано несколько кусков полотна, несколько дюжин носовых платков и целый запас детского белья.

Говорят, что Цезарь мог читать, писать и диктовать в одно и то же время, а тут какое обилие сил: вздумать об экономическом приобретении полотна и о детских чулках, когда рушится семейство и люди касаются холодного лезвия Сатурповой косы. Немцы - славный народ!

V

Мы опять были одни, но это было не прежнее время, - все носило следы бури. Вера
Страница 23

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru и сомнение, усталость и раздражение, чувство досады и негодования мучили. А пуще всего мучила какая-то оборванная нить жизни, не (492) было больше той святой беспечности, с которой жилось так легко, не оставалось ничего заветного. Если все то было, что было, - нет ничего невозможного. Воспоминания пугали в будущем. Сколько раз мы ходили вечером обедать одни и, никто не притрогиваясь ни к чему и не произнося слова, вставали, отирая слезы, из-за стола и видя, как добрый Рокка с сердитым видом качал головой, унося блюда. Праздные дни, ночи без сна... тоска, тоска. Я пил, что попало - скидам, коньяк, старый белет, пил ночью один и днем с Энгельсоном - и это в ниццком климате. Русская слабость пить с горя - совсем не так дурна, как говорят. Тяжелый сон лучше тяжелой бессонницы, и головная боль утром с похмелья лучше мертвящей печали натощак.

Гервег прислал мне письмо, - я его, не читая, бросил. Он стал писать к Natalie письмо за письмом. Он писал раз ко мне - я отоспал назад письмо. Печально смотрел я на это. Это время должно было быть временем глубокого искусства, покоя и свободы от внешних влияний. Какой же покой, какая свобода могла быть при письмах человека, прикидывающегося бешеным и грозящим не только самоубийством, но и страшнейшими преступлениями? Так, например, он писал, что на него находят такие минуты исступления, что он хочет перерезать своих детей, выбросить их трупы за окно и явиться к нам в их крови. В другом письме, - что он придет зарезаться ко мне и сказать: "Вот до чего ты довел человека, который тебя так любил!" Рядом с этим он умолял Natalie помирить его со мною, принять все на себя и предложить его в гувернеры к Саше.

Десять раз писал он о заряженном пистолете, и Natalie все еще верила. Он требовал только ее благословения на смерть; я уговорил ее написать ему, что она, наконец, согласна, что она убедилась, что выхода нет, кроме смерти. Он отвечал, что ее сроки пришли слишком поздно, что он теперь не в том расположении и не чувствует достаточно сил, чтобы исполнить, но что, оставленный всеми, он уезжает в Египет. Письмо это нанесло ему страшный удар в глазах Natalie.

Вслед за тем приехал из Генуи Орсини - он рассказывал, смеясь, о попытке самоубийства мужа и жены. Узнав, что Гервеги в Генуе, Орсини пошел к ним и (493) встретил Гервега, гуляющего по мраморной набережной. От него он узнал, что жена его дома, и отправился к ней. Она тотчас объяснила ему, что они решились уморить себя голодом, что этот род смерти избран им для себя, но что она хочет разделить его судьбу, - она просила его не оставить Гораса и Адду. Орсини обомлел от удивления.

- Мы не ели тридцать часов, - продолжала Эмма, - уговорите его съесть что-нибудь, спасите человечеству великого поэта! - и она рыдала.

Орсини вышел на террасу и тотчас возвратился с радостной вестью, что Гервег стоит на углу и ест салами. Обрадованная Эмма позвонила и велела подать миску супа. В это время мрачно возвратился муж, и ни слова о салами, но обличительная миска стояла тут.

- Георг, - сказала Эмма, - я так была рада, услышав от Орсини, что ты ел, что и сама решилась спросить супу.

- Я взял от тошноты кусочек салами, - впрочем, это вздор; голодная смерть самая мучительная, - я отравлюсь! - и он принял суп.

Жена подняла глаза к небу и взглянула на Орсини, как бы говоря: "Вы видите - его спасти нельзя".

Орсини умер, но несколько свидетелей его рассказа в живых, например, К. Фогт, Мордени, Charles Edmond.

Нелегко было Natalie от этих проделок. Она была унижена в нем, я был унижен в нем, и она это мучительно чувствовала.

Весной Гервег уехал в Цюрих и прислал жену в Ниццу (новая дерзкая неделикатность). Мне хотелось после всего бывшего отдохнуть. Я придрался к моей швейцарской натурализации и поехал в Париж и Швейцарию с Энгельсоном. Письма Natalie были покойны, на душе становилось легче.

На обратном пути я встретил в Женеве Сазонова. Он за бутылкой вина и с

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru совершил равнодушием спросил меня, как идут мои семейные дела.

- Как всегда.

- Ведь я знаю всю историю и спрашиваю тебя из дружеского участия.

Я с испугом и дрожью смотрел на него - он не заметил ничего. Что же это такое? Я считал, что все это - (494) тайна, и вдруг человек за стаканом вина говорит со мной, как будто это самое обыкновенное, обыденное дело.

- Что ты слышал и от кого?

- Я слышал всю историю от самого Гервега. И скажу тебе откровенно: я тебя вовсе не оправдываю. Зачем ты не пускаешь жену твою ехать или зачем не оставишь ее сам - помилуй, что за слабость, ты начал бы новую, свежую жизнь.

- Да с чего же ты вообразил, что она хочет ехать? Неужели ты веришь, что я могу пускать или не пускать?

- Ты принуждаешь, - разумеется, не физически, а морально. Я, впрочем, очень рад, что нахожу тебя гораздо покойнее, чем ожидал, и не хочу быть с тобой в половину откровенным. Гервег уехал из вашего дома, во-первых, потому, что он - трус и боится тебя, как огня, а во-вторых, - потому, что твоя жена дала ему слово, когда ты успокоишься, приехать в Швейцарию.

- Это гнуснейшая клевета! - вскрикнул я.

- Это его слова, и в этом я даю тебе честнейшее слово.

Пришедши домой в отель, я бросился, больной и уничтоженный, на постель, не раздеваясь, в положении, близком к помешательству или смерти. Верил я или нет? Не знаю, но не могу сказать, чтоб я вовсе не верил словам -Сазонова.

"Итак, - повторял я сам себе, - вот чем оканчивается наша поэтическая жизнь - обманом и, по дороге, европейской сплетней... Ха, ха, ха!.. Меня жалеют, меня берегут из пощады, мне дают вздохнуть, как солдату, которого перестают сечь и отдают в больницу, когда пульс слабо бьется, - и усердно лечат - для того, чтобы додать, когда оправится, вторую половину". Я был обижен, оскорблен, унижен.

В этом расположении я написал ночью письмо; письмо мое должно было носить следы бешенства, отчаяния и недоверия. Каюсь, глубоко каюсь в этом заглазном оскорблении, в этом дурном письме.

Natalie отвечала строками черной печали.

"Лучше мне умереть, - говорила она, - вера твоя разрушена, каждое слово будет теперь вызывать в тебе все прошедшее. Что мне делать и как доказывать? Я плачу и плачу!"

Гервег солгал. (495)

Следующие письма были кротко печальны: ей было жаль меня, ей хотелось уврачевать мои раны, а что сама-то она должна была вынести...

Зачем нашелся человек, повторивший мне эту клевету, и зачем не было другого, который бы остановил мое письмо, писанное в припадке преступной горячки?

VI. OCEANO NOX (1851) 39

140

...Ночью, с 7 на 8 июля, часу во втором, я сидел на ступеньке Кариньянского дворца в Турине; площадь была совершенно пуста, поодаль от меня дремал нищий, часовой тихо ходил взад и вперед, насвистывая песню из какой-то оперы и побрякивая ружьем... Ночь была горячая, теплая, пропитанная запахом широкко.

Мне было необычайно хорошо, так, как не бывало давно - я опять почувствовал, что я еще молод и силен силами в груди, что у меня есть друзья и верования, что я

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru полон любовью - как тринадцать лет перед тем. Сердце было так, как я отык чувствовать в последнее время. Оно было, как в тот мартовский день 1838, когда я, завернувшись в плащ, ждал Кетчера у фонарного столба, на Поварской.

Я и теперь ждал свиданья - свиданья с той же женщиной, и ждал, может, еще с большей любовью, хотя к ней и примешивались грустные, черные ноты; но в эту ночь их было мало слышно. После безумного кризиса горести, отчаяния, набежавшего на меня при моем проезде через Женеву, мне стало лучше. Кроткие письма Natalie, исполненные грусти, слез, боли, любви, доверили мое выздоровление. Она писала, что едет из Ниццы в Турин мне навстречу, что ей хотелось бы пробыть не(496) сколько дней в Турине. Она была права: нам надобно было еще раз одним всмотреться друг в друга, выжать друг другу кровь из ран, утереть слезы и, наконец, узнать окончательно, есть ли для нас общее счастье, - и все это наедине, даже без детей, и притом в другом месте, не при той обстановке, где мебель, стены могли не вовремя что-нибудь напомнить - шепнуть какое-нибудь полуза забытое слово...

Почтовая карета должна была во втором часу прийти со стороны Col di Tenda, ее-то я и ждал у сумрачного Кариньянского дворца, недалеко от него она должна была заворачивать.

Я приехал в этот же день утром из Парижа, через Mont-Conis; в Hotel Feder мне дали большую, высокую, довольно красиво убранную комнату и спальню. Мне нравился этот праздничный вид, он был кстати. Я велел приготовить небольшой ужин и пошел бродить, ожидая ночи.

Когда карета подъезжала к почтовому дому, Natalie узнала меня.

- Ты тут! - сказала она, кланяясь в окно. Я отворил дверцы, и она бросилась ко мне на шею с такой восторженной радостью, с таким выражением любви и благодарности, что у меня в памяти мелькнули, как молния, слова из ее письма: "Я возвращаюсь, как корабль, в свою родную гавань после бурь, кораблекрушений и несчастий - сломанный, но спасенный".

Одного взгляда, двух-трех слов было за глаза довольно . все было понято и объяснено; я взял ее небольшой дорожный мешок, перебросил его на трости за спину, подал ей руку, и мы весело пошли по пустым улицам в отель. Там все спали, кроме швейцара. На накрытом столе стояли две незажженные свечи, хлеб, фрукты и графин вина; я никого не хотел будить, мы зажгли свечи и, севши за пустой стол, взглянули друг на друга и разом вспомнили владимирское житье.

На ней было белое кисейное платье или блузка, надетая на дорогу от палящего жара - и при первом свидании нашем, когда я приезжал из ссылки, она была также вся в белом, и венчальное платье было белое. Даже (497) лицо ее, носившее резкие следы глубоких потрясений, забот, дум и страданий, напоминало выражением черты того времени.

И мы сами были те же, только теперь мы подавали друг другу руку не как заносчивые юноши, самонадеянные и гордые верой в себя, верой друг в друга - и какую-то исключительность нашей судьбы, а как ветераны, закаленные в бою жизни, испытавшие не только свою силу, но и свою слабость... едва уцелевшие от тяжелых ударов и неисправимых ошибок. Вновь отправляясь в путь, мы, не считаясь, разделили печальную ношу былого. С этой ношей приходилось идти более скромным шагом, но внутри наболевших душ сохранилось все для возмужалого, отстоявшего счастья. По ужасу и тупой боли еще яснее разглядели мы, как мы неразнимчато срослись годами, обстоятельствами, чужбиной, детьми.

В эту встречу все было кончено, оборванные концы срослись, не без рубца, но крепче прежнего, - так срастаются иногда части сломленной кости. Слезы печали, не обсохнувшие на глазах, соединяли нас еще новой связью - чувством глубокого сострадания друг к другу. Я видел ее борьбу, ее мученье, я видел, как она изнемогала. Она видела меня слабым, несчастным, оскорблением, оскорбляющим, готовым на жертву и на преступление.

Мы слишком большой платой заплатили друг за друга, чтоб не понимать, чего мы стоим и как дорого мы обошлись друг другу. "В Турине, - писал я в начале 1852, - было наше второе венчание; его смысл, может быть, глубже и знаменательнее первого, он совершился с полным сознанием всей ответственности, которую мы вновь

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru брали в отношении друг к другу, он совершился в виду страшных событий..."

Любовь каким-то чудом пережила удар, который должен был ее разрушить.

Последние темные облака отступали дальше и дальше. Много, долго говорили мы... точно после разлуки в несколько лет; день давно сквозил яркими полосами в опущенные жалузи, когда мы встали из-за пустого стола...

дня через три мы поехали вместе домой, в Ниццу, по Ривьере - мелькнула Генуя, мелькнул Ментоне, где (498) мы так часто бывали и в таком розном настроении духа, мелькнуло Монако, врезывающееся в море бархатной травой и бархатным песком; все встречало нас весело, как старые друзья после размолвки, а тут виноградники, рощи роз, померанцевых деревьев и море, стелющееся перед домом, и дети, играющие на берегу... вот они узнали, бросились навстречу. Мы дома.

Спасибо судьбе за эти дни, за эту треть года, шедшего за ними, - ими торжественно заключилась моя личная жизнь. Спасибо ей за то, что она, вечная язычница, увенчала обреченных на жертву пышным венком осенних цветов... и усыпала, хоть на время, своим маком и благоуханием!

Пропасти, делившие нас, изчезли, берега сдвинулись. Разве это не та же рука, которая через всю жизнь была в моей руке, и разве это не тот же взгляд, только иногда он мутится от слез. "Успокойся же, сестра, друг, товарищ, ведь все прошло - и мы те же, как в юные, святые, светлые годы!"

"...После страданий, которых, может, ты знаешь меру, иные минуты полны блаженства; все верования детства, юности не только совершились, но прошли сквозь страшные испытания, не утратив ни свежести, ни аромата, и расцвели с новым блеском и новой силой. Я никогда не была так счастлива, как теперь", писала она своему другу в Россию.

Разумеется, от прошедшего остался осадок, до которого нельзя было касаться безнаказанно, - что-то сломленное внутри, какой-то чутко дремлющий испуг и боль.

Прошедшее - не корректурный лист, а нож гильотины, после его падения многое не срастается и не все можно поправить. Оно остается, как отлитое в металле, подробное, неизменное, темное, как бронза. Люди вообще забывают только то, чего не стоит помнить или чего они не понимают. Дайте иному забыть два-три случая, такие-то черты, такой-то день, такое-то слово, - и он будет юн, смел, силен, - ас ними он идет, как ключ, ко дну. Не надобно быть Макбетом, чтобы встречаться с тенью Банко, тени - не уголовные судьи, не угрызения совести, а несокрушимые события памяти.

да забывать и не нужно: это слабость, это своего рода ложь; прошедшее имеет свои права, оно - факт, (499) с ним надобно сладить, -а не забыть его, и мы шли к этому дружными шагами.

...Случалось, ничтожное слово, сказанное посторонними, какая-нибудь вещь, попавшаяся на глаза, проводила бритвой по сердцу, и кровь лилась, и было нестерпимо больно; но я в то же мгновение встречал испуганный взгляд, смотревший на меня с бесконечной мукой и говоривший: "да, ты прав, иначе и быть не может, но...", и я старался разгонять набежавшие тучи.

Святое время примиренья, я вспоминаю о нем сквозь слезы...

...Нет, не примиренья, это слово не идет. Слова, как гуртовые платья, впору до "известной степени" всем людям одинакового роста и плохо одевают каждого отдельно.

Нам нельзя было мириться, мы никогда не ссорились, мы страдали друг о друге, но не расходились. В самые мрачные минуты какое-то неразрывное единство, бессомненное для обоих, и глубокое уважение друг к другу были присущи. Мы походили скорее на людей, оправляющихся после тяжкой горячки, чем на помирившихся: бред прошел, мы узнали друг друга взглядом, несколько слабым и мутным. Боль вынесенная была памятна, утомление ощутительно, но ведь мы знали, что все дурное прошло, что мы на берегу.

...Мысль, несколько раз прежде мелькавшая у *Natalie*, занимала ее теперь больше и больше. Она хотела написать свою исповедь. Она была недовольна ее началом, жгла

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru листки, одно длинное письмо и одна страничка уцелели. По ним можно судить о том, что пропало... Читая их, становится жутко, чувствуешь, что дотрогиваешься рукой до страдающего и теплого сердца, чувствуешь шепот этих беззвучных тайн, вечно скрытых, едва просыпающихся в сознании. В этих строках можно было уловить, как мучительная борьба переходила в новый закал и боль - в мысль. Если бы этот труд не был грубо прерван, он составил бы великий антецедент в замену уклончивого молчания женщины и надменного покровительства ее мужчиной; но самый бесмысленный удар разразился над нашей головой и окончательно все разбил. (500)

II

Dans une mer sans fond, par unenuit sanslune, Sous l'aveugle oceaan a jamais enfouis...

V. Hugo41

Так оканчивалось лето 1851. Мы были почти совсем одни. Моя мать с Колей и с Шпильманом уехали погостить в Париже к М. К. Тихо проводили мы время с детьми. Казалось, все бури были назади.

В ноябре мы получили письмо от моей матери, что она скоро выезжает, потом другое из Марселя, в котором она писала, что на другой день, 15 ноября, они садятся на пароход и едут к нам. Во время ее отсутствия мы переехали в другой дом, также на берегу моря, в предместье С.-Елен. В доме этом с большим садом было помещение для моей матери; мы убрали ее комнату цветами, наш повар достал с Сашей китайских фонарей и развесил их по стенам и деревьям. Все было готово - дети часов с трех не сходили с террасы; наконец, в шестом часу на горизонте отделилась от моря темная струйка дыма, а через несколько минут показался и пароход, стоявший неподвижной и возрастающей точкой. Все засуетилось у нас, Франсуа пустился на пристань, я сел в коляску и поехал туда же.

Когда я приехал на пристань, пароход уже вошел, лодки ждали кругом разрешения *sanita*⁴² сходить пассажирам. Одна из них подъезжала к дебаркадеру, на ней стоял Франсуа.

- Как, - спросил я, - вы уже назад едете? Он мне не отвечал; я взглянул на него и обмер, он был зеленого цвета и дрожал всем телом.
- Что это? - спросил я, - вы больны?
- Нет, - отвечал он, минуя мой взгляд, - только наши не приехали.
- Как не приехали?
- Там что-то с пароходом случилось, так не все пассажиры приехали.

Я бросился в лодку и велел скорее отчаливать. На пароходе меня встретили с каким-то зловещим почетом и с совершенным молчанием. Сам капитан (501) дождался меня; все это совсем не в обычаях, и я ждал чего-нибудь ужасного. Капитан сказал мне, что между островом Иером и материком пароход, на котором была моя мать, столкнулся с другим и пошел ко дну, что большая часть пассажиров взяты им и другим пароходом, шедшим мимо. "У меня, - сказал он, только две молодые девушки из ваших", - и повел меня на переднюю палубу - все расступились с тем же мрачным молчанием. Я шел бесмысленно, даже не спрашивая ничего. Племянница моей матери, гостившая у нее, высокая, стройная девушка, лежала на палубе с растрепанными и мокрыми волосами; возле нее горничная, ходившая за Колей. Увидя меня, молодая девушка хотела приподняться, что-то сказать, но не могла; она, рыдая, отвернулась в другую сторону.

- Что же это, наконец? Где они? - спросил я, болезненно схвативши руку горничной.
- Мы ничего не знаем, - отвечала она, - пароход потонул, нас замерзло вытащили из воды. Какая-то англичанка дала нам свои платья, чтоб переодеться.

Капитан грустно посмотрел на меня, потряс мою руку и сказал:

- Отчавливаться не надо, съездите в Иер, быть может, и найдете кого-нибудь из них.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Поручив Энгельсону и Франсуа больных, я поехал домой в каком-то ошеломлении; все в голове было смутно и дрожало внутри, я желал, чтоб дом наш был за тысячу верст. Но вот блеснуло что-то между деревьев? еще и еще; это были фонарики, зажженные детьми. У ворот стояли наши люди, Тата и Natalie с Олею на руках.

- Как, ты один? - спросила меня спокойно Natalie. - да ты хоть бы колю привез.

- Их нет, - сказал я, - с их пароходом что-то случилось, надобно было перейти на другой, тот не всех взял. Луиза здесь.

- Их нет! - вскрикнула Natalie. - Я теперь только разглядела твое лицо: у тебя глаза мутные, все черты искашены. Бога ради, что такое? - я еду их искать в Иер.

Она покачала головой и прибавила: "Их нет! их нет!" - потом молча приложила лоб к моему плечу. Мы прошли аллеей, не говоря ни слова; я привел ее в сто(502)ловую; проходя, я шепнул Рокке: "Бога ради, фонари";

он понял меня и бросился их тушить.

В столовой все было готово - бутылка вина стояла во льду, перед местом моей матери - букет цветов, перед местом Коли - новые игрушки.

Страшная весть быстро разнеслась по городу, и дом наш стал наполняться близкими знакомыми, как Фогт, Тесье, Хоецкий, Орсини, и даже совсем посторонними:

одни хотели узнать, что случилось, другие - показать участие, третьи советовать всякую всячину, большей частью вздор. Ноне буду неблагодарен, участие, которое мне тогда оказали в Ницце, меня глубоко тронуло. Перед такими бессмысленными ударами судьбы люди просыпаются и чувствуют свою связь.

Я решился в ту же ночь ехать в Иер. Natalie хотела ехать со мной; я уговорил ее остаться; к тому же погода - круто переменилась, подул мистраль, холодный, как лед, и сильным дождем. Надобно было достать пропуск во Францию, через Варский мост; я поехал к Леону Пиле, французскому консулу; он был в опере; я отправился к нему в ложу с Хоецким; Пиле, уже прежде что-то слышавший о случившемся, сказал мне:

- Я не имею права дать вам позволение, но есть обстоятельства, в которых отказ был бы преступлением. Я вам дам на свою ответственность билет для пропуска через границу, приходите за ним через полчаса в консулат.

У входа в театр меня ждали человек десять из тех, которые были у нас. Я им сказал, что Леон Пиле дает билет.

- Поезжайте домой и не хлопочите ни о чем, - говорили мне со всех сторон, - остальное будет сделано, - мы возьмем билет, визируем его в интендантстве, закажем почтовых лошадей.

Хозяин моего дома, бывший тут, побежал доставать карету; содержатель гостиницы предложил безденежно свою.

В одиннадцать часов вечера я отправился по проливному дождю. Ночь была ужасная; порывы ветра были иной раз до того сильны, что лошади останавливались; море, в котором так недавно были похороны, едва видное в темноте, билось и ревело. Мы поднимались на Эстрель, дождь заменился снегом, лошади спотыкались (503) и чуть не падали от гололедицы. Несколько раз почтальон, выбившись из сил, принимался греться; я ему подавал мою фляжку с коньяком и, обещая двойные прогоны, упрашивал торопиться.

Зачем? Верил ли я в возможность, что найду кого-нибудь из них, что кто-нибудь спасся? Трудно было предполагать это после всего слышанного - но поискать, взглянуть на самое место, найти вещь, тряпку, увидеть очевидца, наконец... была потребность убедиться, что нет надежды, и потребность что-нибудь делать, не быть дома, прийти в себя.

Пока на Эстреле меняли лошадей, я вышел из кареты, сердце мое скжалось, и я чуть не зарыдал, осмотревшись; это было возле той самой таверны, в которой мы провели

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru ночь в 1847 году. Я вспомнил огромные деревья, осенявшие ее; тот же вид стался перед нею, только тогда он был освещен восходящим солнцем, а теперь скрывался за серыми не итальянскими тучами и местами белел от снега.

Живо представилось мне то время, со всеми мельчайшими подробностями: я вспомнил, как хозяйка нас потчевала зайцем, тухлость которого была заморена страшным количеством чеснока, как в спальной летали летучие мыши, как я их гонял с нашей Луизой полотенцем и как на нас веяло в первый раз теплым южным воздухом...

Тогда я писал: "С Авиньона начиная, чувствуется, видится юг. Для человека, вечно жившего на севере, первая встреча с южной природой исполнена торжественной радости - юнеешь, хочется петь, плясать, плакать; все так ярко, светло, весело, роскошно. После Авиньона нам надобно было переезжать Приморские Альпы. В лунную ночь взбрались мы на Эстрель; когда мы начали спускаться, солнце всходило, цепи гор вырезывались из-за утреннего тумана, луч солнца орумянил ослепительные снежные вершины; кругом яркая зелень, цветы, резкие тени, огромные деревья и мрачные скалы, едва покрытые бедной и жесткой растительностью; воздух был упоителен, необычайно прозрачен, освежающ и звонок, наши слова, пенье птиц раздавались громче обыкновенного, и вдруг на небольшом изгибе дороги (504) блеснуло каймой около гор и задрожало серебряным огнем Средиземное море"43.

И вот через четыре года я снова на том же месте!..

Прежде ночи мы не могли приехать в Иер, я тотчас отправился к комиссару полиции; с ним и с жандармским бригадиром пошли мы сначала к морскому комиссару. У него были разные спасенные вещи; я ничего в них не нашел. Потом мы пошли в больницу: один из утопавших отходил, другие сообщили мне, что они видели пожилую женщину, ребенка лет пяти и с ним молодого человека, с белокурой, окладистой бородой... что они видели их в самую последнюю минуту, и что, стало быть, они так же пошли ко дну, как и все. Но тут-то снова и являлся вопрос: ведь рассказывавшие были же живы, хотя и они, как Луиза и горничная, порядком не помнили, как спаслись.

Найденные тела лежали в крипте монастыря; мы пошли туда из больницы; сестры милосердия встретила нас и повели, освещая нам дорогу церковными свечами. В крипте стоял ряд вновь сколоченных ящиков, в каждом ящике было одно тело. Комиссар велел их раскрыть, оказалось, что ящики заколочены. Бригадир послал жандарма за долотом и велел ему потом взламывать одну крышку за другой.

Этот осмотр тел был нечеловечески тяжел. Комиссар держал в руке книжку и каким-то официальным тоном спрашивал, при вскрытии каждого ящика: "Вы свидетельствуете, в присутствии нашем, что тело это вам незнакомо"; я кивал головой, комиссар метил карандашом и, обращаясь к жандарму, приказывал снова закрыть. Мы переходили к другому. Жандарм приподнимал крышку, я с каким-то ужасом бросал взгляд на покойника, и словно было легче, когда встречал незнакомые черты, а в сущности еще страшнее было думать, что все трое пропали так бесследно, так заброшенно лежат на дне моря, носятся волнами. Тело без гроба, без могилы страшнее всяких похорон, а тут не было и самих покойников.

Я никого не нашел. Одно тело поразило меня: женщина лет двадцати, красавица, в нарядном провансальском костюме; ее грудь была обнажена (с нею был (505) ребенок, разумеется унесенный волнами), и струя молока сочилась еще, скатываясь по груди. Лицо ее нисколько не изменилось, смуглый загар придавал ей совершенно живой вид.

Бригадир не вытерпел и заметил: "Экая прелесть какая!" Комиссар ничего не прибавил, жандарм, накрывши ее, заметил бригадиру: "Я знал ее, она из здешних подгородных крестьянок, ехала к мужу в Грае. Пусть подождет!"

Моя мать, мой Коля и наш добный Шпильман исчезли бесследно, ничего не осталось от них; между спасенными вещами не было ни лоскутка, им принадлежащего, - сомнение в их гибели было невозможно. Все спасшиеся были или в Иере, или на том же пароходе, который привез Луизу. Капитан выдумал для моего успокоения какую-то сказку.

В Иере мне рассказывали еще о пожилом человеке, потерявшем всю семью, который не хотел оставаться в больнице и ушел куда-то пешком без денег, в состоянии близкому к помешательству, и о двух англичанках, отправившихся к английскому консулу: они лишились матери, отца и брата!

Дело шло к рассвету, я велел привести лошадей. Перед отъездом гарсон водил меня на часть берега, выдавшуюся в море, и оттуда показывал место кораблекрушения. Море еще кипело и волновалось, седое и мутное от вчерашней бури; вдали, на одном месте, качалось какое-то особенное пятно, словно более густая, прозрачная влага.

- Пароход вез груз масла, видите, оно отстоялось, - вот тут и было несчастье.

Это всплывшее пятно было все.

- А глубоко тут?

- Метров сто восемьдесят будет.

Я постоял, утро было очень холодное, особенно на берегу. Мистраль, как вчера, дул, небо было покрыто русскими осенними облаками. Прощайте!.. Сто восемьдесят метров глубины и носящееся пятно масла!..

Nul ne sait votre sort, pauvres têtes perdues!

Vous rouleriez à travers les sombres étendues,

Heurtant de vos fronts des écueils inconnus...44 (506)

С страшной достоверностью приехал я назад. Едва-едва оправившаяся *Natalie* не вынесла этого удара. С дня гибели моей матери и Коли она не выздоравливала больше. Испуг, боль остались, - вошли в кровь. Иногда вечером, ночью она говорила мне, как бы прося моей помощи:

- Коля, Коля не оставляет меня, бедный Коля, как он, чай, испугался, как ему было холодно, а тут рыбы, омары!

Она вынимала его маленькую перчатку, которая уцелела в кармане у горничной - и наставало молчание, то молчание, в которое жизнь утекает, как в поднятую плотину. При виде этих страданий, переходивших в нервную болезнь, при виде ее блестящих глаз и увеличивающейся худобы, я в первый раз усомнился, спасу ли я ее... В мучительной неуверенности тянулись дни, что-то вроде существования людей между приговором и казнью, когда человек разом надеется и наверное знает - что он от топора не уйдет!

VII (1852)

Снова наступал Новый год. Мы его встретили около постели *Natalie*, наконец, организм не вынес, она слегла.

Энгельсоны, Фогт, человека два близких знакомых были у нас. Все были печальны. Парижское второе декабря лежало плитой на груди. Общее, частное все неслось куда-то в пропасть, и уж так далеко ушло под гору, что ни остановить, ни изменить ничего нельзя было - приходилось ждать тупо, страдательно, когда все сорвавшееся с рельсов полетит в тьму.

Подали обычный бокал в двенадцать часов - мы улыбнулись натянуто, внутри была смерть и ужас, всем было совестно прибавить к Новому году какое-нибудь желание. Заглянуть вперед было страшнее, чем обернуться.

Болезнь определилась - сделалась плерезия в левой стороне.

Пятнадцать страшных дней провела она между жизнию и смертью, но на этот раз жизнь победила. В одну (507) из самых тяжких минут я спросил доктора Бонфиса: переживет ли больная ночь?

- Наверное, - сказал Бонфис.

- Вы правду говорите? Пожалуйста, не обманывайте!

- Даю вам честное слово - я ручаюсь... - Он приостановился. - Я ручаюсь за три дня, спросите Фогта, если мне не верите.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Хорошо было это обратное он en plantera46 Гудсон Лова.

Наступило медленное выздоровление, а с ним последний луч надежды бледно осветил тревожную жизнь нашу. Силы ее духа возвратились прежде... Были минуты удивительные - последние аккорды навеки умолкающей музыки...

Несколько дней после перелома болезни я как-то утром рано пришел к себе в кабинет и заснул на диване. Вероятно, я крепко спал, потому что не слыхал, как входил человек. Проснувшись, "я нашел на столе письмо. Почерк Гервега. С какой стати он пишет, и как после всего, что было, осмеливается он писать ко мне? Повода я не подавал никакого. Я взял письмо с тем, чтобы его отправить назад, но, увидавши на обороте надпись:

"дело честного вызова", я открыл письмо.

Письмо было отвратительно, гнусно. Он говорил, что я моими клеветали на него сбил Natalie с толку, что я воспользовался ее слабостью и моим влиянием на нее, что она изменила ему. В заключение он доносил на нее и говорил, что судьба решает между мной и им, что "она топит в море ваше исчадие (votre progeniture) и вашу семью. Вы хотели это дело кончить кровью, когда я полагал, что его можно было окончить человечески. Теперь я готов и требую удовлетворения"⁴⁷.

Письмо это была первая обида, нанесенная мне со дня рождения. Я вскочил, как уязвленный зверь, с каким-то стоном бешенства. Зачем не было этого негодяя в Ницце? Зачем через коридор лежала умирающая женщина! (508)

Обливши два-три раза голову холодной водой... я сошел к Энгельсону (он занимал после кончины моей матери ее комнаты) и, выждав, когда его жена ушла, сказал ему, что получил письмо от Гервега.

- Так вы в самом деле получили его? - спросил Энгельсон.
- Да разве вы знали, ожидали его?
- Да, - сказал он, - вчера я слышал об этом
- От кого?
- От К. Фогта.

Я щупал себе голову, мне казалось, что я сошел с ума. Молчание наше было до того безусловно, что ни моя мать, ни Мария Каспаровна ни разу не заговаривали со мной о случившемся. С Энгельсоном я был ближе, чем с другими, но и с ним я говорил раз, коротко отвечая ему на вопрос, сделанный, гуляя в окрестностях Парижа, о причине моего разрыва с Гервегом. Я был поражен в Женеве, услышав от Сазонова о болтовне этого негодяя, но мог ли я думать, что около нас, возле, за дверью все знают, все говорят о том, что я считалтайной, погребенной между несколькими лицами... что знают даже о письмах, которых я еще не получал? Мы пошли к Фогту. Фогт подтвердил мне, что два дня тому назад Эмма показывала письмо мужа, в котором он говорит, что пошлет мне страшное письмо, что он сбросит меня с высоты, на которую меня поставила Natalie, что он покроет нас "позором, хотя бы для этого надобно было пройти через трупы детей и посадить нас всех и самого себя на скамью подсудимых в уголовном суде".

Наконец, он писал своей жене (и она все это показывала Фогту, Шарль Эдмонду и Орсини!): "Ты одна чиста и невинна, ты должна бы была явиться ангелом карающим", то есть, стало быть, перерезать нас.

Были люди, говорившие, что он сошел с ума от любви, от разрыва со мной, от униженного самолюбия - это вздор. Человек этот не сделал ни одного поступка опасного или неосторожного, сумасшествие было только, на словах, он выходил из себя литературно. Самолюбие его было уязвлено, молчание для него было тягостнее" всякого скандала, возвратившаяся тишина нашей жизни не давала ему покоя. Мещанин, как Орас Ж. Санда, он болтал в отомщенье женщине, которую любил, и (509) человеку, которого называл братом и отцом, и - мещанин-немец, он грозился мелодраматическими фразами, сочиненными на псевдошиллеровский лад.

В то время, когда он писал свое письмо ко мне и ряд сумасшедших писем к своей

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru жене, в то самое время он жил на содержании у старой, покинутой любовницы Людовика-Наполеона, разгульной женщины, известной всему Цюриху, с ней проводил дни и ночи, на ее счет роскошничал, ездил с нею в ее экипаже, кутил в больших отелях... нет, это не сумасшествие.

- Что вы намерены делать? - спросил меня, наконец, Энгельсон.
- Ехать и убить его, как собаку. Что он величайший трус, это вы знаете и все знают... шансы все с моей стороны.
- Да как же вам ехать?..

- В этом-то все и дело. Напишите ему покамест, что Не ему у меня требовать удовлетворения, а мне его наказывать, что я сам выберу средства и время его наказать, что для этого не оставлю больной женщины, а на его грубости плюю.

В том же смысле я писал Сазонову и спрашивал, хочет ли он в этом деле мне помочь. Энгельсон, Сазонов и фогт приняли с горячностью мое предложение. Письмо мое было большой ошибкой и дало ему повод сказать впоследствии, что я принял дуэль, что только потом отказался от нее.

Отказаться от дуэли - дело трудное и требует или много твердости духа, или много его слабости. Феодальный поединок стоит твердо в новом обществе, обличая, что оно вовсе не так ново, как кажется. До этой святыни, поставленной дворянской честью и военным самолюбием, редко кто смеет касаться, да и редко кто так самобытно поставлен, чтобы безнаказанно мог оскорблять кровавый идол и принять на себя нарекание в трусости.

Доказывать нелепость дуэля не стоит - в теории его никто не оправдывает, исключая каких-нибудь бретеров и учителей фехтования, но в практике все подчиняются ему для того, чтоб доказать, черт знает кому, свою храбрость. Худшая сторона дуэля в том, что он оправдывает всякого мерзавца - или его почетной смертью, или тем, что делает из него почетного убийцу. Человека обвиняют в том, что он передергивает карты, - он лезет на (510) дуэль, как будто нельзя передергивать карты и не бояться пистолета. И что за позорное равенство шулера и его обвинителя!

Дуэль иногда можно принять за средство не попасть на виселицу или на гильотину, но и тут логика не ясна, и я все же не понимаю, отчего человек обязан под опасением общего презренья не бояться шпаги противника, а может бояться топора гильотины.

Казнь имеет ту выгоду, что ей предшествует суд, который может человека приговорить к смерти, но не может отнять права обличить мертвого или живого врага...;

В дуэли остается все шито и крыто - это институт, принадлежащий той драчливой среде, у которой так мало еще обсохла на руках кровь, что ношение смертоносных оружий считается признаком благородства, и упражнение в искусстве убивать - служебной обязанностью.

Пока миром будут управлять военные, дуэли не переведутся; но мы смело можем требовать, чтоб нам самим было предоставлено решение, когда мы должны склонить голову перед идолом, в которого не верим, и когда явиться во весь рост свободным человеком и, после борьбы с богом и властями, осмелиться бросить перчатку кровавой средневековой расправе...

...Сколько людей прошли с гордым и торжествующим лицом всеми невзгодами жизни, тюрьмами и бедностью, жертвами и трудом, инквизициями и не знаю чем - и срезались на дерзком вызове какого-нибудь шалуна или негодяя.

Эти жертвы не должны падать. Основа, определяющая поступки человека, должна быть в нем, в его разуме; у кого она вне его, тот раб при всех храбростях своих. Я не принимал и не отказывался от дуэли. Казнь Гервега была для меня нравственной необходимостью, физиологической необходимостью, - я искал в голове верного средства мести и притом такого, которое не могло бы его поднять. А уж дуэлем или просто ножом достигну я ее, - мне было все равно.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Он сам надоумил. Он писал своей жене, а та, по обычаю, показывала знакомым, что, несмотря на все, "я головой выше окружающей меня сволочи; что меня сбивают люди, как фогт, Энгельсон, Головин; что если б он мог увидеться на одну минуту со мной, то все бы объяснилось", "он (то есть я) один может понять меня", - и (511) это было писано после письма ко мне! "А посему, заключал поэт, - я всего больше желал бы, чтобы Герцен принял дуэль без свидетелей. Я уверен, что с первого слова мы пали бы друг другу на грудь, и все было бы забыто". Итак, дуэль предлагалась как средство драматического примирения.

Если б я мог тогда отлучиться на пять дней, на неделю, я непременно отправился бы в Цюрих и явился бы к нему, исполняя его желание, один, - и жив бы он не остался.

Через несколько дней после письма, часов в девять, утром, взошел ко мне Орсини. Орсини по какой-то физиологической нелепости имел страстную привязанность к Эмме; что было общего между этим огненным, чисто-южным молодым красавцем и безобразной, лимфатической немкой, я никогда не мог понять. Ранний приход его удивил меня. Он очень просто, без фраз, сказал мне, что весть о письме Гервега возмутила весь круг его, что многие из общих знакомых предлагают составить jury d' honneur⁴⁸. При этом он стал защищать Эмму, говоря, что она ни в чем не виновата, кроме в безумной любви к мужу и в рабском повиновении; что он был свидетелем, чего ей все это стоило. "Вам, - говорил он, - следует ей протянуть руку; вы должны наказать виновного, но должны также восстановить невинную женщину".

Я решительно, безусловно отказался. Орсини был слишком проницателен, чтоб не понять, что я мнения не перемено, а потому не настаивал.

Между прочим, говоря о jury d' honneur⁴⁹, он мне сказал, что уже писал обо всей истории к Маццини и спрашивал его мнения. Не странно ли опять? Делают партии, составляют приговоры, пишут к Маццини - и все это помимо меня, и все это по поводу событий, о которых неделю тому назад никто при мне не смел заикнуться?

Проводивши Орсини, я взял лист бумаги и начал письмо к Маццини. Мне тут открывался своего рода юридический суд и суд, который сам напрашивался. Я на(512)писал ему, что Орсини мне говорил о своем письме и что, боясь, что он не совершенно верно передавал дело, о котором он от меня никогда не слыхал ни слова, хочу и рассказать ему дело и посоветоваться с ним.

Маццини тотчас отвечал. "Лучше было бы, - писал он, - покрыть все молчанием, но вряд ли теперь возможно это для вас, а потому явитесь смело обвинителем и представьте нам суд". "

Что я верил в возможность этого суда, - в этом была, может, последняя моя мечта. Я ошибался и дорого заплатил за ошибку.

Вместе с письмом Маццини получил я письмо от Гауга, которому Маццини (зная, что он со мной хорошо знаком) сообщил письмо Орсини и мое. Гауг после нашей первой встречи в Париже служил у Гарибальди и отлично дрался под Римом. В этом человеке было много хорошего и бездна неспокойного и нелепого. Он спал непробудным казарменным сном австрийского лейтенанта, как вдруг его разбудила тревога венгерского восстания и венских баррикад. Он схватился за оружие, но не с тем, чтоб бить народ, а с тем, чтоб стать в его ряды. Переход был слишком крут и оставил кой-какие угловатости и недоделки. Мечтатель и несколько опрометчивый человек, благородный до преданности и самолюбивый до дерзости, бурш, кадет, студент и лейтенант, он искренно любил меня.

Гауг писал, что он едет в Ниццу, и умолял ничего не предпринимать без него. "Вы покинули родину и пришли к нам, как брат; не думайте, чтоб мы позволили кому-нибудь из наших заключить безнаказанно ряд измен клеветой и потом покрыть все это дерзким вызовом. Нет, мы иначе понимаем нашу круговую поруку. Довольно, что русский поэт пал от пули западного искателя приключений, - русский революционер не падет!"

В ответ я написал Гаугу длинное письмо. Это была моя первая исповедь - я ему рассказал все, что было, и принялся его ждать.

...А между тем в спальней дрогорала, слабо мерцая, великая жизнь в отчаянной

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru борьбе с недугом тела и страшными предчувствиями. Я проводил день и ночь возле кровати больной, - она любила, чтоб именно я (513) давал ей лекарства, чтоб я приготавлял оранжад50. Но--чью я топил камин, и когда она засыпала покойно, у меня опять являлась надежда ее спасти.

Но бывали минуты тяжести невыносимой... Я чувствую ее худую, лихорадочную руку, я вижу мрачный, тосклиwyий взгляд, остановленный на. мне с мольбой, с упованием... и страшные слова: "дети останутся одни, осиротеют, все погибнет, ты только и ждешь... Во имя детей - оставь все, не защищайся от грязи, дай же мне, мне защитить тебя, - ты выйдешь чистым, лишь бы мне немного окрепнуть физически... Но нет, нет, силы не приходят. Не оставь же детей!" - и я сотни раз повторял мое обещанье.

В один из подобных разговоров Natalie вдруг мне сказала:

- Он писал к тебе?51
- Писал.
- Покажи мне письмо.
- Зачем?
- Мне хочется видеть, что он мог тебе сказать. Я почти был рад, что она заговорила о письме: мне страстно хотелось знать, была ли доля истины в одном из его доносов. Я никогда не решился бы спросить, но тут она сама заговорила о письме, я не мог переломить себя: меня ужасала мысль, что сомнение все же останется, а может, и вырастет, когда уста ее будут сомкнуты.
- Письма я тебе не покажу, а скажи мне, говорила ли ты что-нибудь подобное?..
- Как ты можешь думать?
- Он пишет это.
- Это почти невероятно, он пишет это своей рукой? Я отогнул в письме то место и показал ей... Она взглянула, помолчала и печально сказала потом: "Подлец!"

С этой минуты ее презрение перешло в ненависть, и никогда ни одним словом, ни одним намеком она не простила его и не пожалела об нем. (514)

Через несколько дней после этого разговора она написала ему следующее письмо.

"Ваши преследования и ваше гнусное поведение заставляют меня еще раз повторить, и притом при свидетеle, то, что я уже несколько раз писала вам. Да, мое увлечение было велико, слепо, но ваш характер, вероломный, низко еврейский, ваш необузданый эгоизм открылись во всей безобразной наготе своей во время вашего отъезда и после, в то самое время, как достоинство и преданность Александра росли с каждым днем. Несчастное увлечение мое послужило только новым пьедесталом, чтоб возвысить мою любовь к нему. Этот пьедестал вы хотели забросать грязью. Но вам ничего не удастся сделать против нашего союза, неразрывного, непотрясаемого теперь больше, чем когда-нибудь. Ваши доносы, ваши клеветы против женщины вселяют Александру одно презрение к вам. Вы обесчестили себя этой низостью. Куда делись вечные протестации в вашем религиозном уважении моей воли, вашей любви к детям? Давно ли вы клялись скорее исчезнуть с лица земли, чем нанести минуту горести Александру? Разве я не всегда говорила вам, что я дня не переживу разлуки с ним, что если б он меня оставил, даже умер бы, - я останусь одна до конца жизни?.. Что касается до моего обещания увидеться когда-нибудь с вами, - действительно, я его сделала - я вас жалела тогда, я хотела человечески проститься с вами, - вы сделали невозможным исполнение этого обещания.

С самого отъезда вашего вы начали пытать меня, требуя то такого обещания, то другого. Вы хотели исчезнуть на годы, уехать в Египет, лишь бы взять с собою самую слабую надежду. Когда вы увидали, что это вам не удалось, вы предлагали ряд нелепостей, несбыточных, смешных, и кончили тем, что стали грозить публичностью, хотели меня поссорить окончательно с Александром, хотели его заставить убить вас, драться с вами, наконец грозили наделать страшнейших

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru преступлений! Угрозы эти не действовали больше на меня, - вы их слишком часто повторяли.

Повторяю вам то, что я писала в последнем письме моем: "Я остаюсь в моей семье, моя семья - Александр и мои дети", и, если я не могу в ней остаться, как мать, (515) как жена, я останусь, как нянька, как служанка. "Между мной и вами нет моста". Вы мне сделали отвратительным самое прошедшее.

Н. Г.

18 февраля 1852. Ницца".

Через несколько дней возвратилось письмо из Цюриха, Гервег возвратил его назад нераспечатанным, письмо было послано страховое, с тремя печатями и возвратилось назад с надписью на том же пакете.

"Если так, - заметила Natalie, - ему прочтут его". Она позвала к себе Гауга, Тесье, Энгельсона, Орсини и фогта и сказала им:

- Вы знаете, как мне хотелось оправдать Александра, но что я могу сделать, прикованная к постели? Я, может, не переживу этой болезни - дайте мне спокойно умереть, веря, что вы исполните мое завещание. Человек этот отоспал мне назад письмо - пусть кто-нибудь из вас прочтет его ему при свидетелях.

Гауг взял ее руку и сказал:

- Или я не останусь жив, или письмо ваше будет прочтено.

Это простое, энергическое действие потрясло всех, и скептик Фогт вышел взволнованным, как фанатик Орсини. Орсини сохранил горячее уважение к ней до конца своих дней. Последний раз, когда я его видел перед его отъездом в Париж, в конце 1857, он с умилением вспоминал о Natalie, а может, и с затаенным упреком. Из нас двоих, конечно, не на Орсини падет обвинение в нравственной несостоятельности, в дуализме дела и слова...

...Раз поздно вечером или, лучше, ночью мы долго и печально рассуждали с Энгельсоном. Наконец, он пошел к себе, а я - наверх. Natalie спала покойно; я посидел несколько минут в спальне и вышел в сад. Окно Энгельсона было открыто, он, пригорюнившись, курил у окна сигару.

- Видно, такая судьба! - сказал он и сошел ко мне.

- Зачем вы не спите, зачем вы пришли? - спрашивал он, и голос его нервно дрожал. Потом он схватил меня за руку и продолжал: - Верите вы в мою беспредельную любовь к вам, верите, что у меня нет в мире человека ближе вас? Отдайте мне Гервега, - не нужно ни суда, ни Гауга - Гауг немец. Подарите мне (516) право отомстить за вас, я - русский... Я обдумал целый план, мне надоально ваше доверие - ваше рукоположение. Бледный стоял он передо мной, скрестив руки, освещенный занимавшейся зарей. Я был сильно тронут и готов был броситься со слезами ему на шею.

- Верите вы или нет, что я скорее погибну, сгину с лица земли, чем компрометирую дело, в котором замешано для меня столько святого - без вашего доверия я связан. Скажите откровенно: да "или нет. Если нет - прощайте, и к черту все, к черту и вас и меня! Я завтра уеду, и вы обо мне больше не услышите.

- В вашу дружбу, в вашу искренность я верю, но боюсь вашего воображенья, ваших нерв и не очень верю в ваш практический смысл. Вы мне ближе всех здесь, но, признаюсь вам, мне кажется, что вы наделаете бед и погубите себя.

- Так, по-вашему, у генерала Гауга практический гений?

- Я этого не говорил, но думаю, что Гауг - больше практический человек, так, как думаю, что Орсини практичнее Гауга.

Энгельсон больше ничего не слушал, он плясал на одной ноге, пел и, наконец, успокоившись немного, сказал мне:

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru – Попались, попались, как кур во щи! Он положил мне руку на плечо и прибавил вполслуха:

- С Орсини-то я и обдумал весь план, с самым практическим человеком в мире. Ну, благословляйте, отче!
- А даете ли вы мне слово, что вы ничего не предпримете, не сказавши мне?
- Даю.
- Рассказывайте ваш план.
- - Этого я не могу, по крайней мере теперь не могу... Сделалось молчание. Что он хотел, понять было нетрудно...
- Прощайте, – сказал я, – дайте мне подумать, – и невольно прибавил: Зачем же вы мне об этом говорили?

Энгельсон понял меня.

- Проклятая слабость! Впрочем, никто никогда не узнает, что я вам говорил. (517)
- Да я-то знаю, – сказал я ему в ответ, и мы разошлись.

Страх за Энгельсона и ужас перед какой-нибудь катастрофой, которая должна была гибельно потрясти больной организм, заставили меня остановить исполнение его проекта. Качая головой и с жалостью смотрел на это Орсини... Итак, вместо казни я спас Гервега, но уж, конечно, не для него и не для себя! Тут не было ни сентиментальности, ни великодушия...

Да и какое великодушие или сострадание было возможно с этим героем в обратную сторону. Эмма, чего-то перепугавшаяся, рассорилась с Фогтом за то, что он дерзко отзывался об ее Георге, и упросила Шарля Эдмонда написать к нему письмо, в котором бы он ему посоветовал спокойно сидеть в Цюрихе и оставить всякого рода провокации, а то худо будет. Не знаю, что писал Шарль Эдмонд, – задача была нелегкая, но ответ Гервега был замечателен. Сначала он говорил, что "не Фогтам и не Шарлем Эдмондам его судить", потом – что связь между им и мной порвал я, а потому да падет все на мою голову. Перебравши все и защищаясь даже в своей двуличной роли, он заключал так: "Я даже не знаю, есть ли тут измена? Толкуют еще эти шалопаи о деньгах, – чтоб окончить навсегда с этим дрянным обвинением, я скажу откровенно, что Герцен не слишком дорого купил своими несколькими тысячами франков те минуты рассеяния и наслаждения, которые мы провели имеете в тяжкое время!" – Cest grand, cest sublime, – говорил Ch. Edmond, – mais cest niederträchtig⁵².

На это Хоецкий отвечал, что на подобные письма отвечают палкой, что он и сделает при первом свидании.

Гервег умолк.

VIII

С наступлением весны больной сделалось лучше. Она уже большую часть дня сидела в креслах, могла разобрать свои волосы, не чесанные в продолжение болезни, наконец, без утомления могла слушать, когда я ей читал (518) вслух. Мы собирались, как только ей будет еще получше, ехать в Севилью или Кадикс. Ей хотелось выздороветь, хотелось жить, хотелось в Испанию.

После возвращения письма все замолкло, точно будто совесть жены и мужа почувствовала, что они дошли до той границы, до которой редко ходит человек, перешли ее и устали.

Вниз Natalie еще не сходила и не торопилась, она собиралась сойти в первый раз 25 марта, в мое рождение. Для этого дня она подготовила себе белую, мериновскую блузу, а я выписал из Парижа горностаевую мантилью. Дня за два Natalie сама написала или продиктовала мне, кого она хочет звать сверх Энгельсонов: – Орсини, Фогта, Мордини и Пачелли с женой.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
За два дня до дня моего рождения у Ольги сделался насморк с кашлем. В городе
была influenza. Ночью Natalie два раза вставала и ходила через комнату в
детскую. Ночь была теплая, но бурная. Утром она проснулась сама в сильнейшей
influenze, - сделался мучительный кашель, а к вечеру лихорадка.

О том, чтобы встать на другой день, нечего было и думать: после лихорадочной ночи
- ужасная простреляция; болезнь росла. Все вновь ожившие, бледные, но цепкие
надежды были прибиты. Неестественный звук кашля грозил чем-то зловещим.

Natalie слышать не хотела, чтобы гостям отказали. Печально и тревожно сели мы
часа в два за стол без нее.

Пачелли привезла с собой какую-то арию, сочиненную ее мужем для меня. М-те
Пачелли была печальная, молчаливая и очень добрая женщина. Словно горе
какое-нибудь лежало на ней; проклятие ли бедности тяготило ее, или, быть может,
жизнь сулила ей что-нибудь больше, чем вечные уроки музыки и преданность
человека слабого, бледного и чувствовавшего свое подчинение ей.

В нашем доме она встречала больше простоты и теплого привета, чем у других
практик⁵³, и полюбила Natalie с южной экзальтацией.

После завтрака она посидела у больной и вышла от нее бледная, как полотно. Гости
просили у нее спеть привезенную арию. Она села за фортепиано, взяла (519)
несколько аккордов, запела и вдруг, испуганно взглянув на меня, залилась
слезами, - склонила голову на инструмент и спазматически зарыдала. Это покончило
праздник. Гости разошлись, почти не говоря ни слова. Задавленный какой-то
каменной плитой, пошел я наверх. Тот же страшный кашель продолжался.

Это было начало похорон.

И притом двух!

Через два месяца после моего рождения схоронили и м-те Пачелли. Она поехала в
Ментоне или Рокабрун на осле. Ослы в Италии привыкли ночью взбираться на горы,
не оступаясь. Тут белым днем осел споткнулся, несчастная женщина упала,
скатилась на острые камни и тут же умерла в ужаснейших страданиях...

Я был в Лугано, когда получил эту весть. И ее с костей долой... Nur zu⁵⁴
какая-то следующая нелепость?

...далее все заволакивается - настает мрачная, тупая и неясная в памяти ночь, -
тут и описывать нечего или нельзя - время боли, тревоги, бессонницы,
притупляющее чувство страха, нравственного ничтожества и страшной телесной силы.

Все в доме осунулось. Особенного рода неустройство и беспорядок, суета, сбитые с
ног слуги и рядом с наступающей смертью - новые сплетни, новые гадости. Судьба
не золотила мне больше пилюли, не пожалели меня и люди: благо, мол, крепки
плечи, пускай себе!

Дни за три до кончины ее Орсини мне принес записочку от Эммы к Natalie. Она
умоляла ее "простить за все сделанное против нее, простить всех". Я сказал
Орсини, что записочку отдать больной невозможно, но что я вполне ценю чувство,
заставившее написать ее эти строки, и принимаю их.

Я сделал больше, и в одну из последних спокойных минут я тихо сказал Natalie:

- Эмма просит у тебя прощения.

Она улыбнулась иронически и не отвечала ни слова. Она лучше меня знала эту
женщину.

Вечером я слышу громкий разговор в бильярдной, - туда обыкновенно приходили
близкие знакомые. Я сошел туда и застал горячий разговор. Фогт кричал,
Ор(520)сини что-то толковал и был бледнее обычного. При мне спор
остановился.

- Что у вас? - спросил я, уверенный, что вышла какая-нибудь новая гадость.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru - да вот что, - подхватил Энгельсон. - Какие тут секреты, это такая прелесть, такой немецкий цветок, что я бы на голове ходил, если б это случилось в другое время... Рыцарственная Эмма поручила Орсини вам передать, что так как вы ее прощаете, то в доказательство она просит, чтоб вы возвратили ей вексель в десять тысяч франков, который она вам дала, когда вы их выкупили от кредиторов... *Stupendisch teuer, stupendisch teuer!*⁵⁵

Сконфуженный Орсини добавил:

- Я думаю, она сошла с ума.

Я вынул ее записку и, подавая Орсини, сказал ему: - Скажите этой женщине, что она слишком дорого запрашивает; что если я и оценил ее чувство раскаяния, то не в десять тысяч франков!

Записки Орсини не взял.

Вот по какой грязи мне пришлось идти на похороны. Что это: безумие или порок, разврат или тупость?

Это так же трудно решить, как вопрос: откуда вырвалась эта семья - из сумасшедшего дома или из смирительного?

Вечером 29 апреля приехала Мария Каспаровна. *Natalie* ожидала ее с дня на день, она звала ее несколько раз, боясь, чтобы м-me Engelsson не захватила в руки воспитание детей. Она ждала ее с часу на час, и, когда мы получили письмо, она послала Гауга и Сашу навстречу к ней на Барский мост. Но, несмотря на это, свиданье с Марией Каспаровной нанесло ей страшное потрясение. Я помню ее слабый крик, похожий на стон, с которым она сказала: "Маша!" - и не могла ничего больше прибавить.

Болезнь застала *Natalie* в половине беременности. Бонфис и Фогт думали, что это исключительное положение помогло к выздоровлению от плерези. Приезд Марии Каспаровны ускорил роды. Роды были лучше, чем ожидали, младенец родился живой, но силы истощились - наступила страшная слабость. (521)

Младенец родился к утру. К вечеру она велела подать себе новорожденного и позвать детей. Доктор предписал наиловеннейший покой. Я просил ее не делать этого.

- И ты, Александр, слушаешься их? - сказала она. - Смотри, как бы тебе не было потом очень жаль, что ты у меня отнимаешь эту минуту: мне теперь полегче. Я хочу сама представить малютку детям.

Я позвал детей.

Не имея силы держать новорожденного, она его положила возле себя и с светлым, радостным лицом сказала Саше и Тате:

- Вот вам еще маленький брат - любите его. Дети весело бросились целовать ее и малютку. Мне вспомнилось, что недавно *Natalie* повторяла, глядя на детей:

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть...

Оглушенный горем, смотрел я на эту аптеозу умирающей матери. Когда дети ушли, я умолял ее не говорить и отдохнуть; она хотела отдохнуть, но не могла: слезы катились из глаз.

- Помни твое обещание... Ах, как страшно думать, что они останутся одни, совсем одни... и в чужой стороне. Да неужели нет спасенья?..

И она останавливалась на мне какой-то взгляд просьбы и отчаяния.

Эти переходы от страшной безнадежности к упованию невыразимо раздирали сердце в последнее время... В те минуты, когда я всего меньше верил, она брала мою руку и говорила мне:

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Нет, Александр, это не может быть, это слишком глупо - мы поживем еще, лишь бы слабость прошла.

Скользнув, лучи надежды, они меркли сами собой - и заменялись невыразимо печальным, тихим отчаянием⁵⁶.

- Когда меня не будет, - говорила она, - и все устроится; теперь я не могу себе вообразить, как вы будете жить без меня: кажется, я так нужна детям; а подумаешь - и без меня они так же будут расти, и все пойдет своим путем, как будто и всегда так было. (522)

Еще несколько слов прибавила она о детях, о здоровье Саши; она радовалась, что он стал крепче в Ницце, что в этом согласен и Фогт.

- Береги Тату, с ней нужно быть очень осторожну, это натура глубокая и несообщительная. Ах, - добавила она, - если б мне дожить до приезда моей Natalie... А что, дети спят? - спросила она, несколько погодя.

- Спят, - сказал я.

Издали послышался детский голос.

- Это Оленька, - сказала она и улыбнулась (в последний раз). - Посмотри, что она.

К ночи ей овладело сильное беспокойство, она молча указывала, что подушки не хорошо лежат, но как я ни поправлял, ей все казалось беспокойно, и она с тоской и даже с неудовольствием меняла положение головы. Потом наступил тяжелый сон.

Середь ночи она сделала движение рукой, как будто хотела пить; я ей подал с ложечки апельсинный сок с сахаром и водой, но зубы были совершенно стиснуты: она была без сознания - я оцепенел от ужаса; рассветало, я отдернул занавесь и с каким-то безумным чувством отчаяния разглядел, что не только губы, но и зубы покернели в несколько часов.

За что же еще это? Зачем это ужасное беспамятство, зачем этот черный цвет!

Доктор Бонфис и К. Фогт сидели всю ночь в гостиной. Я сошел и сказал Фогту, что я заметил, он миновал мой взгляд и, не отвечая, пошел наверх. Ответа было не нужно: пульс больной едва бился.

Около полудня она пришла в себя - опять позвала детей, но не говорила ни слова. Она находила, что в комнате было темно. Это случилось во второй раз; за день она спросила меня, зачем нет свечей (две свечи горели на столе), я зажег еще свечу - но она, не замечая ее, говорила, что темно.

- Ах, друг мой, как тяжело голове, - сказала она, и еще два-три слова.

Она взяла мою руку - рука ее уже не болела похожа на живую - и покрыла ею свое лицо. Я что-то сказал ей, она отвечала невнятно, - сознание было снова потеряно и не возвращалось...

Еще одно слово... одно слово... или уж конец бы всему! в этом положении она осталась до следующего (523) утра. С полдня или с часа 1 мая до семи часов утра 2 мая. Какие нечеловеческие, страшные 19 часов!

Минутами она приходила в полусознание, явственно говорила, что хочет снять фланель, кофту, спрашивала платье - но ничего больше.

Я несколько раз начинал говорить; мне казалось, что она слышит, но не может выговорить слова, будто выражение горькой боли пробегало по лицу ее. Разва два она пожала мне руку, не судорожно, а намеренно - в этом я совершенно уверен. Часов в шесть утра я спросил доктора, сколько остается времени: - "Не больше часа".

Я вышел в сад позвать Сашу. Я хотел, чтоб у него остались навсегда в памяти последние минуты его матери. Всходя с ним на лестницу, я сказал ему, какое

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru несчастие нас ожидает, - он не подозревал всей опасности. Бледный и близкий к обмороку, взошел он со мной в комнату.

- Станем рядом здесь на коленях, - сказал я, указывая на ковер у изголовья.

Предсмертный пот покрывал ее лицо, рука спазматически касалась до кофты, как будто желая ее снять. Несколько стенаний, несколько звуков, напомнивших мне агонию Вадима, - и те замолкли. Доктор взял руку и опустил ее, она упала, как вещь.

Мальчик рыдал, - я хорошенько не помню, что было в первые минуты. Я бросился вон - в зал - встретил Ch. Edmonda, хотел ему сказать что-то, но вместо слов из моей груди вырвался какой-то чужой мне звук... Я стоял перед окном и смотрел, оглушенный и без ясного понимания, на бессмысленно двигавшееся мерцавшее море.

Потом мне вспомнились слова: "Береги Тату!" Мне сделалось страшно, что ребенка испугают. Говорить ей я запретил прежде, но как же можно было положиться? Я велел ее позвать и, запервшись с нею в кабинете, посадил к себе на колени и, мало-помалу приготовив ее, сказал, наконец, что "мама" умерла. Она дрожала всем телом, пятны вышли на лице, слезы навернулись...

Я ее повел наверх. Там уж все изменилось. Покойница, как живая, лежала на убранной цветами постели возле малютки, скончавшейся в ту же ночь. Комната была обита белым, усыпана цветами; изящный во всем вкус итальянцев умеет внести что-то кроткое в раздирающую печаль смерти. (524)

Испуганное дитя было поражено изящной обстановкой.

- Мамаша вот! - сказала она, но когда я ее поднял и она коснулась губами холодного лица, она истерически заплакала; дальше я не мог вынести и вышел.

Часа через полтора я сидел один опять у того же окна и опять бессмысленно смотрел на море, на небо. Дверь отворилась, и взошла Тата, одна. Она подошла ко мне и, ласкаясь, как-то испуганно шептала мне:

- Папа, я умно себя вела, я не много плакала.

С глубокой горестью посмотрел я на сироту. "да тебе и надо быть умной. Не знать тебе материнской ласки, материнской любви. Их ничто не заменит; у тебя будет пробел в сердце. Ты не испытаешь лучшей, чистейшей, единой бескорыстной привязанности на свете. Ты ее, может, будешь иметь, но к тебе ее никто не будет иметь, что же любовь отца в сравнении с материнской болью любви?..."

Она лежала вся в цветах - сторы были опущены - я сидел на стуле, на том же обычном стуле возле кровати; кругом было тихо, только море шипело под окном. Флер, казалось, приподнимался от слабого, очень слабого дыхания... Кротко застыли скорби и тревога, - словно страданье окончилось бесследно, их стерла беззаботная ясность памятника, не знающего, что он представляет. И я все смотрел, смотрел всю ночь, ну, а как в самом деле она проснеться? Она не проснулась. Это не сон, это - смерть.

Итак, это правда!..

...На полу, по лестнице было наброшено множество красно-желтого гераниума. Запах этот и теперь потрясает меня, как гальванический удар... и я вспоминаю все подробности, каждую минуту - и вижу комнату, обтянутую белым, с завешенными зеркалами, возле нее, также в цветах, желтое тело младенца, уснувшего, не просыпаясь, и ее холодный, страшно холодный лоб... Я иду скрыми шагами без мысли и намерения в сад - наш Франсуа лежит на траве и рыдает, как дитя, я хочу ему что-то сказать, - и совсем нет голоса - бегу назад, туда. Незнакомая дама вся в черном и с нею двое детей потихонько отворяет дверь, она просит позволение прочесть католическую молитву, - я сам готов молиться с нею. Она становится на колени: она шепчет латинскую (525) молитву, дети тихо повторяют за ней. Потом она говорит мне:

- И они не имеют матери, а отец их далеко. Вы хоронили их бабушку...

Это были дети Гарибалди.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

... Толпы изгнанников собирались через сутки на дворе, в саду, они пришли проводить ее. Фогт и я, мы положили ее в гроб. Гроб вынесли. Я твердо шел за ним, держа Сашу за руку, и думал; "Вот так-то люди глядят на толпу, когда их ведут на виселицу".

Какие-то два француза - одного из них помню - граф Воре - на улице с ненавистью и смехом указали, что нет священника. Тесье было прикрикнуло на них, - я испугался и сделал ему знак рукой: тишина была необходима.

Огромный венок из небольших алых роз лежал на гробе. Мы все сорвали по розе - точно на каждого капнула капля крови. Когда мы входили на гору, поднялся месяц, сверкнуло море, участвовавшее в ее убийстве. На пригорке, выступающем в него, в виде Эстрели, с одной стороны, и Корниче - с другой, схоронили мы ее. Крутом сад, - эта обстановка продолжала роль цветов на постеле.

Недели через две Гауг напомнил о последней воле ее, о данном слове: он и Тесье собирались ехать в Цюрих. Марии Каспаровне было пора в Париж. Все настаивали, чтоб я отправил Тату и Ольгу с ней, а сам с Сашей ехал бы в Геную. Больно мне было расставаться, но я не доверял себе; может, думалось мне, и в самом деле так лучше, ну, а лучше, пусть так и будет. Я только просил не уводить детей до 9/21 мая: я хотел провести с ними четырнадцатую годовщину нашей свадьбы.

На другой день после нее я проводил их на Барский мост. Гауг поехал с ними до Парижа. Мы посмотрели, как таможенные пристава, жандармы и всякая полиция тормошили пассажиров. Гауг потерял свою трость, подаренную мною, искал ее и сердился, Тата плакала. Кондуктор, в мундирной куртке, сел возле кучера. Дилижанс поехал по драгиньянской дороге - а мы, Тесье, Саша и я, пошли назад через мост, сели в коляску и поехали туда, где я жил.

Дома у меня больше не было. С отъездом детей последняя печать семейной жизни отлетела - все приняло (526) холостой вид. Энгельсон с женой уехал дня через два. Половина комнат были заперты. Тесье и Эдмона переехали ко мне. Женский элемент был исключен. Один Саша напоминал возрастом, чертами, что тут было что-то другое... напоминал кого-то отсутствующего!

Post scriptum

...дней через пять после похорон Гервег писал своей жене: "Весть эта глубоко огорчила меня, я полон мрачных мыслей - пришли мне по первой почте "I. Sepolcri" - Уго Фосколо".

И в следующем письме⁵⁷: "Теперь настало время примирения с Герценом, причина нашего раздора не существует больше... Лишь бы мне его увидеть - с глаз - он один в состоянии понять меня!"

И понял!

ПРИБАВЛЕНИЕ

I. ГАУТ.

Гауг и Тесье явились одним утром в Цюрих, в отель, где жил Гервег. Они спросили, дома ли он, и на ответ кельнера, что дома, они велели себя прямо вести к нему, без доклада.

При их виде Гервег, бледный, как полотно, дрожащий, встал и молча оперся на стул.

"Он был страшен, - до того выражение ужаса исказило его черты", - говорил мне Тесье.

- Мы пришли к вам, - сказал ему Гауг, - исполнить волю покойницы - она на ложе предсмертной болезни писала вам, вы отослали письмо нераспечатанным под предлогом, что оно подложное, вынужденное. Покойница сама поручила мне и Тесье дю Моте засвидетельствовать, что она письмо это писала сама по добной воле, и потом вам его прочесть.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
- Я не хочу... не хочу...

- Садитесь и слушайте! - сказал Гауг, поднимая голос. (527)

Гауг распечатал письмо и вынул из него... записку, писанную рукою Гервега.

Когда письмо, нарочно страхованное, было отослано назад, я отдал его на хранение Энгельсону. Энгельсон заметил мне, что две печати были подпечатаны.

- Будьте уверены, - говорил он, - что этот негодяй читал письмо и именно потому его отоспал назад.

Он поднял письмо к свечке и показал мне, что в нем лежала не одна, а две бумаги.

- Кто печатал письмо?

- Я.

- Кроме -письма, ничего не было?

- Ничего.

Тогда Энгельсов взял такую же бумагу, такой же пакет, положил три печати и побежал в аптеку; там он взвесил оба письма - присланное имело полтора веса. Он возвратился домой с пляской и пением и кричал мне:

"Отгадал! отгадал!"

Гауг, вынув записку, прочитал письмо, потом, взглянув на записку, которая начиналась бранью и упреками, передал ее Тесье и спросил Гервега:

- Это ваша рука?

- Да, это я писал.

- Стало, вы письмо подпечатали?

- Я не обязан вам давать отчета. Гауг изорвал его записку и, бросив ему в лицо, прибавил:

- Какой же вы мерзавец!

Испуганный Гервег схватился за шнурок и стал звонить изо всей силы.

- Что вы, с ума сошли? - спросил Гауг и схватил его за руку.

Гервег, рванувшись от него, бросился к двери," растворил ее и закричал:

- Режут! Режут! (Morel! Mord!)

На неистовый звон, на этот крик все бросилось по лестнице к его комнате; гарсона, путешественники, жившие в том же коридоре.

- Жандармов! Жандармов! Режут! - кричал уже в. коридоре Гервег.

Гауг подошел к нему и, сильно ударив его рукой в щеку, сказал ему:

- Вот тебе, негодяй (Schuft), за жандармов! (528)

Тесье в это время взошел опять в комнату, написал имена и адрес и молча подал их ему. На лестнице собралась толпа зрителей. Гауг извинился перед хозяином и ушел с Тесье.

Гервег бросился к комиссару полиции, прося его взять под защиту законов против подосланных убийц и спрашивал, не начать ли ему процесс за пощечину.

Комиссар при содержателе отеля расспросил о разных подробностях, изъявил сомнение в том, чтоб люди, таким образом приходившие белым днем в отель, не

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru скрывая имена и места жительства, были подосланы убийцы. Что касается до процесса, он полагал, что его начать очень легко, и наверное думал, что Гауг будет приговорен к небольшой пени и к непродолжительной тюрьме. "Но в вашем деле вот в чем неудобство, - прибавил он, - для того, чтобы осудили этого господина, вам необходимо публично доказать, что он вам действительно дал пощечину... Мне кажется, что для вашей пользы лучше дело оставить, оно же бог знает к каким ревельям⁵⁸ поведет..."

Логика комиссара победила.

Я тогда был в Лугано. Обдумав дело, на меня нашел страх: я был уверен, что Гервег не вызовет Гауга или Тесье, но чтобы Гауг умел на этом остановиться и спокойно уехал из Цюриха, - в этом я не был уверен. Вызов со стороны Гауга⁵⁹ был бы явным образом против характера, который я хотел дать делу. Сам Тесье, на благородный ум которого я мог совершенно надеяться, во всем был слишком француз.

Гауг был упрям до капризности и раздражителен до детства. У него постоянно были контры и пики то с Хо-ецким, то с Энгельсоном, то с Орсини и итальянцами, которых он, наконец, действительно восстановил против себя, - и Орсини, улыбаясь по-своему и слегка покачивая головой, говорил пресмешно:

- Oh, il generale, il generate Aug!⁶⁰

На Гауга имел влияние один Карл Фогт с своим светлым практическим взглядом; он поступал агрес(529)сивно; осыпал его насмешками, кричал, - и Гауг его слушался.

- Какой секрет открыли вы, - спросил я раз Фогта, - усмирять нашего бенгальского генерала?

- Vous l'avez dit⁶¹, - отвечал Фогт, - вы пальцем дотронулись до секрета. Я его усмиряю потому, что он генерал и верит в это. Генерал знает дисциплину, он против начальства идти не может: вы забываете, что я - викарий империи.

Фогт был совершенно прав. Несколько дней спустя Энгельсон, нисколько не думая о том, что он говорит и при ком, сказал:

- На такую мерзость способен только немец. Гауг обиделся. Энгельсон уверял его, что он не спохватился, что у него сорвалась эта глупость нечаянно с языка. Гауг заметил, что важность не в том, что он сказал при нем, а в том, что он имеет такое мнение о немцах, - и вышел вон.

На другой день рано утром он отправился к Фогту, застал его в постели, разбудил и рассказал ему нанесенную обиду Германии, прося его быть свидетелем и снести Энгельсону картель.

- Что же, вы считаете, что я так же сошел с ума, как вы? - спросил его Фогт.

- Я не привык сносить обиды.

- Он вас не обижал. Мало ли что сорвется с языка, - он же извинялся.

- Он обидел Германию... и увидит, что при мне нельзя безнаказанно оскорблять великую нацию.

- Да вы что же за исключительный представитель Германии? - закричал на него Фогт. - Разве я не немец? Разве я не имею права вступаться так же, как вы, больше, чем вы?

- Без сомнения, и, если вы берете это дело на себя, я вам уступаю.

- Хорошо, но, вверивши мне, надеюсь, что вы не станете мешать. Сидите же здесь спокойно, а я схожу и узнаю, точно ли такое мнение у Энгельсона или это так, случайно сказанная фраза, - ну, а картель ваш покамест мы изорвем. (530)

Через полчаса явился Фогт ко мне, я ничего не знал о вчерашнем событии. Фогт взошел, по обычай громко смеясь, и сказал мне:

- Что у вас Энгельсон на воле ходит или нет? Я запер нашего генерала у себя.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Представьте, что он за поганых немцев, о которых Энгельсон дурно отзывался, хотел с ним драться; я его убедил, что расправа принадлежит мне. Половина дела сделана. Усмирите вы теперь Энгельсона, если он не в белой горячке.

Энгельсон и не подозревал, что Гауг до такой степени рассердился; сначала хотел лично с ним объясниться, готов был принять картель, потом сдался, и мы послали за Гаугом. Викарий на это утро бросил медуз и салпов и до тех пор сидел, пока Гауг и Энгельсон совершенно дружески рассуждали за бутылкой вина и котлетами а la milanaise62.

В Люцерне, куда я отправился из Лугано, мне предстояла новая задача. В самый день моего приезда Тесье рассказал мне, что Гауг написал мемуар по поводу пощечины, в котором изложил все дело; что эту записку он хочет напечатать и что Тесье его только остановил тем, что все же без моего согласия такой вещи печатать невозможно. Гауг, нисколько не сомневаясь в моем согласии, решился ждать меня.

- Употребите все усилия, чтобы этот несчастный factum⁶³, - говорил мне Тесье, - не был напечатан; он испортит все дело, он сделает вас, память вам дорогую и нас всех посмешищем на веки веков.

Вечером Гауг отдал мне тетрадь. Тесье был прав. От такого удара воскреснуть нельзя бы было. Все было изложено с пламенной, восторженной дружбой ко мне и к покойной - и все было смешно, смешно для меня в это время слез и отчаяния. Вся статья была писана слогом дон Карлоса - в прозе. Человек, который мог написать такую вещь, должен был свое сочинение высоко поставить и, конечно, не мог его уступить без боя. Нелегка была моя роль. Писано все это было для меня, из дружбы, добросовестно, честно, искренно, - и я-то должен был вместо благодарности отправить ему мысль, которая сильно засела в его голове и нравилась ему. (531)

Уступки я сделать не мог. Долго думая, я решился к нему написать длинное послание, благодарил его за дружбу, но умолял его мемуара не печатать. "Если надобно в самом деле что-нибудь печатать из этой страшной истории, то это печальное право принадлежит мне одному".

Письмо это, запечатавши, я послал Гаугу часов в 7 утра. Гауг отвечал мне: "Я с вами не согласен, я вам и ейставил памятник, я вас поднимал на недосягаемую высоту, и, если б кто осмелился бы заикнуться, того я заставил бы замолчать. Но в вашем деле вам принадлежит право решать, и я, само собой разумеется, если вы хотите писать, - уступлю".

Он был день целый мрачен и отрывист. К вечеру мне пришла страшная мысль: умри я - ведь он памятник-то поставит, - и потому, прощаясь, я ему сказал, обнявши его:

- Гауг, не сердитесь на меня; в таком деле действительно нет лучшего судьи, как я.

- Да я и не сержусь, мне только больно.

- Ну, а если не сердитесь, оставьте у меня вашу тетрадь, подарите ее мне.

- С величайшим удовольствием.

Замечательно, что у Гауга с тех пор остался литературный зуб против меня, и впоследствии в Лондоне, на мое замечание, что он к Гумбольдту и Мурчисону пишет слишком вычурно и фигурно, Гауг, улыбаясь, говорил:

- Я знаю, вы диалектик, у вас слог резкого разума, но чувство и поэзия имеют другой язык.

И я еще раз благословил судьбу, что не только взял у него его тетрадь, но, уезжая в Англию, ее сжег.

Новость о пощечине разнеслась, и вдруг в "Цюрихской газете" появилась статья Гервега с его подписью. "Знаменитая пощечина", - говорил он, никогда не была дана, а что, напротив, он "оттолкнул от себя Гауга так, что Гауг замарал себе спину об стену", что, сверх всего остального, особенно было вероятно для тех,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru которые знали мускульного и расторопного Гауга и неловкого, тщедушного баденского военачальника. далее он говорил, что все это - далеко ветвящаяся интрига, затеянная бароном Герценом на русское золото. и что люди, приходившие к нему, у меня на жалованье. (532)

Гауг и Тесье тотчас поместили в той же газете серьезный, сжатый, сдержанний и благородный рассказ дела.

К их объяснению я прибавил, что у меня на жалованье никогда никого не было, кроме слуг и Гервега, который жил последние два года на мой счет и один из всех моих знакомых в Европе должен мне значительную сумму. Это чуждое мне оружие я употребил в защиту оклеветанных друзей.

. На это Гервег возразил в том же журнале, что "он никогда не находился в необходимости занимать у меня деньги и не должен мне ни копейки" (занимала для него его жена).

С тем вместе какой-то доктор из Цюриха писал мне, что Гервег поручил ему вызвать меня.

Я отвечал через Гауга, что как прежде, так и теперь я Гервега не считаю человеком, заслуживающим удовлетворения; что казнь его началась, и я пойду своим путем. При этом нельзя не заметить, что два человека (кроме Эммы), принявшие сторону Гервега - этот доктор и Рихард Вагнер, музыкант будущего, - оба не имели никакого уважения к характеру Гервега. Доктор, посылая вызов, прибавлял: "что же касается до сущности самого дела, я его не знаю и желаю быть совершенно в стороне". А в Цюрихе он говорил своим друзьям: "я боюсь, что он не будет стреляться, а хочет разыграть какую-нибудь сцену; только я не позволю над собой смеяться и делать из меня шута. Я ему сказал, что у меня будет другой заряженный пистолет в кармане - и этот для него!.."

Что касается, до Р. Вагнера, то он письменно жаловался мне, что Гауг слишком бесцеремонен, и говорил, что он не может произнести строгого приговора над человеком, "которого он любит и жалеет". "К нему надобно снисхождение; может, он еще и воскреснет из ничтожной, женоподобной жизни своей, соберет свои силы из эксцентричной распущенности и иначе проявит себя"64.

Как ни гадко было поднимать - рядом со всеми ужасами - денежную историю, но я понял, что ею я ему нанесу удар, который поймет и примет к сердцу весь (533) буржуазный мир, то есть все общественное мнение, в Швейцарии и Германии.

Вексель в 10000 франков, который мне дала м-те Herwegh и хотела потом выменять на несколько слов позднего раскаяния, был со мной. Я его отдал нотариусу.

С газетой в руке и с векселем в другой явился нотариус к Гервегу, прося объясненья.

- Вы видите, - сказал он, - что это не моя подпись.

Тогда нотариус подал ему письмо его жены, в котором она писала, что берет деньги для него и с его ведома.

- Я совсем этого дела не знаю и никогда ей не поручал; впрочем, адресуйтесь к моей жене в Ниццу - мне до этого дела нет.

- Итак, вы решительно не помните, чтоб сами уполномочили вашу супругу?

- Не помню.

- Очень жаль; простой денежный иск этот получает через это совсем иной характер, и ваш противник может преследовать вашу супругу за мошеннический поступок, escroquerie65.

На этот раз поэт не испугался и храбро отвечал, что это не его дело. Ответ его нотариус предъявил Эмме, я не продолжал дела. Денег, разумеется, они не платили.

- Теперь, - говорил Гауг, - теперь в Лондон!.. Этого негодяя так нельзя оставить...

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

И мы через несколько дней смотрели на лондонский туман из четвертого этажа Morleys House.

Переездом в Лондон осенью 1852 замыкается самая ужасная часть моей жизни, - на нем я прерываю рассказ.

(Окончено в 1858.)

...Сегодня второе мая 1863 года... Однинадцатая годовщина. Где те, которые стояли возле гроба? Никого нет возле... иных вовсе нет, другие очень далеко и не только географически. (534)

Голова Орсими, окровавленная, скатилась с эшафота...

Тело Энгельсона, умершего врагом мне, покойится на острове Ламанша.

Тесье дю Моте, химик, натуралист, остался тот же кроткий и добродушный, но сзывает духов... и вертит столы.

Charles Edmond, друг принца Наполеона, библиотекарем в Люксембургском дворце.

Ровнее всех, вернее всех себе остался К. Фогт.

Гауга я видел год тому назад. Из-за пустяков он поссорился со мной в 1854 году, уехал из Лондона, не простившись, и перервал все сношения. Случайно узнал я, что он в Лондоне - я велел ему передать, что "настает десятилетие после похорон, что стыдно сердиться без серьезного повода, что нас связывают святые воспоминания и что если он забыл, то - я помню, с какой готовностью он протянул мне дружескую руку".

Зная его характер, я сделал первый шаг и пошел к нему. Он был рад, тронут, и при всем эта встреча была печальнее всех разлук.

Сначала мы говорили о лицах, событиях, вспоминали подробности, потом сделалась пауза. Нам, очевидно, нечего было сказать друг другу, мы стали совершенно чужие. Я делал усилия поддержать разговор, Гауг выбивался из сил; разные инциденты его поездки в Малую Азию выручили. Кончились и они, - опять стало тяжело.

- Ах, боже мой, - сказал я вдруг, вынимая часы, - пять часов, а у меня назначен rendez-vous66, я должен оставить вас.

Я солгал - никакого rendez-vous у меня не было. С Гауга тоже словно камень с плеч свалился.

- Неужели пять часов? - я сам еду обедать сегодня в Старham.

- Туда час езды, не стану вас задерживать.. Прощайте.

И, выйдя на улицу, я был готов.., "захохотать"? - . нет, заплакать. (535)

Через два дня он приехал завтракать ко мне. То же самое. На другой день хотел он ехать, как говорил, остался гораздо дольше, но нам было довольно, и мы не старались увидеться еще раз.

Перед отъездом

Теддингтон Август 1863.

Бывало, Огарев, в новгородские времена, певал: "Cari luoghi io vi ritrovab"67; найду и я их снова, и .мне страшно, что я их увижу.

Поеду той же дорогой через Эстрель на Ниццу. Там ехали мы в 1847, спускаясь оттуда в первый раз в Италию. Там ехал в 1851 в Иер отыскивать следы моей матери, сына - и ничего не нашел.

Туго стареющая природа осталась та же, а человек изменился, и было отчего. Жизни, наслажденья искал я, переезжая в первый раз Приморские Альпы, ...были

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru сзади небольшие тучки, печальная синева носилась над родным краем, и ни одного облака впереди, - тридцати пяти лет я был молод и жил в каком-то беззаботном сознании силы.

Во второй раз я ехал тут в каком-то тумане, ошеломленный, я искал тела, потонувший корабль, - и не только сзади гнались страшные тени, но и впереди все было мрачно.

В третий раз... еду к детям, еду к могиле, - желания стали скромны: ищу немного досуга мысли, немного Гармонии вокруг, ищу покоя, этого *noli me tangere*⁶⁸ устали и старости.

После приезда

21 сентября был я на могиле. Все тихо: то же море, только ветер подымал столб пыли по всей дороге. Каменное молчание и легкий шелест кипарисов мне были страшны, чужды. Она не тут; здесь ее нет, - она жива во мне. (536)

Я пошел с кладбища в оба дома, - дом Сю и дом Дуйса. Оба стояли пустыми. Зачем я вызвал опять этих немых свидетелей а *charge?*⁶⁹ Вот терраса, по которой я между роз и виноградников ходил задавленный болью и глядел в пустую даль с каким-то безумным и слабодушным желанием облегченья, помочи и, не находя их в людях, искал в вине...

диван, покрытый теперь пылью и какими-то рамками, - диван, на котором она изнемогла и лишилась чувств в страшную ночь объяснений.

Я отворил ставень в спальной дома Дуйса - вот он, старознакомый вид... я обернулся - кровать, тюфяки сняты и лежат на полу, словно на днях был вынос... Сколько потухло, исчезло в этой комнате! Бедная страдалица - и сколько я сам, беспредельно любя ее, участвовал в ее убийстве! (537)

РУССКИЕ ТЕНИ

I. Н.И. САЗОНОВ

Сазонов. Бакунин, Париж. - Имена эти, люди эти, город этот так и тянут назад... назад - в даль лет, в даль пространств, во времена юношеских конспирации, во времена философского культа и революционного идолопоклонства⁷⁰.

Мне слишком дороги наши две юности, чтобы опять не приостановиться на них..., С Сазоновым я делил в начале тридцатых годов наши отроческие фантазии о заговоре а 1а Риензи; с Бакуниным, десять лет спустя, в поте мозга завоевывал Гегеля.

О Бакунине я говорил и придется еще много говорить. Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появление, везде - в кругу московской молодежи, в аудитории Берлинского университета, между коммунистами -Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его речи в Праге, его начальство в Дрездене, процесс, тюрьма, приговор к смерти, истязания в Австрии, выдача России, где он исчез за страшными стенами Алексеевского равелина, - делают из него одну из тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история.

В этом человеке лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, иересиархом, бойцом. Поставьте его куда хотите, только в крайний край, - анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоца, другом Гракха Бабефа, - и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов,

Но здесь, под гнетом власти царской, (538)

Колумб без Америки и корабля, он, послужив против воли года два в артиллерию да года два в московском гегелизме, торопился оставить край, в котором мысль преследовалась, как дурное- намерение, и независимое слово - как оскорбление общественной нравственности.

Вырвавшись в 1840 году из России, он в нее не возвращался до тех пор, пока пикет австрийских драгун не сдал его русскому жандармскому офицеру в 1849 году.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Поклонники целесообразности, милые фаталисты рационализма все еще дивятся премудрому a propos, с которым являются таланты и деятели, как только на них есть потребность, забывая, сколько зародышей мрет, глохнет, не видавши света, сколько способностей, готовностей - вянут, потому что их не нужно.

Пример Сазонова еще резче. Сазонов прошел бесследно, и смерть его так же никто не заметил, как всю его жизнь. Он умер, не исполнив ни одной надежды из тех, которые клали на него его друзья. Легко сказать, что он виноват в своей судьбе; но как оценить извесить долю, падающую на человека, и ту, которая падает на среду?

Николаевское время было временем нравственного душегубства, оно убивало не одними рудниками и белыми ремнями, а своей удушающей, поникающей атмосферой, .своими, так сказать, отрицательными ударами.

Хоронить затянувшееся существования того времени, выбившиеся из сил, усиливаясь стащить с мели глубоко врезавшуюся в песок барку нашу, - моя специальность. Я - их Домажиров, теперь всеми забытый, а некогда всем в Москве известный старик, отставной ординарец Прозоровского. Пудреный, в светло-зеленом павловском мундире, являлся он на все выносы, на которых бывал архиерей, становился вперед процесии и вел ее, воображая, что делает дело.

...На второй год университетского курса, то есть осенью 1831, мы встретили в числе новых товарищей, в физико-математической аудитории - двоих, с которыми особенно сблизились. (539)

Наши сближения, симпатии и антипатии шли из одного источника. Мы были фанатики и юноши, все было подчинено одной мысли и одной религии - наука, искусство, связи, родительский дом, общественное положение. Там, где открывалась возможность обращать, проповедовать, там мы были со всем сердцем и помышлением, неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже.

Мы вошли в аудиторию с твердой целью в ней основать зерно общества по образу и подобию декабристов и потому искали прозелитов и последователей. Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов, мы нашли его совсем готовым и тотчас подружились. Он сознательно подал свою руку и на другой день привел нам еще одного студента.

Сазонов имел резкие дарования и резкое самолюбие. Ему было лет восемнадцать, скорее меньше, но, несмотря на то, он много занимался и читал все на свете. Над товарищами он старался брать верх и никого не ставил на одну доску с собой. Оттого они его больше уважали, чем любили. Друг его, красивый собой и нежный, как девушка, совсем напротив, искал, к кому бы приютиться; полный любви и преданности, едва вышедший из-под материнского крыла, с благородными стремлениями и полудетскими мечтами, ему хотелось теплоты, нежности, он жался к нам и отдавался весь и нам и нашей идее, - это была натура Владимира Ленского, натура Веневитинова.

...День, в который мы сели рядом на одной из лавок амфитеатра и взглянули друг на друга с сознанием нашего обречения, нашей связи, нашей тайны, нашей готовности погибнуть, нашей веры в святость дела - и взглянули с гордой любовью на это множество молодых, прекрасных голов, окружавших нас, как на братственную паству - был великим днем в нашей жизни. Мы подали друг другу руку и a la Lettre⁷¹ пошли проповедовать свободу и борьбу во все четыре стороны нашей молодой "вселенной"⁷², как четыре диакона, идущие в светлый праздник с четырьмя евангелиями в руках. (540)

Проповедовали мы везде, всегда... Что мы, собственно, проповедовали, трудно сказать. Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилию, к всякому правительенному произволу.

Общества, в сущности, никогда не составлялось, но пропаганда наша пустила глубокие корни во все факультеты и далеко перешла университетские стены.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
С тех пор наша пропаганда не перемежалась через всю жизнь нашу, от
университетской аудитории до лондонской типографии. Вся наша жизнь была
посильным исполнением отроческой программы. Проследить нитку не трудно по
затронутым вопросам, по возбужденным интересам, в журналах, на лекциях, в
литературных кругах... видоизменяясь, развиваясь, наша пропаганда оставалась
верной себе и вносила свой индивидуальный характер во все окружающее. Казна
подняла нас и сделала нам на свой счет пьедестал тюрьмой и ссылкой. Мы
возвратились в Москву "авторитетами" в двадцать пять лет. К нам примкнули
Белинский, Грановский и Бакунин, а статьями в "Отечественных записках" мы сами
примкнули к петербургскому движению лицеистов и молодой литературы. Петрашевцы
были нашими меньшими братьями, как декабристы - старшими.

Умалчивать о значении нашего круга оттого, что я принадлежал к нему. было бы
лицемерно или глупо. Совсем напротив, встречаясь в моих рассказах с теми
временами, с старыми друзьями тридцатых и сороковых годов, я нарочно
останавливаюсь и говорю, не боясь повторений, лишь бы ближе познакомить с ними
молодое поколение. Оно их не знает, забыло, не любит, отрекается от них, как от
людей менее практических, дальних, менее знавших, куда идут; оно на них сердится
и огулом отбрасывает их, как отсталых, как лишних и праздных людей, фантастов и
мечтателей, забывая, что оценка прошлых лиц, их значение и "проба" меньше
зависят от сравнения суммы знания и образа постановления задач прежнего времени
и нового, чем от энергии и силы, которую вносили они в свои решения. Мне (541)
ужасно хотелось бы спасти молодое поколение от исторической неблагодарности и
даже от исторической ошибки. Пора отцам Сатурнам не закусывать своими детьми, но
пора и детям не брать примера с тех камчадалов, которые убивали стариков.

Смело и с полным сознанием скажу еще раз про наше товарищество того времени,
"что это была удивительная молодежь, что такого круга людей талантливых, чистых,
развитых, умных и преданных я не встречал", а скитался довольно по белому и по
красному свету. Я не только говорю о нашем, слишком круге, но то же и в той же
силе должен сказать о круге Станкевича и о славянофилах. Молодые люди,
испуганные ужасной действительностью, середь тьмы и давящей тоски, оставляли все
и шли искать выхода. Они жертвовали всем, до чего добиваются другие -
общественным положением, богатством, всем, что им предлагала традиционная жизнь,
к- чему влекла среда, пример, к чему нудила семья, - из-за своих убеждений и
остались верными им. Таких людей нельзя просто сдать в архив - и забыть.

Их преследуют, отдают под суд, отдают под надзор, ссылают, таскают, обижают,
 унижают, - они остаются те же; проходит десять лет - они те же, проходит
двадцать, тридцать - они те же.

Я требую признания им и справедливости.

Против этого простого требования я слышал странное возражение, и притом не один
раз:

- Вы, и еще больше декабристы, были дилетанты революционных идей; для вас ваше
участие в деле была роскошь, поэзия; сами же вы говорите, что вы все жертвовали
общественным положением, имели средства, для вас, стало быть, переворот не был
вопросом куска хлеба и человеческого существования, вопросом на жизнь и
смерть...

- Я полагаю, - отвечал я раз, - что для казненных да...

- По крайней мере не были роковыми, неизбежными вопросами. Вам нравилось быть
революционерами, и это, разумеется, лучше, чем, если б вам нравилось быть
сенаторами и губернаторами; для нас же борьба с существующим порядком - не
выбор, это - наше общественное положение. Между нами и вами та раз(542)ница,
которая между человеком, упавшим у. суду, и купающимся: обоим надо плыть, но
одному по необходимости, а другому из удовольствия,

Не признавать людей потому, что они делали яз внутреннего влечения то, что
другие будут делать из нужды, сильно сбивается на монашеский аскетизм, который
высоко ценит только те обязанности, исполнение которых очень противно.

Такого рода крайние взгляды легко дают корень у нас - не то, чтобы глубокий, но
трудно искореняемый, как хрен.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Мы большие доктринеры и резонеры. К этой немецкой способности у нас присоединяется свой национальный, так сказать аракчеевский элемент, беспощадный, страстно сухой и охотно палачествующий. Аракчеев засекал для своего идеала леб-гвардейского гренадера - живых крестьян; мы засекаем идеи, искусства, гуманность, прошедших деятелей, все, что угодно. Неустранимым фронтом идем мы, шаг в шаг, до чура и переходим его, не сбиваясь с диалектической ноги, а только с истины: не замечая, идем далее и далее, забывая, что реальный смысл и реальное понимание жизни именно и обнаруживается в остановке перед крайностями... это - *halte73* меры, истины, красоты, это вечно уравновешиваемое колебание организма.

Олигархическое притязание неимущества на исключительность общественной боли и на монополь общественного страдания - так же несправедливо, как все исключительности и монополи. Ни с евангельским милосердием, ни с демократической завистью дальше милостыни и насильтственной ополиации⁷⁴, дальше раздачи именья и общего нищенства не уйдешь. В церкви оно осталось риторической темой и сентиментальным упражнением в сострадании; в ультра-демократизме, в как заметил Прудон, - чувством зависти и ненависти, не переходя ни там, ни тут ни к какой постяющей мысли, ни к какой практике.

Чем же виноваты люди, понявшие боль страждущих прежде их самих и указавшие им не только ее, но и путь к выходу? Потомок Карла Великого - Сен-Симон, (543) так же как фабрикант Роберт Оуэн, не от голодной смерти сделались апостолами социализма.

Взгляд этот не продержится, в нем недостает теплоты, добродетели, шири. Я бы и не упомянул об нем, если бы в его проскрипционные листы, вместе с нами, не вошли и те ранние сеятели всего, что взошло и всходит - декабристы, которых мы так глубоко уважаем.

Отступление это здесь почти некстати.

Сазонов был действительно праздный человек и сгубил в себе бездну сил; затертый разными разностями на чужбине, он пропал, как солдат, взятый в плен на первом сражении и никогда не возвращавшийся домой.

Когда нас арестовали в 1834 году и посадили в тюрьму, Сазонов и Кетчер уцелели каким-то чудом. Оба они жили в Москве почти безвыездно, говорили много, но писали мало, их писем ни у кого из нас не было. Нас повезли в ссылку; Сазонову мать выхлопотала заграничный паспорт в Италию. Участь его, разрозненная с нами, положила, может, начало последующей жизни его, - жизни какой-то блуждающей и бесследно падающей звезды.

Через год он возвратился в Москву, это был один из самых удушливых и тяжелых периодов прошлого царствования. В Москве его встретил мертвый *caïme plat*⁷⁵, нигде ни тени сочувствия, ни живого слова. Мы в резервах ссылки хранили нашу прошлую жизнь, жили памятью и надеждой, работали и знакомились с грубой реальностью провинциального быта.

В Москве все Сазонову напоминало наше отсутствие. Из старых друзей один Кетчер был налицо, - человек, с которым Сазонов, чопорный и аристократ по манерам, , всего меньше мог идти рука в руку. Кетчер, как мы говорили, был сознательный дикарь - из образованных, куперовский пионер, с премедитацией⁷⁶ возвращавшийся в первобытное состояние людского рода, грубый по принципу, неряха по теории, студент лет тридцати пяти в роли шиллеровского юноши.

Сазонов побился, побился в Москве, - скуча одолела его, ничто не звало на труд, на деятельность. Он попробовал переехать в Петербург - еще хуже; не выдержал он а la longue и уехал в Париж без определенного плана. Это было еще то время, когда Париж и Франция имели на нас всю чарующую силу свою. Туристы .наши скользили по лакированной поверхности французской жизни, не зная ее шероховатой стороны, и были в восторге от всего - от либеральных речей, от песней Беранже и карикатур Филиппона. Так было и с Сазоновым. Но дела не нашел он и тут. Шумная, веселая праздность заменяла немую, подавленную жизнь. В России он был связан по рукам и ногам, тут - чужой всем и всему. другой, длинный ряд годов бесцельно волнуемой, раздражаемой жизни начался для него в Париже. Сосредоточиться в себе, отдаваться внутренней работе, не ожидая толчка извне, он не мог, это не лежало в его натуре. Объективный интерес науки не был в нем так силен. Он искал иной деятельности и был бы готов на всякий труд, но на виду, но в быстром приложении

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru его, в практическом осуществлении и притом при громкой обстановке, при рукоплесканиях и крике врагов; не находя такой работы, он бросился в парижский разгул.

...А горели и его глаза и наполнялись слезой при памяти о наших университетских мечтах... Внутри его глубоко уязвленного самолюбия все еще хранилась вера в близкий переворот России и в то, что он призван играть в нем большую роль. Казалось, он и кутил только покамест, в скучном ожидании предстоящего огромного дела, и был уверен, что одним добрым вечером его вызовут из-за стола *cafe Anglais* * и повезут управлять Россией... он пристально присматривался к тому, что делается, и с нетерпением ждал минуты, когда нужно будет принять серьезное участие и сказать последнее, завершающее слово...

...После первых шумных дней в Париже начались больше серьезные разговоры, причем сейчас обнаружилось, что мы строены не по одному ключу. Сазонов и Бакунин были недовольны (так, как впоследствии Высоцкий, и члены польской Централизации), что новости, мною привезенные, больше относились к литературному и университетскому миру, чем к политическим сферам. Они ждали рассказов о партиях, обществах, о министерских кризисах (при Николае!), об оппозиции (в 1847!), а я им говорил о кафедрах, о публичных лекциях Грановского(545)ского, о статьях Белинского, о настроении студентов и даже семинаристов. Они слишком разобщились с русской жизнью и слишком вошли в интересы "всемирной" революции и французских вопросов, чтобы помнить, что у нас появление "Мертвых душ" было важнее назначения двух Паскевичей фельдмаршалами и двух филаретов митрополитами. Без правильных сообщений, без русских книг и журналов они относились к России как-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освещение всякой дали.

Разница наших взглядов чуть не довела нас до размолвки, это случилось так: накануне отъезда Белинского из Парижа мы проводили его вечером домой и пошли гулять на Елисейские поля. Страшно ясно видел я, что для Белинского все кончено, что я ему в последний раз жал руку. Сильный, страстный боец сжег себя, смерть уже вывяла крупными чертами свою близость на исстрадавшемся лице его. Он был в злейшей чахотке, а все еще полон святой энергии и святого негодования, все еще полон своей мучительной, "злой" любви к России. Слезы стояли у меня в горле, и я долго шел молча, когда возобновился несчастный опор, раз десять являвшийся *sur le tapis*77.

- Жаль, - заметил Сазонов, - что Белинскому не было другой деятельности, кроме журнальной работы, да еще работы подцензурной.

- Кажется, трудно упрекать именно его, что он мало сделал, - отвечал я.

- Ну, с такими силами, как у него, он при других обстоятельствах "и на другом поприще побольше сделал бы..."

Мне было досадно и больно.

- Да, скажите, пожалуйста, ну, вы, живущие без цензуры, вы, полные веры в себя, полные сил и талантов, что же вы сделали? Или что вы делаете? Неужели вы воображаете, что ходить с утра из одной части Парижа в другую, чтобы еще раз переговорить с Служальским или Хоткевичем о границах Польши и России, - дело? Или что ваши беседы в кафе и дома, где пять дураков слушают вас и ничего не понимают, а другие пять ничего не понимают и говорят - дело? (546)

- Постой, постой, - говорил Сазонов, уже очень неравнодушно, - ты забываешь наше положение.

- Какое положение? Вы живете здесь годы, на воле, без гнетущей крайности, чего же вам еще? Положения создаются, силы заставляют себя признать, втесняют себя. Полноте, господа, одна критическая статья Белинского полезнее для нового поколения, чем игра в конспирации и в государственных людей. Вы живете в каком-то бреду и лунатизме, в вечном оптическом обмане, которым сами себе отводите глаза...

Меня особенно сердили тогда две меры, которые прилагали не только Сазонов, но и вообще русские к оценке людей. Строгость, обращенная на своих, превращалась в культ и поклонение перед французскими знаменитостями. Досадно было видеть, как наши пасовали перед этими матадорами краснобайства, забрасывавшими их словами,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru фразами и общими местами, сказанными с vitesse accelerée⁷⁸. И чем смиреннее держали себя русские, чем больше они краснели и старались скрывать их невежество (как делают нежные родители и самолюбивые мужья), тем больше те ломались и важничали перед гиперборейскими Анахарисами.

Сазонов, любивший еще в России студентом окружать себя двором разных посредственостей, слушавших и слушавшихся его, был и здесь окружен всячими скучными умом и телом лаццарони литературной Киайи, поденщиками журнальной баршины, ветошниками фельетонов, вроде тощего Жюльвекура, полуповрежденного Тардифа-де-Мело, неизвестного, но великого поэта Буз, в его хоре были и ограниченнейшие поляки из товянщины и тупоумнейшие немцы из атеизма. Как он не скучал с ними - это его секрет; он даже ко мне ходил почти всегда с одним или с двумя понятыми из хора, несмотря на то, что я с ними всегда скучал и не скрывал этого. Поэтому-то особенно странно поражало, что он сам становился в положение Жюльвекура в отношении к Маррастам, Риберолям и даже к меньшим знаменитостям.

Все это не совсем понятно для современных посетителей Парижа. Никак не надобно забывать, что настоящий Париж - не настоящий, а новый. (547)

Сделавшись каким-то сводным городом всего света, Париж перестал быть городом по преимуществу французским. Прежде в нем была вся Франция, и "ничего, разве ее"; теперь в нем вся Европа да еще две Америки, но его самого меньше; он расплылся в своем звании мирового отеля, караван-сарай и потерял свою самобытную личность, внушившую горячую любовь и жгучую ненависть, уважение без границ и отвращение без пределов.

Само собою разумеется, что отношение иностранцев к новому Парижу изменилось. Союзные войска, ставшие на биваках на Place de la Révolution, знали, что они взяли чужой город. Кочующий турист считает Париж своим; он его покупает, журирует им и очень хорошо знает, что он нужен Парижу и что старый Вавилон обстроился, окрасился, побелился не для себя, а для него.

В 1847 году я еще застал прежний Париж, к тому же Париж с поднятым пульсом, допевавший беранжеровы песни - с припевом: "Vive la réforme!"⁷⁹, невзначай переменившись в "Vive la République!"⁸⁰ Русские продолжали тогда жить в Париже с вечно присущим чувством сознания и благодарности провидению (и исправному взысканию оброков), что они живут в нем, что они гуляют в Palais Royal и ходят aux Français⁸¹. Они откровенно поклонялись львам и львицам всех родов - знаменитым докторам и танцовщицам, зубному лекарю Дезирабору, сумасшедшему "Мапа" и всем литературным шарлатанам и политическим фокусникам.

Я ненавижу систему дерзости premeditee, которая у нас в моде. Я в ней узнаю все родовые черты прежнего, офицерского, помещичьего дантизма, ухарства, переложенные на нравы Васильевского острова и линий его. Но не надобно забывать, что и клиентизм наш перед западными авторитетами шел из той же казармы, из той же канцелярии, из той же передней - только в другие двери, а именно, обращенные к барину, начальнику и командиру. В нашей бедности поклонения чему бы то ни было; кроме грубой силы и ее знамений - звезд и чинов, потребность иметь нравственную табель о рангах очень понятна, но зато перед кем и кем не (548) стояли в умилении лучшие из наших соотечественников? Даже перед Вердером и Руге, этими великими бездарностями гегелизма. От немцев можно сделать заключение, что делалось перед французами, перед людьми действительно замечательными, перед Пьером Леру, например, или перед самой Жорж Санд...

Каюсь, что и я сначала был увлечен и думал, что поговорить в кафе с историком "десяти лет" или у Бакунина с Прудоном - некоторым образом чин, повышение; но у меня все опыты идолопоклонства и кумиров не держатся и очень скоро уступают место полнейшему отрицанию.

Месяца через три после моего приезда в Париж я начал крепко нападать на это чинопочитание, и именно в пущий разгар моей оппозиции случился спор по поводу Белинского. Бакунин, с обычным добродушием своим, сам в половину соглашался и хохотал, но Сазонов надулся и продолжал меня считать профаном в практически-политических вопросах. Вскоре я его убедил еще больше в этом.

Февральская революция была для него полнейшим торжеством, знакомые фельетонисты заняли правительственные места, троны качались, их поддерживали поэты и доктора.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Немецкие князьки спрашивали совета и помощи у вчера гонимых журналистов и профессоров. Либералы учили их, как крепче нахлобучить узенъкие коронки, чтоб их не снесло поднявшейся выгой. Сазонов писал ко мне в Рим письмо за письмом и звал домой, в Париж, в единую и нераздельную республику.

Возвращаясь из Италии, я застал Сазонова озабоченным. Бакунина не было, он уже уехал поднимать западных славян.

- Неужели, - сказал мне Сазонов при первом свидании, - ты не видишь, что наше время пришло?

- То есть как?

- Русское правительство в *impasse*82.

- Что же случилось, не провозглашена ли республика в Петропавловской крепости?

- *Entendons nous*83, я не думаю, чтоб у нас завтра было двадцать четвертое февраля. Нет, но обществен(549)ное мнение, но наплыв либеральных идей, разбитая на части Австрия, Пруссия с конституцией заставят подумать людей, окружающих Зимний дворец. Меньше нельзя сделать, как октроировать⁸⁴ какую-нибудь конституцию, *un simulacre de charte*⁸⁵, ну, и при этом, - прибавил он с некоторой торжественностью, - при этом необходимо либеральное, образованное, умеющее говорить современным языком министерство. - Думал ли ты об этом?

- Нет.

- Чудак, где же они возьмут образованных министров?

- Как не найти, если б было нужно; но мне кажется, они их искать не будут.

- Теперь этот скептицизм неуместен, история совершается, и притом очень быстро. Подумай, - правительство поневоле обратится к нам.

Я посмотрел на него, желая знать, что он, шутит или нет. У него лицо было серьезно, несколько поднято в цвете и нервно от волнения.

- Так-таки просто к нам?

- Ну, то есть лично ли к нам, или к нашему кругу, все равно, - да ты подумай еще раз, к кому же они сунутся?

- Ты какую берешь портфель?

- Напрасно смеешься. Это наше несчастье, что мы не умеем ни пользоваться обстоятельствами, *ni se faire valoir*⁸⁶, ты все думаешь о статейках, статейки хорошее дело, но теперь другое время, и один день во власти важнее целого тома.

Сазонов с сожалением смотрел на мою непрактичность и, наконец, нашел людей меньше скептических, уверовавших в близкое пришествие его министерства, В конце 1848 года два-три немца-рефюжье очень постоянно посещали небольшие вечера, устроенные Сазоновым у себя. В их числе был австрийский лейтенант, отличившийся как начальник штаба при Месенгаузере. Раз, выходя часа в два ночи по проливному дождю и вспомнив, что от Rue Blanche до Quartier Latin не то (550) чтоб было чересчур близко, офицер роптал на свою судьбу.

- Какая же вам неволя была в такую погоду тащиться такую даль?

- Конечно, не неволя, да знаете, Herr von Sessanoff сердится, когда не приходишь, а мне кажется, что с ним надо бояться поддерживать хорошие отношения. Вы лучше меня знаете, что он с своим талантом и умом... с тем местом, которое он занимает в своей партии, что он далеко пойдет при предстоящем перевороте в России...

- Ну, Сазонов, - сказал я ему на другой день, - архимедову точку ты нашел, есть человек, который верит в твою будущую портфель, и этот человек лейтенант такой-то.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Время шло, переворота в России не было, и послов за нами никто не присыпал.
Прошли и грозные июньские дни; Сазонов принял за "передовую статью" - не журнала, а эпохи. Долго работал он за ней, читал небольшие отрывки, поправлял, менял и едва окончил к зиме. Ему казалось необходимым "объяснить последнюю революцию России". "Не ждите, - говорил он вначале, чтобы я вам стал описывать события, другие это сделают лучше меня. Я вам передам мысль, идею совершившегося переворота". Простого труда ему было мало, сведенный на перо, он всякий раз, когда брал его, хотел сделать что-нибудь необыкновенное, громовое, - "Письмо" Чаадаева постоянно носилось в его уме. Статья поехала в Петербург, была прочтена в дружеских кругах и не сделала никакого впечатления.

Еще летом 1848 завел Сазонов международный клуб, Туда он привел всех своих Тардифов, немцев и мессианистов. С сияющим лицом ходил он в синем фраке по пустой зале. Он открыл международный клуб речью, обращенной к пяти-шести слушателям, в числе которых был я87 в роли публики, остальная кучка была на платформе в качестве бюро. Вслед за Сазоновым предстал растрепанный, с видом заспанного человека, Тардиф-де-Мело, и грязнул стихотворение в честь клуба.

Сазонов поморщился, но остановить поэта было поздно. (551)

WorceL, Sassonoff, olinski, Del Baizo, Leonard

Et vous tous...88

кричал с каким-то восторженным остервенением Тардиф-де-Мело, не замечая смеха.

На другой или третий день Сазонов мне прислал экземпляров тысячу программы открытия клуба, тем клуб и кончился. Только впоследствии мы услышали, что один из представителей человечества, - и именно, представлявший на этом конгрессе Испанию и говоривший речь, в которой называл исполнительную власть *potence executive*, воображая, что это по-французски, - чуть не попал в Англию на настоящую виселицу и был приговорен к каторжной работе за подделку какого-то акта.

За неудавшимся министерством и лопнувшим клубом следовали больше скромные, но и гораздо больше возможные попытки сделаться журналистом. Когда устроилась "La Tribune des Peuples", под главным заведованием Мицкевича, Сазонов занял одно из первых мест в редакции, написал две-три очень хорошие статьи... и замолк; а перед падением "Трибуны", то есть перед 13 июня 1849, был уже со всеми в ссоре. Все ему казалось мало, бедно, *il se sentait deroge89*, досадовал за это, ничего не оканчивал, запускал начатое и бросал в половину сделанное.

В 1849 году я предложил Прудону передать иностранную часть редакции "Voix du Peuple" Сазонову. С его знанием четырех языков, литературы, политики, истории всех европейских народов, с его знанием партий он мог из этой части журнала сделать чудо для французов. Во внутренний распорядок иностранных новостей Прудон не входил, она была в моих руках, но я из Женевы ничего не мог. сделать. Сазонов через месяц передал редакцию Хоецкому и расстался с журналом. "Я Прудона глубоко уважаю, - писал он мне в Женеву, - но двум таким личностям, как его и моя, нет места в одном журнале".

Через год Сазонов пристроился к воскрешенной тогда маццинистами "Реформе". Главной редакцией заведовал Ламенне. И тут не было места двум великим (552) людям. Сазонов поработал месяца три и бросил "Реформу". С Прудоном он, по счастью, расстался мирно, с Ламенне - в ссоре. Сазонов обвинял скрупульного старика в корыстном употреблении редакционных денег. Ламенне" вспомнив привычки клирикальной юности своей, прибегнул к *ultima ratio*90 на Западе и пустил насчет Сазонова вопрос: "Не агент ли он .русского правительства?"

В последний раз я Сазонова видел в Швейцарии в 1851 году. Он был выслан из Франции и жил в Женеве. Это было самое серое, подавляющее время, грубая реакция торжествовала везде. Поколебалась вера Сазонова во Францию и в близкую перемену министерства в Петербурге. Праздная жизнь ему надоела, мучила его, работа не спорилась, он хватался за все, без выдержки, сердился и пил. К тому же жизнь мелких тревог, вечной войны с кредиторами, добывание денег, талант их бросать и неумение распоряжаться вносили много раздражения и печальной прозы в ежедневное существование Сазонова, он и кутил уже невесело, по привычке, а кутить он некогда был мастер.

Кстати несколько слов о его домашней жизни и именно кстати потому, что она-то и сбивалась всего больше на кутеж и не была лишена колорита.

В первые годы своей парижской жизни Сазонов встретился с одной богатой вдовой, с нею он еще больше втянулся в пышную жизнь. Она уехала в Россию, оставив ему на воспитание их дочь и большие деньги. Вдова не успела доехать до Петрополя, как уже ее заменила дебелая итальянка, с голосом, перед которым еще раз пали бы стены иерихонские.

Года через два-три вдова вздумала совершенно неожиданно посетить друга и дочь. Итальянка поразила ее.

- Это что за особа? - спросила она, оглядывая ее с головы до ног.
- Нянька при Лили, и очень хорошая.
- Ну как она научит ее говорить по-французски с таким акцентом?.. Это беда. Я лучше сыщу парижанку, а ты эту отпусти.
- Mais, ma chere... (553)
- Mais, mon cher...⁹¹ - и вдова взяла дочь.

Это был не только чувствительный, но и финансовый кризис. Сазонов был далеко не беден. Сестры посыпали ему тысячу двадцать франков в год дохода с его имением, Но, тратя безумно, он и теперь не думал уменьшать свой train⁹², а бросился на займы. Занимал он направо я налево, брал у сестер из России что мог, брал у друзей и врагов, брал у ростовщиков, у дураков, у русских и не русских... Долго держался он и лавировал таким образом, но, наконец, все-таки оборвался и попал в Клиши, как я уже упомянул.

В продолжение этого времени старшая сестра его овдовела. Услышав, что он в тюрьме, обе сестры поехали его выручать. Как всегда бывает, они ничего не знали о житье-бытье Николиньки. Обе сестры были без ума от него, считали его за гения и ждали с нетерпением, когда он явится во всей силе и славе.

Их встретили разные разочарования, они их тем больше удивили, чем меньше они ожидали. На другой день утром они, взявшись с собой графа Хоткевича, приятеля Сазонова, поехали его выкупать сюрпризом. Хоткевич оставил их в карете и ушел, обещавши через минуту явиться с братом. Час шел за часом. Николинька не являлся... Верно, такие длинные формальности, думали дамы, скучая в фиакре... Прибежал, наконец, Хоткевич один, с красным лицом и сильным винным запахом. Он возвестил, что Сазонов сейчас будет, что он на прощанье с товарищами угощает их вином и закусывает с ними, что это уж так заведено. Кольнуло это немножко нежное сердце путешественниц... но... но вот и толстый, потный, плотный Николинька бросился в их объятия, - и они отправились, довольные и счастливые, домой.

Они слышали что-то... об какой-то итальянке... Пламенная дочь Италии, не устоявшая перед северным гением, и гиперборей, плененный южным голосом, огнем очей... Они, краснея и стыдясь, изъявили робкое желание с ней познакомиться. Он согласился на все и отправился домой. Дня через два сестры вздумали сделать второй сюрприз брату, который еще меньше удался первого. (554)

Часов в одиннадцать утра, в жаркий день, отправились сестры взглянуть на франческу да Римини и ее житье-бытье с Николинькой. Меньшая сестра отворила дверь и остановилась... В небольшой гостиной, покрытой коврами, сидел на полу в глубоком неглиже Сазонов и с ним - толстая signora P., едва прикрытая легкой блузой. Signora хотела во всю мочь итальянских легких... рассказу Николиньки. Возле них стояло ведро со льдом, и в нем, склоняясь набок, бутылка шампанского.

Что было дальше и как, я не знаю, но эффект был сильный и продолжительный. Меньшая сестра приезжала ко мне совещаться об этом событии, о котором она говорила со спазмами и слезами. Я ее утешал тем, что первые дни после Клиши не составляют норму,

За всем этим следовала проза переезда на меньшую квартиру... Камердинер, который мастерски подавал галстук из непрободаемой шелковой материи, в которую

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru изловчился вонзать булавку с жемчужиной, был отпущен, да и сама булавка вслед за ним явилась в окне какого-то магазина.

Так прошло еще лет пять. Сазонов возвратился в Париж из Швейцарии, потом опять уехал из Парижа в Швейцарию. Чтобы отделаться от дебелой итальянки, он изобрел самое оригинальное средство - он женился на ней, потом расстался.

Между нами пробежала кошка. Он не откровенно поступил со мной в одном деле, очень дорогом мне. Я не мог перешагнуть через это.

Между тем началась новая эпоха для России, Сазонов рвался принять участие в ней, писал статьи неудавшиеся, хотел возвратиться и не возвращался⁹³ и оставил наконец Париж. Долго об нем не было ничего слышно.

...Вдруг какой-то русский, приехавший недавно из Швейцарии в Лондон, сказал мне:

- Накануне моего отъезда из Женевы хоронили старого знакомого вашего.
- Кого это? (555)
- Сазонова, и представьте: ни одного русского не было на похоронах.

И стукнуло сердце - будто раскаяньем, что я его так надолго оставил...,

(Писано в 1863.)

II Энгельсоны

Они оба умерли. Он не старше тридцати пяти лет - она моложе его.

Он умер лет около десяти тому назад в Жерсее; за его гробом шла вдова, ребенок и коренастый, растрепанный стариk с крупными, резкими, запущенными чертами - в его лице были зря перемешаны гений и безумие, фанатизм и ирония, озлобление ветхозаветного пророка и якобинца 1793 года. Стариk этот был Пьер Леру.

Она умерла в начале 1865 года в Испании. О ее смерти я узнал несколько месяцев спустя.

Где ребенок, я не слыхал.

Человек, о котором идет речь, был мне близок, был мне дорог, он первый обтер глубокие раны, когда они были свежи, он был моим братом, моей сестрой. Она, вряд зная ли, что делает, отдала его от меня. Он стал моим врагом...

Весть о ее смерти опять вызвала их в памяти...

Я взял тетрадь, писанную мною об них в 1859 году, и вместо псалтыря прочел ее над покойниками.

Долго думал я, печатать ее или нет, и недавно решил, что да. Намерение мое чисто, рассказ истинен. Не упрек хочу я бросить в их могилу, а вместе с читателем еще и еще раз проследить по новым субъектам всю сложную, болезненную сломанность людей последнего николаевского поколения,

Chufeu Boissiere, 31 декабря 1865.

I

В конце 1850 года в Ниццу приехал один русский с женой. Мне их указали на прогулке. Оба они принадлежали к чающим движения воды; он худой, бледный, чахоточный, рыжевато-белокурый, она - быстро увяд(556)шая красота, истомленная, полуразрушенная, измученная.

Лекарь, живший у одной русской дамы, сказал мне, что белокурый господин лицеист, что он читает "Vom andern Ufer", что он был замешан в деле Петрашевского и по всему тому желает со мной познакомиться. Я отвечал, что всегда рад хорошему русскому, тем больше лицеисту, да еще участвовавшему в деле, мало мне известном, но которое для меня было маслиной, принесенной голубем в Ноев ковчег.

Прошло несколько дней, я не видел ни лекаря, ни нового русского. Вдруг, как-то часу в десятом вечера, мне подали карточку - это был он. Мы сидели с Карлом Фогтом в столовой, я велел гостя просить наверх в гостиную и прежде других пошел туда. Там я застал его, бледного, дрожащего, в каком-то лихорадочном состоянии. Он едва мог сказать свою фамилию; успокоившись немножко, он вскочил со стула, бросился ко мне, расцеловал меня и прежде чем я, в свою очередь, успел прийти в себя, он, со словами: "Так наконец-то я в самом деле вижу вас!" - поцеловал мою руку. "Что с вами? Помилуйте" - говорил я ему, но он уже плакал в это время.

Я смотрел на него с недоумением: что это - нервная распущенность или просто помешательство?

Извиняясь и осыпая меня комплиментами, он с необыкновенной быстротой и сильной мимикой рассказал мне, что я ему спас жизнь и именно вот таким образом. Пропадая с тоски в Петербурге, выключенный из лицея за какой-то вздор, гнущаясь службой, которую должен был принять, и не видя никакого выхода ни для себя лично, ни вообще, он решился отравиться и, за несколько часов до исполнения своего намерения, пошел бродить без определенной цели по улицам, зашел к Излеру и взял книжку "Отечественных записок". В ней была моя статья "По поводу одной драмы". Чтение мало-помалу захватило его внимание, ему стало легче, ему стало стыдно, что он так подчиняется горю и отчаянию, когда общие интересы растут со всех сторон и зовут все молодое, все имеющее силы, и Энгельсон вместо яда спросил полбутылки мадеры, еще раз перечитал статью и с тех пор сделался горячим поклонником моим. (557)

Он просидел до поздней ночи и ушел, прося позволенья скоро возвратиться. Сквозь его спутанную речь, перерываемую отступлениями и эпизодами, можно было видеть сильно устроенную голову, резкую диалектическую способность и еще яснее - сломанность, бросавшую его из одной крайности в другую, от негодованья, обиженного горем и удрученного печалью, до иронического гаерства, от слез до кривляния.

Он оставил меня под странным впечатлением. Сначала я ему не доверял, потом уставал от него, - он как-то слишком сильно действовал на нервы, но мало-помалу я привык к его странностям и был рад оригинальному лицу, разрушавшему монотонную скучку, наводимую гуртовым большинством западных людей.

Энгельсон бездну читал и бездну учился, был лингвист, филолог и вносил во все знакомый нам скептицизм, который так много берет за боль, оставляемую им. Встарь об нем сказали бы, что он зачитался. Через край возбужденная умственная деятельность была не по силам хилого организма. Вино, которым он побеждал усталость и возбуждал себя, раздувало его фантазию и мысли в длинные и яркие пасмы огня, быстро сожигая его большое тело.

Беспорядок и вино, всегдашая раздражительная деятельность ума, поразительная многосторонность и поразительная бесплодность, полнейшая праздность, крайность страсти и крайность апатии - несмотря на большую разницу с нашим прежним московским складом - живо напоминали мне былое. Опять услышались звуки не только родного языка, но родной мысли. Он был свидетелем петербургского террора после 1848 и знал литературные круги. Совершенно отрезанный тогда от России, я с жаждостью слушал его рассказы.

Мы стали видаться часто, потом всякий вечер.

Жена его тоже была странное существо. Ее лицо, от натуры прекрасное, было искажено невралгиями и каким-то тревожным беспокойством. Она была обруслелая норвеженка и говорила по-русски с легким акцентом, который ей шел. Вообще она была молчаливее и скрытнее его. Домашняя жизнь их шла не светло; у них было как-то нервно *unheimlich*, натянуто, чего-то недоставало (558) в их жизни, что-то было лишнее в ней, я это постоянно чувствовалось, как невидимое, грозное, электрическое в воздухе.

Часто заставал я их в большой комнате, бывшей их спальней и приемной в отеле, в совершеннейшей прострации. Ее, с заплаканными глазами, обессиленную, в одном углу; его, бледного, как мертвец, с белыми губами, растерянного, молчащего - в другом... Так сидели они иногда часы целые, дни целые, и это в нескольких шагах от синего Средиземного моря, от померанцевых рощей, куда звало все - и яхонтовое

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru небо, и яркое, шумное веселье южной жизни. Они, собственно, не ссорились, тут не было ни ревности, ли отдаленя, ни вообще уловимой причины... Он вдруг вставал, подходил к ней, становился на колени и, иногда с рыданьем, повторял: "Сгубил я тебя, мое дитя, сгубил!" И она плакала и верила, что он ее сгубил. "Когда же я, наконец, умру и оставлю его на свободе?" - говорила она мне.

Все это было для меня ново, и мне их было до того жаль, что хотелось с ними плакать и пуше всего сказать им: "да полноте, полноте, вы вовсе не так несчастны и не так дурны, вы оба славные люди, возьмемте лодку и размыкаем горе по синему морю". Я это и делал иногда, и мне удавалось их увозить от самих себя. Но за ночь пароксизм возвращался... Они как-то надразнили друг друга и стояли в таком раздражительном импasse, что пустейшее слово нарушило согласие и снова вызывало каких-то фурий со дна их сердца.

Иной раз мне казалось, что, беспрерывно растревляя свои раны, они в этой боли находят какое-то жгучее наслаждение, что это взаимное разъеданье сделалось им необходимо, как водка или пикули. Но, по несчастью, организм у обоих начал явно уставать, они быстро неслись в дом умалищенных или в могилу,

Натура ее, вовсе не бездарная, но невыработанная и в то же время испорченная, была гораздо сложнее и, в некотором смысле, гораздо выносливее и сильнее его, к тому же в ней не было ни тени единства, последовательности, той несчастной последовательности, которая у него оставалась в самых вопиющих крайностях и в самых круtyх противуречиях. В ней рядом с отчаянием, с желанием умереть, с привычкой ныть и изнывать была и жажда светских наслаждений и затаенное ко(559)кетство, любовь к нарядам и роскоши, отвергаемая как-то преднамеренно, назло себе. Она всегда была одета к лицу и со вкусом.

Ей хотелось быть женщиной свободной, по тогдашим понятиям, и огромным, оригинальным психическим несчастью, в смысле героинь Ж. Сани... но ее, как гирия, стягивала прежняя, привычная, традициональная жизнь совсем в иную сферу.

То, что составляло поэзию Энгельсона и много выкупало его недостатков, то, что ему самому служило выходом, того она не понимала. Она не могла следовать за его скачущей мыслью, за его быстрыми переходами от отчаяния к остротам и хохоту, от откровенного смеха к откровенным слезам. Она отставала, теряла связь, терялась... для нее были непонятны карикатурные профили печальных мыслей его.

Когда Энгельсон, после целого запаса каламбуров и шалостей, передразнений, больше и больше монтируясь, делал целые драматические представления, от которых нельзя было не хохотать до упаду, она уходила с озлоблением из комнаты, ее оскорбляло "неприличное поведение его при посторонних". Он обыкновенно примечал это, и так как его нельзя было ничем остановить, когда он закусывал удила, то он вдвоем дурачился и потом вальсировал к ней и спрашивал ее с горящими щеками и покрытым потом: "Ach, mein lieber Gott, Alexandra Christianovna, war es denn nicht respektabel?"⁹⁵ Она плакала вдвоем, он вдруг менялся, делался мрачен и morose⁹⁶, пил рюмку за рюмкой коньяк и уходил домой или просто засыпал на диване.

На другой день мне приходилось мирить, улаживать... и он так от души целовал ее руки и так смешно просил отпущение греха, что она сама иногда не могла удержаться и смеялась вместе с нами.

Надобно объяснить, в чем состояли эти представления, наносявшие столько печали бедной Александре Христиановне. Комический талант Энгельсона был несомненен, огромен, до такой едкости никогда не доходил Левассор, разве Грассо в лучших своих созданиях да Горбунов в некоторых рассказах. К тому же половина (560) была импровизирована, он добавлял, изменял, придерживаясь одной рамы. Если б он хотел развить в себе эту способность и привести ее в порядок, он наверное занял бы одно из первых мест в ряду злых комиков, но Энгельсон ничего не развил в себе и ничего не привел в порядок. Дикие и полные сил побеги талантов росли и глохли в неустоявшейся душе его - и от домашних тревог, отнимавших половину времени, и от хватанья за все на свете, от филологии и химии до политической экономии и философии. В этом смысле Энгельсов был чисто русский человек, несмотря на то, что отец его был финляндского происхождения.

Представлял он все на свете - чиновников и барынь, попов и квартальных, но лучшие его представления относились к Николаю, которого он глубоко, задушевно,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru действительно ненавидел. Он брал стул а La Napoleon, садился на него верхом и сурово подъезжал к выстроенному корпусу... кругом трясутся эполеты, шлемы, каски... это Николай на смотре; он сердится и, поворачивая лошадь, говорит корпусному командиру: "Скверно", корпусный с благоговением выслушивает, глядит вслед Николаю и потом, понижая голос и задыхаясь от бешенства, шепчет дивизионному генералу: "Вы, ваше превосходительство, кажется, заняты чем-то другим, а не службой, что за подлая дивизия, что за полковые командиры, я им покажу!"

дивизионный генерал краснеет, краснеет и бросается на первого попавшегося полковника, так от одного чина до другого, с неуловимо верными нюансами императорское "скверно" доходит до вахмистра, которого эскадронный командир ругает по-площадному и который, ничего не говоря, эфесом сабли тычет изо всей силы в бок флангового солдата, ничего не сделавшего.

Энгельсон представлял с поразительной верностью не только характеристику каждого чина, но все движения всадника, дергающего из бешенства свою лошадь и сердящегося на нее за то, что она не смирина стоит.

другое представление было более мирного рода. Император Николай танцует французскую кадриль. Vis-a-vis с ним инос grанный дипломат, по одну сторону фрунтоворк-генерал, по другую - сановник из штатских. Это было своего рода оконченный chef doeure. Для представления Энгельсон брал кого-нибудь из нас за даму, (561) Цвет всего был Николай - самодержавно царствующий кадриль, сознательная твердость каждого шага, доблесть каждого движения, притом прощающий и милосердый взгляд на даму, который тотчас превращается в приказ генералу и в совет не забываться сановнику, Передать это словами невозможно. Генерал, который, вытянувшись и немножко скругля локти, с натянутым вниманием идет по темпам на приступ фигуры, под строгим наблюдением государя императора, и растерянный сановник, с подкашивающимися от страха ногами, с улыбкой и почти со слезой на глазах, - все это было представлено так, что человек, никогда не видавший Николая, мог совершенно основательно узнать, в чем состояла пытка царской кадрили и опасность высочайшего vis-a-vis, я забыл сказать, что дипломат один танцевал с изученной небрежностью и с большим fini⁹⁷, скрывая то неловкое чувство беспокойства, которое ощущает самый храбрый человек с зажженной сигарой возле бочки с порохом.

Но из того, что это ломанье и кривлянье Энгельсона возмущало его жену, не следует, чтоб в ней самой было больше сплетости и гармонии; совсем напротив, у нее в голове был действительный беспорядок, разрушавший всякий строй, всякую последовательность и делавший ее неуловимой. Я на ней на первой изучил, как мало можно взять логикой в споре с женщиной, особенно когда спор в практических сферах. В Энгельсоне неустройство напоминало беспорядок после пожара, после похорон, пожалуй после преступления, а в ней - неприбранную комнату, в которой все разбросано зря - детские куклы; венчальное платье, молитвенник, роман Ж. Санд, туфли, цветы, тарелки. В ее полусознанных мыслях и полуподорванных верованиях, в притязаниях на невозможную свободу и в зависимости от привычных внешних цепей было что-то восьмилетнее, восьмнадцатилетнее, восьмидесятилетнее. Много раз говорил я это ей самой; и, странное дело, даже лицо ее преждевременно заяло, казалось старым от отсутствия части зубов и в то же время сохраняло какое-то ребяческое выражение.

Во внутреннем хаосе ее был кругом виноват Энгельсов. (562)

Его жена была избалованным ребенком своей матери, которая не чаяла в ней души; за нее посватался, когда ей было лет восемнадцать, пожилой, флегматический чиновник из шведов. В минуту досады и ребяческого каприза на мать она согласилась выйти за него. Ей хотелось сесть хозяйкой и быть своей госпожой.

Когда медовый месяц воли, визитов, нарядов прошел, новобрачной стало невыносимо скучно, муж, несмотря на то, что тщательно сохранял респектабельность, возил ее в театр и делал чайные вечера - ей опротивел, она побилась с ним года три-четыре, устала и уехала к матери. Они развелись. Мать умерла, и она осталась одна, с здоровьем, преждевременно разрушенным в борьбе с нелепым браком, с пустотой, с голодом в сердце, с праздным умом, страдающая, печальная.

В это время Энгельсон был исключен из лицея. Нервный, раздражительный, с страстью потребностью любви, с болезненным недоверием к себе, снедаемый самолюбием... Он познакомился с ней еще при жизни матери и сблизился после ее

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru смерти. Мудрено было бы, если бы он не влюбился в нее. Надолго ли, или нет, но он должен был полюбить ее сильно. К этому вело все... и то, что она была женщина без мужа, вдова и не вдова, невеста и не невеста, и то, что она томилась чем-то, была влюблена в другого и мучилась своей любовью. Этот другой был энергический молодой человек, офицер и литератор, но отчаянный игрок. Они поссорились за эту неистовую страсть к игре, - он впоследствии застрелился.

Энгельсон не отходил от нее, он утешал ее, смешил,. занимал. Это была первая и последняя любовь его. Ей хотелось учиться или, лучше, знать, не учась, он взялся быть ее ментором, - она просила книг.

Первую книгу, которую Энгельсон ей дал, была "Das Wesen des Christenthums"98 фейербаха, Себя он сделал комментатором и ежедневно из-под ног своей Элоизы, не умевшей ступить на землю от китайских башмаков старого христианского воспитания - выдергивал скамейку. на которой она кой-как могла не потерять равновесия...,

Освобождение от традиционной морали, сказал Гёте, никогда не ведет к добру без укрепившейся мысли; действительно, один разум достоин сменять религию долга. (563)

Энгельсов попробовал женщину, спавшую непробудным сном нравственной беспечности, убаюканную традициями и грэзившую все, что грезит слегка христианская, слегка романтическая, слегка моральная, патриархальная душа, воспитать сразу, по методе английских нянек, которые кричащему от боли в животе ребенку наливают в рот рюмку водки. В ее незрелые, детские понятия он бросил разъедающий фермент, с которым мужчины редко умеют справиться, с которым он сам не справился, а только понял его.

Ошеломленная ниспровержением всех нравственных понятий, всех религиозных верований и находя у самого Энгельсона одно сомнение, одно отрицанье прежнего и одну иронию, она потеряла последний компас, последний руль и пошла, как пущенная в море лодка, без кормила, вертясь и блуждая. Баланс, выработанный самой жизнью, держащийся - как в маятнике противоположными пластинками нелепостями, исключающими друг друга и держащимися на этом, - был нарушен.

Она бросилась на чтение с яростью, понимала, не понимая и примешивая к философии нянечек философию Гегеля, к экономическим понятиям чопорного хозяйства - сентиментальный социализм. При всем этом здоровье шло хуже, скука, тоска не проходили, она чахла, томилась, смертельно хотела ехать за границу и боялась каких-то преследований и врагов.

После долгой борьбы, собравши все силы, Энгельсон сказал ей:

- Вы хотите путешествовать, как вы поедете одни?.. Вам наделяют бездну неприятностей, вы потеряетесь без друга, без защитника, который имел бы право вас защищать. Вы знаете, что за вас я отдам свою жизнь..., отдайте мне вашу руку, - я вас буду беречь, покоить, сторожить... я буду ваша мать, ваш отец, ваша нянька и муж только перед законом. Я буду с вами - близко вас.

Так говорил человек моложе тридцати лет, страстно любивший. Она была тронута и приняла его мужем безусловно. Через некоторое время они уехали в чужие края.

Таково было прошедшее моих новых знакомых. Когда Энгельсон все это рассказал мне, когда он горька жаловался, что брак этот загубил их обоих, и я сам ви(564)дел, как они изнывали в каком-то нравственном угаре, который они преднамеренно вздували, я убедился, что несчастье их состоит в том, что они слишком мало знали друг друга прежде, слишком тесно приединулись теперь, слишком свели всю жизнь на личный лиризм, слишком верят, что они - муж и жена. Если бы они могли разъехаться... каждый вздохнул бы на свободе, успокоился бы, а может, и вновь расцвел бы. Время показало бы - в самом ли деле они так нужны друг для друга, во всяком случае горячка была бы прервана без катастрофы. Я не скрывал моего мнения от Энгельсона; он соглашался со мной, но все это был мираж, в сущности, у него не было силы ее оставить, у нее - броситься в море... они тайно хотели остаться при кануне этих решений, не приводя их в исполнение.

Мнение мое было слишком просто и здорово, чтобы быть верным в отношении к таким сюжетно-патологическим субъектам и к таким больным нервам.

Тип, к которому принадлежал Энгельсон, был тогда для меня довольно нов. В начале сороковых годов я видел только его зачатки. Он разился в Петербурге под конец карьеры Белинского и сложился после меня до появления Чернышевского. Это - тип петрашевцев и их друзей. Круг этот составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, болезненные и поломанные. В их числе не было ни кричащих бездарностей, ни пишущих безграмотностей, это - явления совсем другого времени, - но в них было что-то испорчено, повреждено.

Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию "Словарем иностранных слов". Наследники сильно возбужденной умственной деятельности сороковых годов, они прямо из немецкой философии шли в фалангу фурье, в последователи Конта.

Окруженные дрянными и мелкими, людьми, горды вниманием полиции и сознанием своего превосходства при самом выходе из школы, они слишком дорого оценили свой отрицательный подвиг или, лучше, свой подвиг в возможности. Отсюда - безмерное самолюбие. Не то здоровое, молодое самолюбие, идущее юноше, мечтаю(565)щему о великой будущности, идущее мужу в полной силе и в полной деятельности, не то, которое в былье времена заставляло людей совершать чудеса отваги, выносить цепи и смерть из желания славы, но, напротив, самолюбие болезненное, мешающее всякому делу огромностью притязаний, раздражительное, обидчивое, самонадеянное до дерзости и в то же время неуверенное в себе.

Между их запросом и оценкой ближних несоразмерность была велика. Общество не принимает векселей на будущее, а требует готовую работу за свое наличное признание. Труда и выдержки у них было мало, того и другого хватило только для пониманья, для усвоенья - разработанного другими. Они хотели жатвы за намерение сеять и венков за то, что у них закромы были полны. "Обидное непризнание общества" их мучило и доводило до несправедливости к другим, до отчаяния и Fratzenhaftigkeit⁹⁹.

На Энгельсоне я изучил разницу этого поколения с нашим. Впоследствии я встречал много людей - не столько талантливых, не столько развитых - но с тем же видовым болезненным надломом по всем суставам.

Страшный грех лежит на николаевском царствовании - в этом нравственном умерщвлении плода, в этом . душевредительстве детей. Дивиться надоно, как здоровые силы, сломавшись, все же уцелели. Кто не знает знаменитую инструкцию учителям кадетских корпусов? В лицее было лучше, но ненависть Николая в последнее время налегла и на него. Вся система казенного воспитания состояла в внушении религии слепого повиновения, ведущей к власти, как к своей награде. Молодые чувства, лучистые по натуре, были грубо оттесняемы внутрь, заменяемы честолюбием и ревнивым, завистливым соревнованием. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее... Вместе с жгучим самолюбием прививалась какая-то обескураженность, сознание бессилия. Усталость перед работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имея двадцати лет от роду. Они все были заражены страстью самонаблюдения, самоисследования, самообвинения, они тщательно уверяли свои психические явления и любили (566) бесконечные исповеди и рассказы о нервных событиях своей жизни. Мне впоследствии случалось часто иметь на духу не только мужчин, но и женщин, принадлежавших к той же категории. Вглядываясь с участием в их покаяния, в их психические себябичевания, доходившие до клеветы на себя, я, наконец, убедился потом, что все это - одна из. форм того же самолюбия. Стоило вместо возраженья и состраданья согласиться с кающимся, чтоб увидеть, как легко уязвляемы и как беспощадно мстительны эти Магдалины обоих полов. Вы перед ними, как христианский священник перед сильными мира сего, имеете только право торжественно отпускать грехи и молчать.

У этих нервных людей, чрезвычайно обидчивых, содрогавшихся, как мимоза, при всяком чуть неловком прикосновении, была, с своей стороны, непостижимая жесткость слова. Вообще, когда дело шло об отместке, выражения не мерились, страшный эстетический недостаток, выражавший глубокое презрение к лицу и оскорбительную снисходительность к себе. Необузданность эта идет у нас из помещичьих домов, канцелярии и казарм, но как же она уцелела, развилаась у нового поколения, перескакивая через наше? Это - психологическая задача.

В прежних студентских кружках бралились громко, спорили запальчиво и грубо, но в самой пущей брани кой-что оставалось вне битвы... Для наших нервных людей - Энгельсоновского поколения - этого заветного места не существовало, они не считали нужным себя сдерживать; для пустой и мимолетной мести, для одержания верха в споре не щадили ничего, и я часто с ужасом и удивлением видел, как они, начиная с самого Энгельсона, бросали без малейшей жалости драгоценнейшие жемчужины в едкий раствор и плакали потом. С переменой нервного тока начинаются раскаяния, вымаливание прощенья у поруганного кумира. Небрезгливые, они выливали нечистоты в тот же сосуд, из которого пили.

Раскаяния их бывали искренни, но не предупреждали повторений. Какая-то пружина, умеряющая действие колес и направляющая их, у них сломана; колеса вертятся с удесятеренной быстротой, ничего не производя, но ломая машину; гармоническое сочетание, нарушено, (567) эстетическая мера потеряна, - с ними жить нельзя, им самим с этим жить нельзя.

Счастья для них не существовало, они не умели его беречь. При малейшем поводе они давали бесчеловечный отпор и обращались грубо со всем близким. Иронией они не меньше губили и портили в жизни, чем немцы приторной сентиментальностью. Странно, люди эти жадно хотят быть любимыми, ищут наслажденья, и, когда подносят ко рту чашу, какой-то злой дух толкает их под руку, вино льется наземь, и с запальчивостью, отброшенная чаша валяется в грязи.

III

Энгельсоны вскоре уехали в Рим и Неаполь, они хотели остаться там месяцев шесть и возвратились через шесть недель. Ничего не выдавши, они таскали свою скучку по Италии, мыкали свое горе в Риме, грустили в Неаполе и, наконец, решились ехать обратно в Ниццу "к вам на лечение", - писал он мне из Генуи.

Мрачное расположение их выросло во время их отсутствия. К нервному расстройству прибавились размолвки, принимавшие все больше и больше озлобленный, желче-вой характер. Энгельсон был виноват в необузданности слов, в жестких выражениях - но вызывала их всегда она, вызывала преднамеренно, с затаенной колкостью и с особым успехом в самые добродушные минуты его, забыться он не мог ни на минуту.

Молчать Энгельсон вовсе не умел, говорить со мною облегчало его, и потому он мне рассказывал все, даже больше, чем нужно, мне было неловко; я чувствовал, что не могу быть с ними так откровенен, как они со мной. Ему говорить было легко; его на время успокоивала высказанная жалоба, - меня нет.

Раз, сидя со мной в небольшой таверне, Энгельсон сказал, что он обессиился в ежедневной борьбе, что выхода из нее нет, что снова мысль о прекращении своего существования ему представляется последним спасением... При его нервной необузданности можно было ждать, что, если, наконец; ему попадется пистолет или склянка яда, то он когда-нибудь и попробует то или другое... (568)

Мне было жаль его. И оба они были жалки. Она могла бы быть счастливой женщиной, будь она замужем за человеком светлого нрава, который умел бы ее тихо развивать, весело веселиться и в случае нужды действовать не только убеждением, но и авторитетом, - авторитетом серьезным, без иронии. Есть несовершеннолетние натуры, которые не могут себя вести сами, так, как есть лимфатические сложения, которым необходим, корсет, чтобы позвоночный столб не гнулся.

Пока я думал об этом, Энгельсон, продолжая свой рассказ, сам пришел к тому же заключению. "Женщина эта меня не любит, - говорил он, - да и не может любить; то, что она понимает во мне и ищет - скверно, а что во мне есть хорошего - для нее китайская грамота; она испорчена буржуазностью, с своим внешним Respektabilitatом, с мелким фамилизмом, мы замучим друг друга, это для меня ясно".

Мне казалось, что если мужчина может таким образом говорить о близкой женщине, то главная связь между ними разорвана. А потому я признался ему, что, давно с глубоким участием следя за их жизнью, часто задавал себе вопрос, зачем они живут вместе?

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru - у вашей жены тоска по Петербургу, по братьям, по старой нянюшке, отчего вы не устроните, чтоб она ехала домой, а вы бы остались здесь?

- Тысячу раз думал я об этом, я только этого и хочу, но, во-первых, ей не с кем ехать, а во-вторых, она в Петербурге пропадет с тоски.

- Да ведь она и здесь пропадает с тоски. Что не с кем послать - это воспоминания наших барских затей, вы можете проводить вашу жену до парохода в Штеттин, а пароход сам дорогу найдет. Если у вас нет денег, я вам дам взаймы.

- Вы правы, и я это сделаю непременно. Мне больно, мне жаль ее, все, что было во мне любви, положил я на ее голову - я в ней искал не только жены, но существа, которое я хотел развивать, воспитывать по своей фантазии, я думал, что ока будет моим ребенком, - задача была не по силам; да и кто же знал, сколько противодействий я найду, сколько упрямства? - Он помолчал и потом добавил: - Сказать вам всю мою мысль - ей надобно другого мужа... если б нашелся человек, достойный ее, которого бы она полюбила, (569) я сдал бы ее с рук на руки, и мы оба выздоровели бы - это важнее Петербурга.

Я все это принимал au pied de la lettre. Что он был искренен, в этом нет сомнения - тут-то и лежит загвоздка этих подвижных, не владеющих собой организаций, они могут, как хорошие актеры, выгрататься в разные роли и до того с ними сродниться, что картонный кинжал им кажется настоящим, и они льют истинные слезы о "Гекубе".

Мы тогда жили вместе в С.-Елен. Дни два спустя после моего разговора с Энгельсоном, Поздно вечером вошла м-те Энгельсон в гостиную, со свечой в руке и с заплаканным лицом, поставила свечу на стол и сказала, что желает поговорить со мной. Мы сели... после небольшой и неясной прелюдии о судьбе, которая ее преследует, о несчастном характере Энгельсона и ее самой, она объявила, что решилась возвратиться в Петербург и не знает, как это сделать. "Вы одни имеете на него влияние; уговорите его меня в самом деле отпустить; я знаю, что он в минуты досады на словах готов меня сейчас посадить в почтовую карету, но все это на славах. Уговорите его, спасите нас обоих и дайте слово первое время походить за ним, походить его... ему будет тяжело, он больной, нервный человек", - и она, снова рыдая, покрыла лицо платком/

В глубину горести ее я не верил, но очень хорошо понял, какого я дал маху, говоря откровенно с Энгельсоном, для меня было ясно, что он передал ей наш разговор.

Выбора мне не оставалось, я повторил свои слова, смягчивши их в форме. Она встала, поблагодарила меня и прибавила, что если она не поедет, то бросится в море, что она вечером сожгла многие бумаги и желает мне поручить какие-то другие в запечатанном пакете. Мне стало ясно, что и она вовсе не так страстно хочет ехать, а хочет, по -какому-то капризному баловству, тянуться и исходить грустью. Сверх того, я увидел, что если она колеблется без всякого решения, то он и не колеблется, а вовсе не хочет, чтоб она ехала. Она над ним имела большую власть, она знала это и, основываясь на ней, позволяла ему беситься, покрывать пеной удила, становиться на дыбы, зная, что бунтуй он, как хочешь, дело пойдет не по его воле, а по ее. (570)

Совета моего она мне никогда не прощала, она боялась моего влияния, хотя и имела явное доказательство моего бессилия.

дней десять не было речи об отъезде. Потом пошли периодические схватки. В неделю раз или два она являлась с заплаканными глазами, объявляла, что теперь все кончено, что завтра она будет собираться в Петербург или на дно морское. Энгельсон выходил из своей комнаты с зеленым лицом, с судорожным подергиванием и дрожащими руками, он исчезал часов на десять и возвращался запыленный, усталый и сильно выпивший, носил визировать пасс или брать пропуск в Геную, потом все утихало и приходило в обычновенное русло.

Наружно м-те Энгельсон со мною совершенно примирилась, но с этого времени у ней началось слагаться что-то вроде ненависти ко мне. Прежде она спорила со мной, сердилась, не скрывая... теперь она стала необыкновенно любезна. Она досадовала, что я кое-что разглядел, что я не умиллялся перед ее трагической судьбой, не принимал ее за несчастную жертву, а глядел на нее, как на капризную больную, что

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru не только не сделался платоническим соплакальщиком ее, а сомневался; не наслаждение ли вместо горести доставляют ей слезы, душераздирательные сцены, объяснения в несколько часов и проч., и проч.

Время шло, и исподволь многое изменилось. Она с быстротою, которая только встречается у нервных больных, поздоровела, сделась веселее, стала еще внимательнее к туалету, и хотя самые вздорные поводы снова приводили к прежним сценам между нею и Энгельсоном, к прощанью Сократа перед цикутой и к готовности идти по следам Сафо в пучину морскую, но в сумме дела шли лучше. Вечно полулежащая от слабости, вечно утомленная женщина выпрямилась, как Сикст V, стала полнеть, и до того, что раз бедный Коля; сидя за обедом и глядя на ее полную грудь, сказал, покачивая головой: "Sehr viel Milch!"¹⁰⁰

Видно было, что новый интерес занял ее жизнь, что что-то разбудило ее от болезненной летаргии. С тех пор как мы объяснились с ней, она начала упорную игру, обдумывая всякий ход, не хуже игроков du cafe Regent, (571) и терпеливо поправляя ошибки. Иногда она изменяла себе, делала промахи, увлекалась в ту или другую сторону, но с постоянством возвращалась к прежнему плану. План этот шел уже дальше закрепления в свою власть Энгельсона, дальше отместки мне; он состоял в том, чтобы завладеть всеми нами, всем домом и, пользуясь усиливающейся болезнью Natalie, взять в свои руки воспитанье, все жизнь, si non - non¹⁰¹, то есть в противном случае разорвать во что бы ни стало мою связь с Энгельсоном.

Но прежде чем она достигла последнего результата, игра представляла много ходов, очень трудных, тяжелых уступок, кошачьей тактики и большого выжидания многое она сделала, но не все. Бесконечная болтовня Энгельсона мешала ей столько же, сколько мои раскрытые глаза.

На лучшее могла бы она употребить эту энергию, ту силу, ту настойчивость, которую она потратила на свой хитросплетенный замысел... но личности и самолюбия пьянят и, вступая в темную игру страстей, трудно остановиться и трудно что-нибудь разглядеть. Обыкновенно свет вносится в комнату на шум уже совершившегося преступления, то есть когда, с одной стороны, неисправимая беда, с другой - угрызение совести.

IV

...О несчастьях, обрушившихся на меня в 1851 и 1852 годах, я говорю в другом месте. Энгельсон много облегчения внес в мою печальную жизнь. Мы с ним долго прожили бы возле кладбищ, но беспокойное самолюбие его жены не пощадило и траура.

Несколько недель после похорон Энгельсон, печальный, встревоженный, видимо, нехотя и, видимо, не от себя, спросил меня, не думаю ли я поручить его жене воспитание моих детей.

Я отвечал, что дети, кроме моего сына, поедут в Париж с Марьей Каспаровной и что я откровенно ему признаюсь, что его предложенья принять не могу.

Ответ мой огорчил его, огорчать его мне было больно.

- Скажите мне, положивши руку на сердце, считаете ли вы вашу жену способной воспитывать детей?. (572)

- Нет, - отвечал, в свою очередь, Энгельсон, - но... но, может, это *planche de salut*¹⁰² для нее; она все-таки страдает, как прежде, а тут ваше доверие, новый долг.

- Ну, а как опыт не удастся?

- Вы правы, не будем говорить об этом, а тяжело. Энгельсон был действительно согласен со мной и замолчал. Но она не ожидала такого простого ответа; уступить на этом вопросе я не мог, она не хотела, и, вне себя от досады, тотчас решилась увезти Энгельсона из Ниццы. Дня через три он объявил мне, что едет в Геную.

- Что с вами? - спросил я, - и за что же так скоро?

- Да что, вы видите сами, жена не ладит ни с вами, ни с вашими друзьями, я уж
Страница 65

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru решил... да оно, может, и лучше.

И через день они уехали.

А потом уехал я из Ниццы. В Генуе, проездом, мы встретились мирно. Окруженная нашими друзьями, в числе которых были Медичи, Пизакане, Козенц, Мордини, она казалась спокойнее и здоровее. Но тем не меньше она не могла пропустить ни одного случая, чтоб не кольнуть меня самым злым образом. Я отходил, молчал, это не помогало. даже когда я уехал в Лугано, она продолжала свои отравленные *petits points*¹⁰³, и это в редких приписках к письмам мужа, как будто с его "визой".

Наконец, булавочные уколы в такое время, когда я весь был задавлен болью и горем, вывели меня из терпения. Я их ничем не заслужил, ничем не вызвал. На одну из злых приписок, в которой говорилось о том, как дорого еще Энгельсон поплатится за то, что беззаботно отдается друзьям, не зная, что они для него ничего не сделают, - я написал Энгельсону, что пора положить этому предел.

"Я не понимаю, - писал я, - за что ваша жена сердится на меня? Если за то, что я не отдал ей моих детей, то вряд ли она права". Я напомнил ему наш последний разговор и прибавил: "Мы знаем, что Сатурн ел своих детей, но чтоб кто-нибудь благодарили своих друзей за их участие детским воспитанием, это неслыханно". (573)

Этой выходки она мне не простила, но, что гораздо удивительнее, и он не простил, хотя сначала не показал вовсе вида... а попрекнул меня этими словами через годы...

Я уехал в Лондон, Энгельсон поселился на зиму в Женеве, потом перебрался в Париж¹⁰⁴.

V

Пословицу: "Кто на море не бывал, тот богу не молился", можно так переделать: женщина, у которой детей не бывало, не знает бескорыстной преданности, и это особенно относится к замужним женщинам; бездетность у них развивает почти всегда грубый эгоизм, разумеется, если по дороге не спасет какой-нибудь общий интерес. Старая дева имеет какие-то поседевшие стремления,мягчающие ее, она все еще ищет и все надеется; но женщина без детей и с мужем в гавани, она благополучно приехала, сначала инстинктивно погрустила о том, что детей нет, потом успокоилась и живет в свое удовольствие, а если и оно не удается, в свое горе или в чье-нибудь неудовольствие, в чье-нибудь горе - хоть горничной. Рождение ребенка может ее спасти. Ребенок приучает мать к жертве, к подчинению воли, к страстью трате времени не на себя и отучает от всякой внешней награды, признания, спасиба. Мать с ребенком не считается, она ничего не требует от него - кроме здоровья, аппетита, сна и - и его улыбки. Ребенок, не выводя женщины из дома, превращает ее в гражданское лицо.

Совсем не то, когда бездетной женщине в дом попадется почему бы то ни было чужой ребенок, да еще по какой-нибудь необходимости. Она будет, пожалуй, наряжать его, играть с ним, но когда ей хочется; она будет баловать его, но по-своему, во всех других случаях ребенок будет напрасно стучаться в окоченелое или ожиревшее сердце. Словом, ребенок может наверное рассчитывать на все льготы и холенья, которые делают шпиду, канарейке, - но не больше.

У одного из наших близких знакомых была дочь, родившаяся от одной молодой вдовы. В видах замужества (574) матери ребенка хотели увести и украли во время отсутствия отца. После долгих розысков девочку нашли; но отец, изгнанный из Франции, не мог за ней приехать в Париж, да и к тому же не имел денег. Не зная, куда деть ее, он попросил Энгельсона взять ее на первое время. Энгельсон согласился, но очень скоро раскаялся. Девочка шалила и, вероятно, очень много, взяв в расчет ее неправильное воспитание; но все же она шалила, как пятилетний ребенок, и не с гуманным пониманием Энгельсона можно было опрокинуться на девочку за шалости. да и беда была не в том, что она шалила; она мешала, и пуще всего не ему, а ей, никогда ничего не делавшей. Энгельсон с каким-то ожесточением жаловался мне письменно на ребенка!

Между прочим, насчет ее отца Энгельсон писал мне: "Не странно ли, что Хоецкий, соглашавшийся когда-то с вами, что жена моя не способна воспитывать ваших детей,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru поручил ей свою собственную дочь?"

Энгельсон знал очень хорошо, что отец девочки не выбрал его жену воспитательницей, а был приведен материальной нуждой в необходимость прибегнуть к ее помощи. В этом замечании было столько жесткого, невеликодушного, что у меня перевернулось сердце. Я не мог привыкнуть к этому недостатку пощады, к этой смелости языка, не останавливающего ни перед чем! Глубоко язвящие намеки, которые могут в минуту раздражения прийти каждому в голову, но которые губы наши отказываются высказать, говорятся людьми, к которым принадлежал Энгельсон, с легкостью и наслаждением при малейшей размолвке.

Дав волю своему раздражению, Энгельсон в письме своем, по дороге, оборвал и Тесье и других приятелей, даже самого Поудона, которого очень уважал. Вместе с письмом Энгельсона пришло из Парижа письмо Тесье, он дружески шутил о "гневах и шалостях" Энгельсона, не подозревая, что он писал об нем. Мне была противна роль какого-то отрицательного предательства, и я написал Энгельсону, что стыдно так бранить людей, с которыми жизнь нас свела, что, несмотря на их недостатки, все же они люди хорошие, как он сам знает. В заключение я говорил, что стыдно так преувеличивать всякое дело и ахать, и охать, и приходить в отчаяние от шалостей пятилетнего, ребенка. (575)

Этого было довольно. Пламенный почитатель мой, друг, целовавший в порыве энтузиазма мою руку, приходивший ко мне делить всякую печаль и предлагавший мне кровь свою и свою жизнь, не на словах, а в самом деле... этот человек, связанный со мной своею исповедью и моими несчастьями, которых был свидетелем, гробом, за которым мы шли вместе, - все забыл. Его самолюбие было затронуто... ему надобно было отомстить, - он и отомстил. Через четыре дня я получил от него следующий ответ:

"2 февраля 1853.

Слухи носятся, что вы решились ехать сюда; здоровье Марии Каспаровны, кажется, восстанавливается (по крайней мере на прошедшей неделе она стала пободрее духом, встает с постели минут на пять, имеет аппетит); о поручении, данном вами мне к Т., имею только то сказать, что вещи, которые генерал просит его приготовить, не у Т., а оставлены им у Фогта в Женеве, что мадам Т. находит "*reue gracieux*"¹⁰⁵ ваше молчание и прибавляет, что переписка с вами не могла бы причинить им неприятностей.

Словом, до вашего приезда я мог бы и не писать вам, если б мне не пришло на ум, что молчание часто может быть принято за знак согласия. Я не хочу вводить или продержать вас в заблуждении насчет меня: я не согласен с тем, что сказано в последнем вашем письме ко мне (от 28 января).

Вот ваши слова: "Ну, скажите, стоило ли так расходиться - и биби - и младенец - и уж ай, ай, ай, и уж боже мой. Ну, подумайте, достойно ли это вас. И что нового! Вы людей знали и видели. Я становлюсь с каждым днем снисходительнее и дальше от людей".

На это отвечаю, "е вдаваясь нынешний раз в диссертацию о респектабельности вообще и даже не поздравляя вас с вашим довольством самим собою, - что, разумеется, смешон человек, который, облепленный комарами или клопами, впадает в ярость и бешенство, но что еще смешнее тот, который, страдая от нападений таких насекомых, усиливается придать себе вид равнодушия стоического". (576)

Вы, может быть, с этим не согласны, потому что вы ставите роль выше всего. Не сердитесь! Погодите! дайте договорить. В первой главе вашего "*Vom andern Ufer*", в русском и немецком текстах, следующие ваши слова:

"Человек любит эффект, ролю, особенно трагическую; страдать хорошо, благородно, предполагает несчастье; страдание отвлекает, утешает... да, да, утешает". - Как я уже в Ницце вам говорил, я сначала принял это ваше изречение за обмоловку, хотя и не хорошую. Тогда вы мне возразили, что вы не помните этих слов.

Нисколько не относя исключительно к вам эти слова, то есть не полагая, чтоб вы о людях вообще судили в этом случае по самому себе, я до сих пор думал, что это ваше изречение, как большая часть des *Reflexions de la Rochefoucauld*, на которые оно очень похоже, как мастерски однажды сделанная Белинским характеристика

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru талантливых людей нашего времени - ипербола, шутка. И потому, когда я узнал, что Х. в Швейцарии вознегодовал на генерала за его образ действия в вашем деле, я принял это его негодование не за роль, а за чувство и написал вам: "да, я вижу, Х. мне брат". - Когда Т. (при свидетеле) объявлял, что он осужден "на вечность + два года", я также поверил этому и даже пересказал это некоторым людям. Вчера мне г-жа Т. сказала, что ее муж никогда не был осужден. Ergo106, я в глазах тех, кому я пересказал его ложь, такой же благёр, как он. Это мне неприятно. Кто виноват? Разумеется, я, потому что я был "молод, легковерен"; но и они виноваты, потому что они лгали. Нет, таких благёров, как я увидел в Ницце, я ни на Руси, ни инде еще не видел. В письме моем к вам от 19 января я сказал вам, что я хочу без эскландра¹⁰⁷ удалиться от этих людей, они бо мне антипатичны. Написал же я вам это потому, что с вами я хочу играть в открытую. Но, погруженный в себя, вы не поняли этой весьма простой мысли. Иначе вы, вероятно, не дали бы мне и самого пустого поручения к Т. - Вы тоже говорили, что вы удаляетесь от людей, но вместе с тем просите их вам писать. Я не умею таким образом удаляться.

Полагая, что в серьезных делах откровенность есть необходимое условие честности, я имею еще следующее скажать вам, не теряя времени: вы пишете мне, что, отправив генерала в Австралию и дав бессрочный отпуск всем, вы останетесь при мне и при врагах и что, если б к тому же я поостоялся и меньше зависел от своих и не своих нервных тревог и капризов, то вы со мною сделали бы *un bout de chemin*¹⁰⁸. Я должен на это вам ответить, что, не чувствуя в себе ни охоты, ни таланта к ролям, и особенно трагическим, я готов, если вам угодно, служить вам моим советом, но не делом..."

Конечно, я не предполагал, что человек, который слезами, рыданием вызвал меня на трудно произносимые доверия, человек, так близко подошедший ко мне и на которого я опирался как на брата в минуты слабости и бессилья, когда боль переходила человеческую емкость, - что очевидец, свидетель всего, что было, примет мои несчастья за котурны и декорации, которыми я воспользуюсь, чтоб играть трагическую роль. Восхищаясь моей книгой, он заискывал в ней камни и откладывал их за пазуху, чтоб при случае пустить в меня. Ему мало было оборвать настоящее, он грязnil, опошлял прошедшее; разрываясь со мной, он не почтил его унылым чувством молчания, а покрыл его безжалостной бранью и ироническим шпыньянием

Больно мне было это письмо, очень больно.

Я отвечал ему грустно, сквозь затаенные слезы, я прощался с ним и просил его прекратить переписку.

Затем наступило между нами совершеннейшее молчание...

С Энгельсоном еще раз что-то оторвалось внутри, я становился еще беднее, еще разобщеннее, холод кругом, ничего близкого... иногда будто теплее протягивалась рука, какой-нибудь фанатик без понимания, не разобравший сначала, что мы не одной религии, быстро подходил и так же быстро отворачивался. Впрочем, я и сам не искал большой близости с людьми; я привыкал к встречным и проходящим, к разным анонимам, от которых ничего не требовал и которым ничего не давал, кроме сигар, вина и иногда денег. Одно спасение было в работе, я писал "былое и думы" и устроивал русскую типографию в Лондоне. (578)

VI

Прошел год. Типография была в полном ходу, ее заметили в Лондоне и боялись в России. Весною 1854 года я получил от Марии Каспаровны небольшую рукопись. Догадаться было не трудно, что ее писал Энгельсон. Я тотчас напечатал ее.

Потом пришло от него письмо, в котором он просил окончить несчастную размолвку и соединиться на общее дело. Разумеется, я ему протянул обе руки. Вместо ответа он явился сам в Лондон на несколько дней и остановился у меня. Рыдая и смеясь, просил он забвения прошлого... осыпал меня словами дружбы и снова схватил мою руку и прижал ее к своим губам. Я обнял его, глубоко тронутый и в твердой уверенности, что ссора не возобновится.

Но уже через несколько дней показались облака, мало предвещавшие хорошего. Оттенок фатализма, бонапартизма, который проглядывал в его письмах из Женевы, - вырос. Из ненависти к Николаю и хористам французской революции 1848 года он

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru переходил арте et bagage109 в враждебный стан. Мы поспорили, он был упорен. Зная, как он бросается в крайности и как быстро возвращается, я ждал отлива, но его не было.

По несчастью, Энгельсон возился тогда с удивительным проектом, в который был страстно влюблен.

Он выдумал воздушную батарею, то есть шар, начиненный горючими веществами и вместе с тем печатными воззваниями. Дело было при начале Крымской кампании. Энгельсон предлагал пускать такие шары с кораблей на балтийские берега. Проект этот мне очень не нравился; что за пропаганда с прожекторами, что за смысл нам, русским, жечь финские деревни, помогать Наполеону и Англии? К тому же Энгельсон не открыл никакого нового средства направлять воздушные шары. Я мало возражал на его план, воображая, что он сам бросит эти бредни.

Не тут-то было. Он отправился с своим проектом к Маццини, к Ворцелю. Маццини сказал, что он такого рода делами не занимается, а готов переслать через своих друзей его проект военному министру. Из министерства ответили уклончиво и без отказа проект оставили в стороне. Он просил меня собрать двух-трех военных из рефюжье и (579) предложить им вопрос о шаре. Все были против, и я еще раз говорил ему, что и я против, что наше дело, наша сила - пропаганда и пропаганда, что мы падем нравственно, становясь на одну сторону с Наполеоном, и погубим себя в глазах России, faisant cause commune¹¹⁰ с врагами ее. Энгельсон сердился, выходил из себя. Он ехал в Лондон на верное торжество, и, встретивши оппозицию даже во мне, незаметно возвращался к неприязни.

Вскоре он отправился за женой и привез ее в мае месяце в Лондон. В их отношениях сделалась совершенная перемена, она была беременна, он - в восторге от будущего ребенка. Ссоры, размолвки, объяснения - все прошло. Она с каким-то лунатическим мистицизмом и полупомешательством вертала столы и занималась спиритизмом. Духи ей предсказывали многое и между прочим скорую смерть мою. Он читал Шопенгауэра и, улыбаясь, говорил мне, что всеми силами мирволит мистическому направлению ее, что эта вера и экзальтация вносит мир и покой в ее душу.

Со мной она обошлась дружески, может, в ожидании близкой смерти, приходила ко мне с работой и заставляла меня читать главы из "Былого и думы" и новые статьи. Когда через месяц начались опять размолвки из-за бонапартизма и воздушных шаров, она являлась примирительницей, - приходила ко мне, прося пощады больному и уверяя, что всегда весной на Энгельсона находит ипохондрическое расположение, в котором он сам не знает, что делает.

Ее покойная кротость была кротость победителя, милосердие полного торжества. Энгельсон, воображавший, что он ее держит в руках вертящимися столами, упустил одно из виду, что она вертала не столько столами, но и им, и что он больше, чем столы, всегда отвечал то, что она хотела.

Одним вечером Энгельсон снова заспорил о своих шарах с одним французом, наговорил ему разных колкостей, тот отдался иронией и, разумеется, взбесил Энгельсона еще больше. Он схватил шляпу и убежал. Поутру я пошел к нему, чтоб объясняться по этому поводу.

Я его застал за письменным столом, с лицом, совершенно искаженным вчерашней злобой, с безумным выражением глаз. Он сказал мне, что француз (рефюжье, (580) которого я знал давно и знаю теперь) - шпион, что он его разоблачит, убьет, и подал мне письмо, только что написанное и адресованное какому-то доктору медицины в Париже, в письме он припутал людей, живущих в Париже, и клеветал на выходцев в Лондоне. Я осталенел.

- И вы это письмо намерены послать?
- Сейчас.
- По почте?
- По почте.
- Это - донос, - сказал я и бросил на стол его. маранье. - Если вы пошлете это письмо...

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Так что? - закричал он, перерывая меня голосом сиплым, диким, - вы хотите грозить мне, чем? Не боюсь я ни вас, ни подлых друзей ваших! - при этом он вскочил, раскрыл большой нож и, махая им, кричал, задыхаясь: - Ну, ну, покажите-ка прыть... Покажу и я вам, не угодно ли попробовать?.. милости просим!

я обернулся к его жене и, сказавши:

- Что это он у вас, совсем с ума сошел? вы бы убрали его куда-нибудь... вышел вон.

И на этот раз т-те Энгельсон явилась примирительницей. Она пришла ко мне утром, прося забыть, что было вчера. Письмо он изодрал, - был болен, печален. Она принимала все это за несчастье, за физическое расстройство, боялась, что он сильно занеможет, плакала. Я уступил ей.

Затем мы переехали в Ричмонд, и Энгельсон тоже. Рождение сына и первые месяцы хлопот об нем оживили Энгельсона; он потерял голову от радости, в минуту рождения малютки он обнял и расцеловал сначала горничную, потом старуху, хозяйку дома... Страх о здоровье маленького, новость отцовского чувства, новость самого младенца заняли Энгельсона на несколько месяцев, и все шло опять ладно.

Вдруг получаю от него большой пакет при записочке, чтобы я прочел вложенную бумагу и сказал откровенно мое мнение. Это было письмо к французскому министру военных дел. В нем он снова предлагал шары, бомбы и статьи. Я нашел все дурным, от пути, к которому он обращался, до слога, мало сохранившего достоинство, и высказал это.

Энгельсон отвечал дерзкой запиской и начал дуться.

Вслед за тем он мне дал другую рукопись для напечатания. Я не скрыл от него, что действие ее на русских будет прескверное и что я не советую печатать. Энгельсон (581) упрекнул меня в желании завести цензуру и говорил, что я, вероятно, устроил типографию исключительно для печати моих "бессмертных творений". Я напечатал рукопись, но чутье мое оправдалось, она возбудила в России общее негодование.

Все это показывало, что новый разрыв не далек. Признаюсь, на этот раз я не много об этом жалел. Перемежающаяся лихорадка с пароксизмами дружбы и ненависти, целованья рук и нравственных заушений мне надоели. Энгельсон перешел за черту, за которой не могли даже спасать ни воспоминания, ни благодарность. Я его меньше и меньше любил и хладнокровнее ждал, что будет.

Тут случилось событие, которое своей важностью покрыло на время все споры и раздоры одним чувством радости и ожиданья.

Утром 4 марта я вхожу, по обыкновению, часов в восемь в свой кабинет, развертываю "Теймс", читаю, читаю десять раз и не понимаю, не смею понять грамматический смысл слов, поставленных в заглавие телеграфической новости: "The death of the emperor of Russia"111.

Не помня себя, бросился я с "Теймсом" в. руке в столовую, я искал детей, домашних, чтоб сообщить им великую новость, и со слезами искренней радости на глазах подал им газету... Несколько лет свалилось у меня с плеч долой, я это чувствовал. Остаться дома было невозможно. Тогда в Ричмонде жил Энгельсон, я накоротко оделся и хотел идти к нему, но он предупредил меня и был уже в передней, мы бросились друг другу на шею и не могли ничего сказать, кроме слов: "Ну, наконец-то он умер!" Энгельсон, по своему обыкновению, прыгал, перцепеловал всех в доме, пел, плясал, и мы еще не успели прийти в себя, как вдруг карета остановилась у моего подъезда и кто-то неистово дернулся, колокольчик, трое поляков прискакали из Лондона в Твикнем, не дожидаясь поезда железной дороги, меня поздравить.

Я велел подать шампанского, - никто не думал о том, что все это было часов в одиннадцать утра или ранее. Потом без всякой нужды мы поехали все в Лондон. На улицах, на бирже, в трактирах только и речи было о смерти Николая, я не видел ни одного человека, который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаз че(582)ловечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru наконец, зачислен по химии.

В воскресенье дом мой был полон с утра; французские, польские рефюжье, немцы, итальянцы, даже английские знакомые приходили, уходили с сияющим лицом, день был ясный, теплый, после обеда мы вышли в сад.

На берегу Темзы играли мальчишки, я подозвал их к решетке и сказал им, что мы празднуем смерть их и нашего врага, бросил им на пиво и конфеты целую горсть мелкого серебра. "Уре! Уре! - кричали мальчишки, - Impernikel is dead! Impernikel is dead!"¹¹² Гости стали им тоже бросать сикспенсы и трипенсы, мальчишки принесли элю, пирогов, кексов, привели шарманку и принялись плясать. После этого, пока я жил в Твикинме, мальчишки всякий раз, когда встречали меня на улице, снимали шапку и кричали: "Impernikel is dead - Уре!"

Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчас написал напечатанное потом письмо к императору Александру и решился издавать "Полярную звезду".

"да здравствует разум!" - невольно сорвалось с языка в начале программы, "Полярная звезда" скрылась за тучами николаевского царствования; Николай прошел, и "Полярная звезда" явится снова в день нашей великой пятницы, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями".

...Толчок был силен, живителен, работа закипела вдвое. Я объявил, что издаю "Полярную звезду". Энгельсон принялся, наконец, за свою статью о социализме, о которой еще говорил в Италии. Можно было думать, что мы проработаем года два или больше... но раздражительное самолюбие его делало всякую работу с ним невыносимой. Жена его поддерживала в нем его опьянение собой. "Статья моего мужа, - говорила она, - будет считаться новой эпохой в истории русской мысли. Если он ничего больше не напишет, то место его в истории упрочено". Статья "Что такое государство?"¹¹³ была хороша, но успех ее не оправдал семейных ожиданий. К тому же она попалась .не вовремя. Проснувшаяся Россия требовала, именно тогда, практических советов, а не философских трактатов по Прудону и Шопенгауэру. (583)

Статья еще не была до конца напечатана, как новая ссора, иного характера, чем все предыдущие, почти окончательно прервала все сношения между нами.

Раз, сидя у него, я шутил над тем, что они послали в третий раз за доктором для маленького, у которого был насморк и легкая простуда.

- Неужели оттого, что мы бедны, - сказала м-me Энгельсон, и вся прежняя ненависть, удесятеренная, злая, вспыхнула на ее лице, - наш малютка должен умереть без медицинской помощи? И это говорите вы, социалист, друг моего мужа, отказавший ему в пятидесяти фунтах и эксплуатирующий его уроками.

Я слушал с удивлением и спросил Энгельсона, делит он это мнение или нет? Он был сконфужен, пятна выступили у него на лице, он умолял ее замолчать... она продолжала. Я встал и, перерывая ее, сказал:

- Вы больны и сами кормите, я отвечать вам не стану, но не стану и слушать... Вероятно, вам не покажется странным, что нога моя не будет больше в вашем доме.

Энгельсон, печальный и растерянный, схватил шляпу и вышел со мной на улицу.

- Не принимайте необузданые слова женщины с расстроенным нервами au pied de la lettre... - Он путался в объяснениях. - Завтра я приду давать урок, сказал он, я пожал ему руку и молча пошел домой.

...Все это требует объяснений, и притом самых тяжелых, касающихся не мнений и общих сфер, а кухни и приходо-расходных книг. Тем не меньше я сделала опыт раскрыть и эту сторону. Для патологических исследований - брезгливость, этот романтизм чистоплотности, не идет.

Энгельсоны вряд имели ли право себя включать в категорию бедных людей. Они получали из России десять тысяч франков в год, и пять он легко мог выработать - переводами, обозрениями, учебными книгами; Энгельсон занимался лингвистикой. Книгопродавец Трюбнер требовал от него лексикон русского корнесловия и грамматику; он мог давать уроки, как Пьер Леру, как Кинкель, как Эскирос. Но в качестве русского он брался за все: и за корнесловие, и за переводы, и за уроки,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru – ничего не кончал, ничем не стеснялся и не выработывал ни одной копейки.

Ни муж, ни жена не были расчетливы и не умели устроить своих дел. Постоянная лихорадка, в которой они (584) жили, не позволяла им думать о хозяйстве. Он из России уехал без определенного плана и остался в Европе без всякой цели. Он не взял никаких мер, чтоб спасти свое имение, и un beau jour¹¹⁴, испугавшись, сделал наскоро какое-то распоряжение, в силу которого ограничил свой доход на десять тысяч франков, которые получал не совсем аккуратно, но получал.

Что Энгельсон не вывернется с своими десятью тысячами, было очевидно, что он не сумеет, с другой стороны, ограничить себя, и это было ясно, – ему оставалось работать или занимать. Сначала, после приезда в Лондон, он взял у меня около сорока фунтов... через некоторое время попросил опять... я имел с ним серьезный дружеский разговор об этом и сказал ему, что готов ссудить его, но решительно больше десяти фунтов в месяц ему взаймы не дам. Нахмурился Энгельсон, однако раза два взял по десятифунтовой бумажке и вдруг написал мне, что ему нужны пятьдесят фунтов, и если я не хочу ему их дать или не верю, то просит меня занять их под залог каких-то брильянтов. Все это очень походило на шутку; если он, в самом деле, хотел заложить брильянты, то их следовало бы снести к какому-нибудь pawnbrokery¹¹⁵, а не ко мне... зная его и жалея, я написал ему, что брильянты заложу в пятьдесят фунтов, если дадут, и деньги пришлю. На другой день я послал ему чек, а брильянты, которые он непременно бы продал или заложил, спрятал, чтоб их сохранить ему. Он не обратил внимания на то, что пятьдесят фунтов были без процентов, и поверил, что я брильянты заложил.

Второй пункт, относящийся к урокам, еще проще. В Лондоне Савич давал у меня уроки русского языка и брал четыре шиллинга за час. В Ричмонде Энгельсов предложил заменить Савича. Я спросил его о цене, он ответил, что ему со мной считаться мудрено, но так как у него нет денег, то он возьмет то же, что брал Савич.

Пришедши домой, я написал Энгельсону письмо, напомнил ему, что цену за уроки он назначил сам, но что я прошу его принять за все прошлые уроки вдвое. Затем я написал ему, что заставило меня удержать его брильянты, и отоспал ему их. (585)

Он отвечал конфузно, благодарил, досадовал, а вечером пришел сам и стал ходить по-прежнему. С ней я не видался больше.

VII

С месяц спустя обедал у меня Зено Свентославский и с ним Линтон, английский республиканец. К концу обеда пришел Энгельсон. Свентославский, чистейший и добрейший человек, фанатик, сохранивший за пятьдесят лет безрассудный польский пыл и запальчивость мальчика пятнадцати лет, проповедовал о необходимости возвращаться в Россию и начать там живую и печатную пропаганду. Он брал на себя перевезти буквы и прочее.

Слушая его, я полуслыша сказал Энгельсону:

– А что, ведь нас примут за трусов, если он пойдет один (*on nous accusera de l'achete*).

Энгельсон сделал гримасу и ушел.

На другой день я ездил в Лондон и возвратился вечером; мой сын, лежавший в лихорадке, рассказал мне, и притом в большом волнении, что без меня приходил Энгельсон, что он меня страшно бранил, говорил, что он мне отомстит, что он больше не хочет выносить моего авторитета и что я ему теперь не нужен, после напечатания его статьи. Я не знал, что думать, – Саша ли бредил от лихорадки, или Энгельсон приходил мертвцки пьяный.

От Мальвиды Мейзенбуг я узнал еще больше. Она с ужасом рассказывала о его неистовствах. "Герцен, – кричал он нервным, задыхающимся голосом, – меня назвал вчера *lache*¹¹⁶ в присутствии двух посторонних". М. его перебила, говоря, что речь шла совсем не о нем, что я сказал "*on nous taxera de l'achete*"¹¹⁷, говоря об нас вообще. "Если Г. чувствует, что он делает подлости, пусть говорит о самом себе, но я ему не позволю говорить так обо мне, да еще при двух мерзавцах..."

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
На его крик прибежала моя старшая дочь, которой тогда было десять лет. Энгельсов продолжал. "Нет, конечно, довольно, я не привык к этому, я не позволю играть мною, я покажу, кто я!" - и он выхватил из кармана револьвер и продолжал кричать: "Заряжен, заряжен - я дождусь его..." (586)

М. встала и сказала ему, что она требует, чтоб он ее оставил, что она не обязана слушать его дикий бред, что она только объясняет болезнью его поведение. "Я уйду, - сказал он, - не хлопочите, но прежде хочу попросить вас отдать Герцену это письмо". Он развернул его и начал читать, письмо было ругательное.

М. отказалась от поручения, спрашивая его, почему он думает, что она должна служить посредницей в доставлении такого письма?

- Найду путь и без вас, - заметил Энгельсон и ушел; письма не присыпал, а через день написал мне записку; в ней, не упоминая ни одним словом о происшедшем, он писал, что у него открылся геморрой, что он ходить ко мне не может, а просит посыпать детей к нему.

Я сказал, что ответа не будет, и снова дипломатические сношения были прерваны... оставались военные. Энгельсон и не преминул их употребить в дело.

Из Ричмонда я осенью 1855 переехал в St. Johns Wood. Энгельсон бы." забыт на несколько месяцев.

Вдруг получаю я весной 1856 от Орсини, которого видел дни два тому назад, записку, пахнущую картелью...118

Холодно и учтиво просил он меня разъяснить ему, правда ли, что я и Саффи распространяю слух, что он австрийский шпион? Он просил меня или дать полный dementi119, или указать, от кого я слышал такую гнусную клевету.

Орсини был прав, я поступил бы так же. Может, он должен был бы иметь побольше доверия к Саффи и ко мне - но обида была велика.

Тот, кто сколько-нибудь знал характер Орсини, мог понять, что такой человек, задетый в самой святейшей святыне своей чести, не мог остановиться на полдороге. Дело могло только разрешиться совершенной чистотой нашей или чьей-нибудь смертью.

С первой минуты мне было ясно, что удар шел от Энгельсона. Он верно считал на одну сторону орсиниевского характера, но, по счастью, забыл другую - Орсини соединял с неукротимыми страстями страйное самообуздание, он середь опасностей был расчетлив, обдумывал каждый шаг и не решался сбрызгу, потому что, однажды (587) решившись, он не тратил время на критику, на перерешения, на сомнения, а исполнял. Мы видели это на улице Лепелетье. Так он поступил и теперь; он, не торопясь, хотел исследовать дело, узнать виновного и потом, если удастся,. убить его.

Вторая ошибка Энгельсона состояла в том, что он, без всякой нужды, замешал Саффи.

Дело было вот в чем: месяцев шесть до нашего разрыва с Энгельсоном я был как-то утром у м-ре Мильнер-Гибсон (жены министра), там я застал Саффи и Пианчани, они что-то говорили с ней об Орсини. Выходя, я спросил Саффи, о чем была речь. "Представьте, - отвечал он, - что г-же Мильнер-Гибсон рассказывали в Женеве, что Орсини подкуплен Австрией..."

Возвратившись в Ричмонд, я передал это Энгельсону. Мы оба были тогда недовольны Орсини. "Черт с ним совсем!" - заметил Энгельсон, и больше об этом речи не было.

Когда Орсини удивительным образом спасся из Мантуи, мы вспомнили в своем тесном кругу об обвинении, слышанном Мильнер-Гибсон. Появление самого Орсини, его рассказ, его раненая нога бесследно стерли нелепое подозрение.

Я попросил у Орсини назначить свидание. Он звал вечером на другой день. Утром я пошел к Саффи и показал ему записку Орсини. Он тотчас, как я и ждал, предложил мне идти. вместе со мною к нему. Огарев, только что приехавший в Лондон, был свидетелем этого свиданья.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Саффи рассказал разговор у Мильнер-Гибсон с той простотой и чистотой, которая составляет особенность его характера. Я дополнил остальное. Орсини подумал и потом сказал:

- Что, у Мильнер-Гибсон могу я спросить об этом?
- Без сомнения, - отвечал Саффи.
- Да, кажется, я погорячился, но, - спросил он меня, - скажите, зачем же вы говорили с посторонними, а меня не предупредили?
- Вы забываете, Орсини, время, когда это было, и то, что посторонний, с которым я говорил, был тогда не посторонний; вы лучше многих знаете, что он был для меня.
- Я никого не называл...
- Дайте кончить - что же, вы думаете, легко человеку передавать такие вещи? Если б эти слухи распростра(588)нялись, может вас и следовало бы предупредить - но кто же теперь об этом говорит? Что же касается до того, что вы никого не называли, вы очень дурно делаете; сведите меня лицом к лицу с обвинителем, тогда еще яснее будет, кто какую роль играл в этих сплетнях.

Орсини улыбнулся, встал, подошел ко мне, обнял меня, обнял Саффи - и сказал:

- Amici120, кончим это дело, простите меня, забудемте все это и давайте говорить о другом.
- Все это хорошо и требовать от меня объяснение вы были вправе, но зачем же вы не называете обвинителя? Во-первых, скрыть его нельзя... Вам сказал Энгельсон.
- Даёте вы слово, что оставите дело?

- Даю, при двух свидетелях.
- Ну, отгадали.

Это ожидаемое подтверждение все же сделало какую-то боль, - точно я еще сомневался.

- Помните обещанное, - прибавил, помолчавши, Орсини.
- Об этом не беспокойтесь. А вы вот утешьте меня да и Саффи; расскажите, как было дело, ведь главное мы знаем.

Орсини засмеялся.

- Экое любопытство! Вы Энгельсона знаете; на днях пришел он ко мне, я был в столовой (Орсини жил в boarding-house¹²¹ и обедал один). Он уже обедал, я велел подать графинчик хересу, он выпил его и тут стал жаловаться на вас, что вы его обидели, что вы перервали с ним все сношения, и после всякой болтовни спросил меня: как вы меня приняли после возвращения. Я отвечал, что вы меня приняли очень дружески, что я обедал у вас и был вечером... Энгельсон. вдруг закричал: "Вот они... знаю я этих молодцов, давно ли он и его друг и почитатель Саффи говорили, что вы австрийский агент. А вот теперь вы опять в славе, в моде - и он ваш друг!" - "Энгельсон, - заметил я ему, - вполне ли вы понимаете важность того, что вы сказали?" - "Вполне, вполне", - повторял он. "Вы готовы будете во всех случаях подтвердить ваши слова?" - "Во всех!" Когда он ушел, я взял бумагу и написал вам письмо. Вот и все. (589)

Мы вышли все на улицу. Орсини, будто догадываясь, что происходило во- мне, сказал, как бы в утешение:

- Он поврежденный.

Орсини вскоре уехал в Париж, и античная, изящная голова его скатилась окровавленная на помосте гильотины.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Первая весть об Энгельсоне была весть о его смерти в Жерсее.

Ни слова примиренья, ни слова раскаянья не долетело до меня...

(1858)

... P. S. В 1864 я получил из Неаполя странное письмо. В нем говорилось о появлении духа моей жены, о том, что она звала меня к обращению, к очищению себя религией, к тому, чтобы я оставил светские заботы...

Писавшая говорила, что все писано под диктант духа, тон письма был дружеский, теплый, восторженный.

Письмо было без подписи, я узнал почерк, оно было от м-me Энгельсон. (590)

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЗ ДНЕВНИКА Н. А. ГЕРЦЕН

1846. Окт. 25. Так много жилось и работалось, что мне, наконец, жаль стало унести все это с собою. Пусть прочтут дети, - их жизнь не даст им, может быть, столько опыта. Не знаю, долго ли это будет и что будет потом, но пока я жива более или менее, - они будут сохранены от этих опытов; хорошо ли это, - не знаю, но как-то нет сил не отдернуть свечи, когда ребенок протягивает к ней руку. Не так было со мною. С ранних лет или даже дней отданная случайности и себе, я часто изнемогала от блужданья вптымах, от безответных вопросов, от того, что не было точки под ногами, на которой бы я могла остановиться и отдохнуть, не было руки, на которую бы опереться... Мое прошедшее интересно внутренними и внешними событиями, но я расскажу его после как-нибудь, на досуге... Настоящее охватывает все существо мое, страшная разработка... до того все сдвинуто с своего места, все взломано и перепутано, что слова, имевшие ярко определенное значение целые столетия, для меня стерты и не имеют более смысла.

30-е, середа. Сегодня я ездила с Марьей Федоровной проститься к Огареву; он уезжает в свою пензенскую деревню, и, может быть, надолго... Горько расставаться с ним, он много увозит с собою. У Александра из нашего кружка не осталось никого, кроме его; я еще имею к иным слабость, но только слабость... религиозная эпоха наших отношений прошла; юношеская восторженность, фантастическая вера, уважение - все прошло! И как быстро. Шесть месяцев тому назад всем, протягивая друг другу руку, хотелось еще думать, что нет в свете людей ближе между собой; теперь даже и этого никому не хочется. Какая страшная тоска и грусть была во всех, когда создали, (591) что нет этой близости; какая пустота, - будто после похорон лучшего из друзей. И в самом деле, были похороны не одного, а всех лучших друзей. У нас остался один Огарев, у них не знаю кто. - Однако же мало-помалу силы возвращаются; проще, самобытнее становишься, будто сошел со сцены и смотришь на нее из партера; игра была откровенна, - все же было трудно, тяжело, неестественно. Разошлись по домам, теперь хочется уехать подальше,

ноябрь 1-е. да, уехать, - мы уже несколько лет собираемся в чужие край, здоровье мое расстроено, для меня необходимо это путешествие, писала просьбу к императрице пять лет тому назад - все бесполезно; Александр ездил в Петербург в прошлом месяце, хлопотал, хлопотал, Ольга Александровна Жеребцова расположена к нам как нельзя лучше, она много может, и она хлопотала; Дубельт, Орлов желали этого и не могли ничего сделать. Прежде нужно освободиться от надзора полиции, который уже продолжается одиннадцать лет. Пошла бумага об этом в Петербург, - что-то будет. Впрочем, я как-то спокойнее ожидаю теперь позвolenье и отказ. Что это - равнодушие или твердость? - но на все смотришь спокойнее, удовлетворения все меньше и меньше и требовательности меньше... Не резигнация ли это? Какое жалкое чувство; нет, лучше сердиться или страдать. Отчего же я не сержусь и не страдаю, и не сознаю резигнации - и не равнодушие это, стало - твердость. По временам я чувствую страшное развитие силы в себе, не могу себе представить несчастия, под которым бы я пала. Последний припадок слабости со мною был в июне, на даче, тогда, как разорвалась цепь дружеских отношений и каждое звено отпало само по себе. У меня поколебалась вера в Александра - не в него, а в нераздельность, в слитость наших существований, но это прошло, как болезнь, и не возвратится более. Теперь я не за многое поручусь в будущем, но поручусь за то,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru что это отношение останется цело, сколько бы ни пришлось ему выдержать толчков. Могут быть увлечения, страсть, но наша любовь во всем останется невредима.

2-е, суб. Теперь далеко О. Как хорошо ему *insFreie!*..122 Что за чудный человек; по фактам, по внешней жизни его (592) я никого не знаю нелепее; зато какая мощь мысли, твердость, внутренняя гармония, - в этом отношении он выше Александра; со мною никто в этом не согласен: все считают его слабым, распущенным до эгоизма, избалованным до сухости, до равнодушия, - никто его не понимает вполне, даже Александр не совсем, оттого что наружное слишком противоречит с внутренним. И я не могу объяснить этого, доказать, но довольно видеть его наружность, чтоб понять, что этот человек не рядовой, что натура его божественна (выражаясь прежним языком); в наше время он не мог ничего из себя сделать, и самое воспитание отняло у него много средств. Может быть, я и тут еще увлекаюсь; может быть, я не могу устоять против этого влечения; раз, просидевши со мной часа три, он сказал, что еще не соскучился, - приятнее этого комплимента я еще ни от кого не слыхала в мою жизнь, и это потому, что он сказал мне его. Любишь его бескорыстно, - как-то и не думается, чтоб он тебя любил; от других требуешь любви, уважения, требуешь покорности; отчего, почему все это так? не знаю. От иных не требуешь вовсе ничего, потому что не замечаешь их, от него - вовсе не потому. Ему не смеешь ничего пожелать, - так сильно сознание его свободы и воли.

4-е, пон. Как тяжело бывает с некоторыми из прежних близких; в беседе с ними нет более ни содержания, ни смысла. Как тяжело притворяться, и притворяться не для того, чтобы обмануть, а еще нет силы выказать, насколько мы стали далеки; мне об этом трудно говорить даже с Александром. И между тем есть полное убеждение, что мы не виноваты в том, что отошли от них далеко, что мы не можем быть близки, - некоторые благородные черты не удовлетворяют настолько; прежде это как-то натягивалось внутри себя, не отдавая себе полного отчета, - теперь это невозможно. Какая-то потребность, жажда открывать во всем истину, насколько б это ни было больно, хотя бы куски собственного тела вырывались с ложным убеждением. Видно, возраст такой пришел; оттого и разошлись мы, что они боятся всякой правды, еще им нравятся сказки и детские игрушки, а это возбуждает негодование и сожаление. Иные это делают с хитростью, желая обмануть самих себя - тут есть еще надежда, откровенное же ребячество жалко. - До такой степени для меня изменил все свое значение, что то, что прежде казалось трогательно и (593) вызывало нежное, какое-то неопределенное сочувствие, теперь возмутительно и возбуждает гнев. Например, Сатин; мне его долго было жаль, долго хотелось сохранить его, - такая любящая натура... и он все хотел заменить любовью, но полного сочувствия, сознательного согласия никогда не было. В последний мой разговор с ним до того все натянулось, что порвалось. Я молчу, сколько можно, и уж не прикрою ни одной правды, когда нужно говорить, - для меня это невозможно. Его нежность, его ласки, попечительная любовь, страдание о том, что никто не отвечает на эту любовь вполне, - все это не что иное, как слабость, недостаток содержания в самом себе и ограниченность притом. Пять лет тому назад, уезжая за границу, он оставил меня идеалом женщины, такою чистою, святою, погруженную совершенно в любовь к Александру и Саше, не имеющею никаких других интересов; возвратившись, нашел холодною, жестокою и совершенно под влиянием Александра, распространяющего теорию ложной самобытности и эгоизма. Я не пережила ничего (то есть со мною ли случилось никаких несчастий?) и потому не могу знать жизнь и понять истину, выработать же это мыслю - не свойственно женщине. Ну, тут трудно возражать. Такое понимание очень обыкновенно между людей, но пока С. не высказал его вполне, я никогда бы не поверила, что он до такой степени туп. В нем многое благородного, многое готовности на всякую услугу, - я никогда не протяну ему руки без уважения и холодно.

5-е, среда. Что это, как нелепо устроена жизнь! и вместо того, чтобы облегчить, прочистить себе как-нибудь дорогу, люди отдаются слепому произволу, идут без разбору, куда он их ведет, страдают, погибают с каким-то самоотвержением, как будто не в их воле существовать хорошо. Иные с большим трудом выработали себе внутреннюю свободу, но им нельзя проявить ее, потому что другие, оставаясь рабами в самих себе, не дают и другим воли действовать, и все это так бессмысленно, безответственно, сами, не понимая, что делают и зачем? Ну, а те, которые понимают? Им трудно отстать от предрассудков, как от верований в будущую жизнь, и они добровольно оставляют на себе цепи, загораживают ими дорогу другим и плачут о них и о себе. - Иногда в бедности есть столько жестокости, гордости, столько неумолимого, как будто в отмщение (но кому в отмщение?) за то, что другие имеют (594) больше средств, она казнит их этими средствами, не желая разделить их с ними. И это истинная казнь! Сидеть за роскошным столом, покрытым

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru драгоценными ненужностями, и не сметь предложить другому самого необходимого, - тут сделается противно все, и сам себе покажешься так жалок и ничтожен. Я всегда была довольно равнодушна к украшениям, даже к удобствам жизни; однако же иногда бывали желания иметь что-нибудь, чего нельзя было; теперь мне противно всякое излишнее удобство, так бы хотелось поделиться с тем, у кого нет и необходимого, - единственное средство без угрызения пользоваться самому богатством, а тут не смеешь предложить или получаешь отказ... Непростительная жестокость!

11-е, пон. Получили письмо от Огарева. Он пишет, что для него Ал., я и еще одно существо нигде и никем не заменимы. У меня захватило дух, когда я прочла эту фразу. Он не лжет, но не ошибается ли? Если же это правда и если это долго не изменится, - я не могу себе представить выше счастья. Такая полная симпатия... а мне и прежде казалась иная симпатия полной... и, наконец, выходило из нее полное отчуждение... Пусть, пусть это - юношеская мечта, увлечение, ребячество, глупость, - я отдаюсь всей душой этой глупости; после Алекс, никого нет, кого бы я столько любила, уважала, никого, в ком бы было столько человечественного, истинного. Он грандиозен в своей простоте и верности взгляда. Мне тяжело бы было существовать, если б он перестал существовать, и у Ал. это единственный человек, вполне симпатизирующий ему. И если все это - мечта, так уж, наверное, последняя. И то она одна в чистом поле, ничего нет, ничего нет кругом... так, кой-где былинка... Дети - это естественная близость: ей нельзя не быть; общие интересы - тоже, и это наполняет ужасно много; не прибавляя к этому ничего, можно просуществовать на свете, но я испытала больше: я отдавалась дружбе от всей души, и кто же этого не знает, что, отдавая, берешь вдвое более, - и все это исчезло, испарилось, и как грубо, как неблагородно разбудили и показали, что все это мне снилось... Разбудить надо было: горькое, реальное всегда лучше всякого бреда - это не естественная пища человеку, и рано иль поздно он пострадает от нее, - но не так бы бесчеловечно разбудить; меня оскорбляет только манера, - в ней было даже что-то пошлое, а (595) мне хотелось бы, чтоб память моего идеала осталась чиста и свята.

13. О, великая Санд! так глубоко проникнуть человеческую природу, так смело провести живую душу сквозь падения и разврат и вывести ее невредимую из этого всепожирающего пламени. Еще четыре года тому назад Боткин смешно выразился об ней, что она Христос женского рода, но в этом правды много. Что бы сделали без нее с бедной *Lucrezia Floriani*, у которой в 25 лет было четверо детей от разных отцов, которых она забыла и не хотела знать, где они?.. Слышать об ней считали бы за великий грех, а она становится перед вами, и вы готовы преклонить колена перед этой женщиной. И тут же рядом вы смотрите с сожалением на выученную добродетель короля, на его узкую, корыстолюбивую любовь. О! если б не нашлось другого пути, да падет моя дочь тысячу раз - я приму ее с такой же любовью, с таким же уважением, лишь бы осталась жива ее душа: тогда все перегорит, и все сгорит нечистое, останется одно золото.

Дочитала роман, конец неудовлетворителен.

1847-го января 10-е. Уезжаем 16-го. Опять все симпатично и тепло... всех люблю, вижу, что и они любят нас;

с большою радостью уезжаю, чувствуя, что с радостью буду возвращаться. Настоящее хорошо, отдаюсь ему. безотчетно. (596)

(ПРЕДИСЛОВИЕ К ГЛАВАМ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ, ОПУБЛИКОВАННЫМ В "ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ")

- Кто имеет право писать свои воспоминания?

- Всякий.

Потому, что никто их не обязан читать.

Для того, чтобы писать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, - для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказать.

Всякая жизнь интересна; не личность - так среда, страна занимают, жизнь занимает. Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению... Он сравнивает,

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru он сверяет, он ищет себе подтверждений, сочувствия, оправдания...

- Но могут же записки быть скучны, описанная жизнь бесцветна, пошла?
- Так не будем их читать - хуже наказания для книги нет.

Сверх того, этому горю не пособит никакое право на писание мемуаров. Записки Бенвенуто Челлини совсем не потому занимательны, что он был отличный золотых дел мастер, а потому, что они сами по себе занимательны любой повестью.

Дело в том, что слово "иметь право" на такую или другую речь принадлежит не нашему времени, а времени умственного несовершеннолетия, поэтов-лауреатов, докторских шапок, цеховых ученых, патентованных философов, метафизиков по диплому и других фарисеев христианского мира. Тогда акт писания считался каким-то (597) священномудрением, писавший для публики говорил свысока, неестественно, отборными словами, он "проповедовал" или "пел".

А мы просто говорим. Для нас писать - такое же светское занятие, такая же работа или рассеяние, как и все остальные. В этом отношении трудно оспаривать "право на работу". Найдет ли труд признание, одобрение, - это совсем иное дело.

Год тому назад я напечатал по-русски одну часть моих записок под заглавием "Тюрьма и ссылка", напечатал я ее в Лондоне во время начавшейся войны; я не рассчитывал ни на читателей, ни на внимание вне России. Успех этой книги превзошел все ожидания: "Revue des Deux Mondes", этот целомудреннейший и чопорнейший журнал, поместил полноги во французском переводе. Умный ученый "The Athenaeum" дал отрывки по-английски, на немецком вышла вся книга, на английском она издается.

Вот почему я решился печатать отрывки из других частей.

В другом месте скажу я, какое огромное значение для меня лично имеют мои записки и с какою целью я их начал писать. Я ограничусь теперь одним общим замечанием, что у нас особенно полезно печатание современных записок. Благодаря цензуре мы не привыкли к публичности, всякая гласность нас пугает, останавливает, удивляет. В Англии каждый человек, появляющийся на какой-нибудь общественной сцене разносчиком писем или хранителем печати, подлежит тому же разбору, тем же свисткам и рукоплесканиям, как актер последнего театра где-нибудь в Ислингтоне или Падингтоне. Ни королева, ни ее муж не исключены. Это - великая узда!

Пусть же и наши императорские актеры тайной и явной полиции, так хорошо защищенные от гласности цензурой и отеческими наказаниями, знают, что рано или поздно дела их выйдут на белый свет.

МЕЖДУ ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ЧАСТЬЮ

два первые тома "Былого и дум" составляют такой "отрезанный ломоть", что мне пришло в голову между ними и следующими частями поставить небольшую кладовую для старого добра, с которым по ту сторону берега (598) нечего делать; она может служить вроде pieces Justificatives¹²³ или обвинительных актов.

Общих статей, вроде "Писем об изучении природы", "Дилетантизма в науке" и прочего, разумеется, в этой книге нет¹²⁴, нет также и повестей. Я выбрал только те статьи, которые имеют какое-нибудь отношение к двум вышедшим томам "Былого и дум". Тут на первом плане "Записки одного молодого человека"; как чертежи сравнительной анатомии или лафатеровские профили, они показывают наглядно изменения, вносимые в физиономию мысли и слова двадцатью такими годами; которые я прожил между записками молодого человека, набросанными в 1838 во Владимире-на-Клязьме, и думами пожилого человека, помеченными в Лондоне на Темзе.

досадно, что у меня нет цензурных пропусков¹²⁵, и всего досаднее, что нет целой тетради между первым, напечатанным в "Отечественных записках", отрывком и вторым. Я помню, что в ней был наш университетский курс и что тетрадь оканчивалась соборной поездкой нашей в Архангельское князя Юсупова, описанием обеда и пира возле оранжереи, который продолжался еще дни два возле Пресненских прудов.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Затем я поместил несколько полемических статей, по всей их правде и кривде, в
костюме сороковых годов и во всей тогдашней односторонности.

Много воды утекло с тех пор, как мы боролись с православной покорой
славянофильской, и быстро текла вода с 1848... Все сдвинула она, все подмыла...
многое совсем снесла. Наша религия независимости не так исключительна и ревнива,
как была, и недавно еще нам казалось издали, что великороссийская любовь к
отечеству перестала быть ненавистью к другим...

25 января 1862 г. Orsett House, Westbourne terrace.

Примечания к частям 4 и 5.

"БЫЛОЕ И ДУМЫ"

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Главы четвертой части впервые опубликованы в "Полярной звезде" на 1855 год (кн. I) и 1858 год (кн. IV), отдельные отрывки - в "Полярной звезде" на 1861 год (кн. VI) и 1862 год (кн. VII, вып. I). Главы "Н. Х. Кетчер" и "Эпизод из 1844 года" (написаны в 1856 - 1857 гг.) при жизни Герцена напечатаны не были. На рукописи главы "Н. Х. Кетчер" помета автора: "Былое и думы". К II части. Глава *** Н. Х. Кетчер (1842 - 1847)". Перечитывая в 1865 - 1866 годах главу и написав заключительные строки ее, "Эпилог", Герцен сделал на автографе наклейку, на которой надписал: "Н. Х. Кетчер. Базиль и Арман. 1856 - 1866. Ничего, для печати". Впервые главы опубликованы в "Сборнике посмертных статей А. И. Герцена", Женева, 1870 (2-е изд. - 1874 г.).

Глава XXV

Стр. 3. ...звон бубенчиков, напоминавший нам то 3 марта 1838, то нашу поездку 9 мая. - 3 марта 1838 года во время тайного посещения Герценом Москвы произошла его первая, после ссылки, встреча с Натальей Александровной; 9 мая 1838 года - день их приезда во Владимир и венчания.

"...жизни май цветет один раз и не больше" - из стихотворения Шиллера "Resignation".

Стр. 4. Ему был разрешен въезд в Москву за несколько месяцев прежде меня. - На прошение Н. П. Огарева о его переводе из Пензы в Москву для службы в сенате разрешение Николая I последовало 11 мая 1839 года. С Герцена полицейский надзор был снят 16 июля 1839 года. (603)

...слова Дон Карлоса, повторившего, в свою очередь, слова Юлия Цезаря: "Двадцать три, года, и ничего не сделано для бессмертия!" - По преданию, так воскликнул Юлий Цезарь, сопоставляя себя с Александром Македонским, который уже в молодости прославился своими подвигами (см. Плутарх, "Юлий Цезарь", 11). В драме Шиллера "дон Карлос" эти слова произносит Карлос, обращаясь к отцу (действ. II, явл. 2).

Стр. 5. ...ок женился. - Н. П. Огарев женился в 1836 году на М. Л. Рославлевой. Рассказ о М. Л. Огаревой был введен Герценом в текст главы в 1861 году при подготовке к печати отдельного издания "Былого и дум".

Стр. 10. ...двоем из старых друзей. - Речь идет, видимо, о Н. Х. Кетчере и И. М. Сатине.

Стр. 11. ...на этой Магабарате философии. - Сопоставляя философию Шеллинга с "Махабхаратой" - "древнеиндийской эпической поэмой, отличающейся сложностью композиции и причудливой фантастикой", - Герцен подчеркивает черты иррационализма, мистицизма, противоречивости в философском учении Шеллинга.

...когда я приехал в Москву, он еще был в Берлине. - Герцен вернулся в Москву из ссылки, после снятия с него полицейского надзора, 23 августа 1839 года. Т. И. Грановский к этому времени уже уехал из Германии и в последних числах августа также прибыл в Москву.

...Станкевич потухал на берегах Logo di Como. - Последний і од жизни Н. В. Станкевич путешествовал по Германии, Швейцарии; Италии и умер, направляясь к

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru озеру Комо, по пути из Флоренции в Милан в городке Нови 24 июня 1840 года.

Стр. 12. ...Арнольд Руге, которого Гейне так удивительно хорошо назвал "привратником Гегелевской философии". - В предисловии ко второму изданию (1852) работы Гейне "Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland" ("К истории религии и философии в Германии") А. Руге назван "привратником Гегелевской школы" ("Der Turhuter der Hegelschen Schule"). Эту же характеристику Руге Гейне повторил затем в своих "Bekenntnisse" ("Признания"), опубликованных первоначально в 1854 году во французском журнале "Revue des Deux Mondes"" (выпуск от 15 сентября).

...в Москве между Марсейкой и Моховой. - Дом Боткиных на Марсейке (теперь - дом № 4 по Петроверигскому пер.) служил местом частых встреч друзей Герцена. У В. П. Боткина в разное время жили В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин. На Моховой улице - Московский университет.

Стр. 13. "...жизни мышья беготня" - цитата из стихотворения А. С. Пушкина "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы". (604)

Стр. 14. ...смеялся Гёте в своем разговоре Мефистофеля с студентом. Имеется в виду четвертая сцена первой части трагедии "фауст".

Стр. 15. ...Гегель... спас под полой свою "Феноменологию", когда Наполеон входил в город. - Находясь в Иене, Гегель в 1806 году окончил написание "Феноменологии духа". Когда наполеоновские войска после победы под Иеной 14 октября 1806 года занимали город, Гегель положил рукопись в карман и пошел искать пристанища у Габлера. Этот эпизод стал известен Герцену, как это явствует из его записи в дневнике от 30 августа 1844 года, из книги К. Розенкранца "Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben..." (глава "Die Ienenser Katastrophe Herbst, 1806"), изданной в Берлине в 1844 году.

...вроде статьи о "палаче и смертной казни", напечатанной в Розенкранцевой биографии. - Имеется в виду заметка Гегеля "Offentliche Todesstrafe", напечатанная в числе других исторических этюдов Гегеля в книге К. Розенкранца "Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben...". В своих дневниковых записях от 30 августа и 3 сентября 1844 года, а также в пятом письме "Писем об изучении природы" Герцен критически отзывается о книге Розенкранца, однако подчеркивает ценность опубликованных в ней документальных материалов из рукописей Гегеля. С заметкой Гегеля Герцен познакомился по первой ее публикации в альманахе "Literarhistori-sches Taschenbuch..." (см. запись Герцена в дневнике от 29 ноября 1842 года).

Стр. 16. ...прочел мне "Бородинскую годовщину" Пушкина. - Разговор с В. Г. Белинским происходил осенью 1839 года. Увлеченный ложной идеей о необходимости примирения с монархической властью, Белинский действительно в то время положительно отзывался о так называемых "патриотических стихотворениях" Пушкина ("Бородинская годовщина", "Клеветникам России") и нередко читал их наизусть в дружеском кругу (см. письмо Белинского к Н. В. Станкевичу от 29 сентября - 8 октября 1839 года, а также книгу: И. И. Панаев, Литературные воспоминания, 1950, стр. 186, 231 - 232). Герцен и Огарев, напротив, неоднократно высказывались о тех же стихотворениях Пушкина неодобрительно (например, в "Былом и думах", гл. XXX, гл. "В. И. Кельсиев", в статье "1831 1863"; также в стихотворении Огарева "Стансы Пушкина", его предисловие к сб. "Русская потаенная литература XIX столетия", Лондон, 1861).

Белинский... уехал в Петербург и оттуда дал по нас последний яростный залп в статье, которую так и назвал "Бородинской годовщиной". - Белинский уехал в Петербург из Москвы в конце (605) октября 1839 года. Откликом на теоретические споры с Герценом явился ряд статей Белинского: упоминаемая Герценом "Бородинская годовщина" ("Отечественные записки", 1839, № 10), "Очерки Бородинского сражения" ("Отечественные записки", 1839, № 12) и "Менцель, критик Гёте" ("Отечественные записки", 1840, № 1).

Стр. 17. ...берлинским Михелетом в его книге. - Имеется в виду книга: С. Michelet, "Vorlesungen über die Persönlichkeit Gottes und Unsterblichkeit der Seele..." ("Лекции о личности бога и бессмертии души"), изданная в Берлине в 1841 году.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 18. ...познакомился я с одним генералом. - В. И. Филипповичем. Знакомство
произошло во второй половине 1841 года, когда Филиппович служил в корпусе
флотских штурманов морского министерства в чине полковника; в генерал-майоры он
был произведен в начале 1842 года.

"Мара" - французский скульптор и сектант Ганно (Ganneau), снискавший в 40-х
годах XIX века шумную известность своим "учением" о полном равенстве полов;
образовал свое имя (Марах) путем соединения двух начальных слогов латинского
родового имени матери и отца - "mater" и "pater".

Л. Д. - Лариса Дмитриевна Филиппович.

Стр. 19. Девочка, увлеченная страстями, исчезла, - и перед вами Теруань де
Мерикур... потрясающая народные массы. - Теруань де Мерикур, изменив с первых
дней революции прежний праздный и легкомысленный образ жизни, завоевала
популярность в народе своим участием во взятии Бастилии 14 июля 1789 года, в
походе в Версаль ко дворцу Людовика XVI 6 октября 1789 года, а также
зажигающими речами в 1792 - 1793 годах.

...княгиня Дашкова восемнадцати лет, верхом, с саблей в руках среди крамольной
толпы солдат. - Об участии Е. Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 года,
приведшем на трон Екатерину II, Герцен узнал из английского издания "Записок"
Дашковой (Лондон, 1840) и рассказал об этом эпизоде также в статье "Княгиня
Екатерина Романовна Дашкова".

Стр. 20. ...отрывки из Бурдаховой физиологии, - Имеется в виду сочинение К.
Бурдаха "Die Physiologic als Erfahrungswissenschaft", Leipzig, 1826 - 1840
("Физиология как опытная наука").

Месяца два-три спустя проезжал по Новгороду Огарев, - Н. П. Огарев был в
Новгороде с 31 мая по 10 июня 1842 года, но возможно, и ранее - в январе месяце.

Стр. 21. ...мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в
мифы! - По преданию, рабом Ксанфа являлся некоторое время древнегреческий
баснописец Эзоп, родившийся невольником, который в своих притчах факты реальной
(606) жизни выражал в завуалированной, иносказательно-аллегорической форме.

...я начал тогда ряд моих статей о "дилетантизме в науке". - Над статьями,
составляющими цикл "Дилетантизм в науке", Герцен работал в 1842 - 1843 годах.

Через несколько месяцев после его отъезда в Петербург в 1840 году приехали и мы
туда. - В. Г. Белинский уехал в Петербург из Москвы в конце октября 1839 года;
Герцен с семьей переехал туда в мае 1840 года.

Наша встреча. - Герцен встретился с В. Г. Белинским в Петербурге в период своего
кратковременного пребывания в столице в декабре 1839 года, когда "переходная
болезнь" Белинского была еще в разгаре и примирение с ним было невозможно.
Описываемая далее Герценом его встреча с Белинским, положившая конец их
временному отчуждению, произошла несколькими месяцами позже - после переезда
Герцена в Петербург в мае 1840 года.

...у одного знакомого - А. А. Краевского.

Стр. 22. ...после мрачной статьи Чаадаева. - Имеется в виду напечатанное в
журнале "Телескоп" (1836, т. XXXIV, № 15) "Философическое письмо" П. Я.
Чаадаева.

Ему достаточен стих: "Родные люди вот какие" в Онегине. - Герцен имеет в виду
статью В. Г. Белинского "Сочинения Александра Пушкина" (статья восьмая, в
которой цитирована XX строфа четвертой главы "Евгения Онегина").

Стр. 23. ...в другой книге. - Герцен имеет в виду свою работу "О развитии
революционных идей в России".

К. - Кого именно имеет в виду здесь Герцен, установить не удалось; возможно - И.
Х. Кетчера.

А. К. - по всей вероятности, А. А. Краевский.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 25. ...с двухлетним ребенком. - Речь идет о сыне Герцена - Саше, родившемся в 1839 году.

...к одному литератору - И. И. Панаеву.

Стр. 26. ...магистр нашего университета, недавно приехавший из Берлина Я. М. Неверов, вернувшийся в Россию из Берлина в конце 1840 года.

Стр. 28. Весть о февральской революции еще застала его в живых. - Имеется в виду революция 1848 года во Франции, начавшаяся 22 февраля. В. Г. Белинский умер 26 мая 1848 года.

...приездом Огарева. - Н. П. Огарев, покинув навсегда Россию, приехал в Лондон к Герцену 9 апреля 1856 года.

...двумя книгами: анненковской биографией Станкевича и. первыми частями сочинений Белинского. - С книгой "Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная (607) П. В. Анненковым", вышедшей в Москве в 1857 году, Герцен ознакомился несколько позже, видимо, в 1861 году. В письме к И. С. Тургеневу от 1 марта 1861 года он замечает: "Не постигаю, каким образом я в свое время не прочитал Анненкова книгу "О Станкевиче". Это - чрезвычайно важная публикация. Так и пахнет чистым родным воздухом от этой кучки людей благородных, идеалистов". Под "сочинениями Белинского" Герцен имеет в виду издание: "Сочинения В. Белинского", чч. 1 - 12, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М., 1859 - 1862. Первые четыре части "Сочинений" вышли в свет в 1859 году.

Стр. 30. Разрыв Североамериканских штатов с Англией мог развернуть войну. Имеется в виду освободительное движение в Северной Америке, закончившееся войной 1775 - 1783 годов.

...и в греческой "Ифигении" и в восточном "Диване". - Имеется в виду трагедия Гёте "Iphigenie af Tauris" ("Ифигения в Тавриде") и цикл его стихотворений "West-Ostlicher Divan" ("Западно-восточный диван").

Стр. 33. В 1834 году был сослан весь кружок Сунгуррова, - и исчез. Приговор генерал-аудиториата (военного суда) над "сунгурровцами" состоялся в 1832 году, конфирмация приговора царем - в феврале 1833 года. Н. П. Сунгурев и его брат Ф. П. Гуров были присуждены к ссылке в Сибирь на каторжные работы, другие члены кружка - рядовыми в армию, к заключению в крепость и т. д. О судьбе Сунгуррова Герцен рассказал в гл. VI "Былого и дум".

Стр. 38. В. Гюго, прочитав "Былое и думы" в переводе Делав, писал мне письмо в защиту французских юношей времен Реставрации. - В начале 1860 года в Париже вышла в переводе Делаво первая часть "Былого и дум" под заголовком: "Le Monde russe et la Revolution. Memoires de A. Hertzen, 1812 - 1835", Paris, 1860 ("Русский мир и революция, мемуары А. Герцена..."). Эта книга была послана Герценом Гюго, который в ответном письме от 15 июля 1860 года, благодаря за присылку, писал между прочим Герцену: "Я только сожалею, что в этой прекрасной и хорошей книге есть одна страница (218): более, чем кто-либо другой, вы достойны были дать правильную оценку поколению 1830 г. ...За исключением этой страницы, повторяю, я аплодирую вашей книге с начала до конца" (см. А. И. Герцен, Поли. собр. соч., изд. Лемке, т. XIV, стр. 796). Место, вызвавшее возражение Гюго, - из седьмой главы первой части "Былого и дум" (см. том I наст. изд., стр. 160 - 161).

Стр. 39. ..."Les memoires dun enfant du siecle". - Имеется о виду роман А. Мицесе "Исповедь сына века". (608)

Глава XXVI

Стр. 39. ...в конце лета 1840 года. - Герцен вместе с семьей выехал из Москвы в Петербург 10 мая 1840 года.

...я был в Петербурге две-три недели в декабре 1839. - Герцен прибыл в Петербург 14 декабря 1839 года, а 24 декабря выехал обратно в Москву.

Стр. 40. "Чернея сквозь ночной туман" - строфа из поэмы Н. П. Огарева "Юмор" (ч. Страница 82

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru II, гл. III).

.. прерванного двадцать первого января 1725, - Герцен подразумевает дату смерти Петра I, допуская при этом неточность Петр I умер не 21, а 28 января 1725 года (о случайности этой ошибки свидетельствует, например, юношеская статья Герцена, озаглавленная как раз по действительной дате смерти Петра, "двадцать осьмое января").

... нашел у себя одного родственника. - Речь идет о С. Л. Левицком, двоюродном брате Герцена.

Стр. 44. ...гернгутер .. с острова Даго. - Член религиозной секты гернгутеров, или богемских братьев, фон Поль был уроженцем Эстляндии, в состав которой входил остров Даго (Нюоммаа).

Стр. 46. ... слышали вы, что у Синего моста будочник убил и ограбил ночью человека? - Об этом событии Герцен сообщал в письме к отцу в ноябре 1840 года; письмо попало в руки жандармов; в настоящее время неизвестно.

Стр. 53. ... ог князя Александра Ивановича. - А. И. Чернышев был "в то время военным министром".

Стр. 54. ... лукавая морда Рейнеке Фукса. - Рейнеке Лис (Reineke Fuchs) изворотливый и коварный хищник, главный персонаж старофранцузского эпоса, известная литературная обработка которого принадлежит Гёте.

... на том пароходе... искал в измене своей религии заступничества католической церкви с ее всепрощающими индульгенциями - Бенкендорф умер внезапно в сентябре 1844 года, возвращаясь из-за границы в Петербург на пароходе "Геркулес". Незадолго до смерти он принял католичество.

Стр. 55. ... вы снова отправитесь под надзор полиции. - В период новгородской ссылки полицейский надзор за Герценом установлен не был.

Стр. 62. ... хотелось бы, чтоб их письма и "Записки" были известны у нас. Герцен осуществил свое намерение познакомить русского читателя с "Записками" Дашковой и сестер Вильмот и вскоре напечатал в "Полярной звезде" на 1857 год (кн. III) свою статью "Княгиня Екатерина Романовна Дашкова", содержавшую (609) пространное изложение ее "Записок" и их оценку. Воспоминания М. Вильмот-Бредфорд и письма ее старшей сестры К. Вильмот были напечатаны в виде дополнения к "Запискам" Дашковой. Ранее отрывки из "Записок" Дашковой на русском языке были опубликованы в "Москвитянине" (1842, № 1, 2, перевод Калайдовича) и в "Современнике" (1845, № 1, перевод Грота).

Стр. 63. ... как говорит miss Willmot - в письме Кэтрин Вильмот от 18 февраля 1806 года, напечатанного в приложении к "Запискам" Е. Р. Дашковой.

Стр. 65. ... князю Петру Михайловичу - П. М. Волконскому, министру императорского двора при Николае I.

Стр. 67. ... дело Сперанского - М. М. Сперанский в 1812 году по распоряжению Александра I был внезапно отстранен от государственной службы, арестован и 17 марта 1812 года выслан в Н.-Новгород.

Стр. 67. ... в начале июня я получил сенатский указ. - Советником новгородского губернского правления Герцен назначался указом сената от 24 мая 1841 года.

Глава XXVII

Стр. 69. ... часть имения и тот капитал, который отец мой отделил мне. - И. А. Яковлев в 1841 году отдал Герцену деревню Лепехино в Чухломском уезде Костромской губернии, а также капитал в сумме 200000 рублей.

Стр. 70. ... какой-то немец, раз десять ругавший меня в "Morning Advertiser". - В газете "The Morning Advertiser" 29 ноября 1855 года была помещена заметка за подписью "One who had been deceived" ("Один из обманутых"), автор которой клеветал на Герцена, придавшись к заголовку английского издания его "Тюрьмы и ссылки", вышедшей в октябре 1855 года под названием, произвольно данном

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru издателями, - "My Exile in Siberia" ("Моя ссылка в Сибирь"). На следующий день в "The Morning Advertiser" было опубликовано разъяснение Герцена, который еще ранее, 25 октября 1855 года, поместил в газете "The Globe" свой протест против произвола издателей. 6 декабря того же года в "The Morning Advertiser" была напечатана вторая клеветническая заметка того же автора; в том же номере газеты другой анонимный корреспондент с возмущением писал о нападках на Герцена. На этом редакция закончила полемику о книге Герцена.

Стр. 71. Помня знаменитое изречение Талейрана, я не старался особенно блеснуть усердием, - Талейрану приписываются слова, с (610) которыми он обратился к дипломатам, служившим в министерстве иностранных дел, считая, что чем меньше проявят они рвения к работе, тем меньше принесут вреда: "Surtout, messieurs, pas de zeie!" ("Главное, господа, не усердствуйте!").

Стр. 72. ...рыцарственный Павел. - Павел I в 1798 году принял титул великого магистра мальтийского рыцарского ордена.

Стр. 73. ...одного морского офицера - Ф. Ф. Струговщика, который был артиллерийским поручиком в отставке.

Стр. 76. "Пеночкины" - по фамилии помещика-крепостника из рассказа И. С. Тургенева "Бурмистр".

Стр. 76 - 77. Я в другом месте рассказал о человеке, засеченном князем Трубецким, и о камергере Базилевском, высеченном своими людьми. - Обе истории рассказаны Герценом в статье "Russian Serfdom" ("Русское крепостничество"), глава третья; рассказ о камергере Базилевском в сокращенном изложении Герцен привел позднее в очерке "Крещеная собственность" (1853).

Стр. 77. ...в Старой Руссе солдаты военных поселений избили всех русских немцев и немецких русских. - Речь идет о восстании военных поселенцев Новгородской губернии, начавшемся в июле 1831 года в Старой Руссе и охватившем двенадцать полков и затем жестоко подавленном; в ходе восстания были убиты многие офицеры и чиновники, особенно ненавистные народу.

...Аракчеев положил, кажется, 100000 рублей. - в 1833 году Аракчеев внес в государственный банк пятьдесят тысяч рублей для выдачи их с процентами в столетнюю годовщину смерти Александра I в качестве награды будущему автору лучшей книги о нем; часть суммы должна была быть использована на ее издание.

...фухтельное бесчеловечье - наказание фухтелями, то есть ударом сабли плашмя.

Стр. 78. "Холоп венчанного солдата..." - из эпиграммы Пушкина "На Стурдзу", распространявшейся в списках в качестве сатиры на Аракчеева, в адрес которого направляет ее здесь и Герцен. Публикуя главу в "Полярной звезде" на 1855 год, Герцен впервые воспроизвождал печатно строку пушкинской эпиграммы.

...об этом говорит граф Толь в своих "Записках". - Имеется в виду жизнеописание К. Ф. Толя, составленное Т. Берягарди: "Denkwurdigkeiten des kaiserlich russischen Generals der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll...", тт. 1 - 4, Leipzig, 1856 - 1858. Упоминая об этом издании в заметке "Западные книги" ("Колокол", л. 6, от 1 декабря 1857 г.), Герцен останавливается на характеристике Аракчеева, данной в книге.

...стас-секретарь Марченко в небольшом рассказе о 14 декабря, помещенном в "Полярной звезде". - Рассказ В. Р. Марченко был (611) помещен в первой книжке "Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне" (Лондон, 1859) под заглавием: "Записки стас-секретаря, тайного советника Марченко о событиях, совершившихся при восшествии на престол императора Николая I". Упоминаемое Герценом место находится на стр. 70 - 71 "Исторического сборника...".

Стр. 78. ...убили любовницу графа. - А. Ф. Минкина была убита 10 сентября 1825 года.

Стр. 79. Клейнмихель, служивший при Аракчееве, участвовал в этом следствии. - П. А. Клейнмихель, бывший тогда начальником штаба отдельного корпуса военных поселений, был отправлен Александром I из Таганрога для строгого надзора за следствием.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Исправник был арестован и подал в отставку; душевно жалею, что не знаю его фамилии. - Новгородским земским исправником был в то время штабс-капитан Василий Лялин. Предостерегаемый заседателем новгородской уголовной палаты А. Ф. Мусиным-Пушкиным, он не решился подвергнуть наказанию тридцатилетнюю беременную крестьянку Дарью Константинову, дворовую Аракчеева, приговоренную по делу об убийстве А. Минкиной к кнуту. Вследствие столь необычного заступничества заподозренные чуть ли не в соучастии к делу, оба чиновника были отстранены от службы и заключены под стражу; позже, по решению сената, признаны невиновными (см. "убийство любовницы графа Аракчеева Настасьи Шумской", "Русская старина", 1871, т. IV, сентябрь, стр. 277 - 278).

Стр. 80. Женщину пытали, она ничего не знала о деле... однако же умерла. Дарья Константинова была хорошо осведомлена о подготовлявшемся убийстве и подверглась наказанию вместе с пятью другими, "главными и первыми", осужденными. Приговоренная к девяноста пяти ударам кнута, она вынесла истязание и подлежала ссылке на каторгу. Троє из "главных виновных" были забиты насмерть.

...добрались до виновного; его, разумеется, приговорили к кнуту. - Повар Аракчеева Василий Антонов, убивший по сговору с другими дворовыми Минкину за ее жестокость, был приговорен новгородской уголовной палатой к ста семидесяти пяти ударам кнута и к ссылке на вечную каторгу, однако не вынес наказания и умер под кнутом.

Стр. 81. В тот же день написал я рапорт о моей болезни. - 2 апреля 1842 года Герцен записывает в дневнике: "Завтра подаю в отставку". 8 апреля 1842 года Герцен уведомлял управляющего III отделением Л. В. Дубельта, что выходит в отставку вследствие болезни жены. (612)

...императрица, пользуясь семейным праздником. - 1 июля 1842 года праздновался день рождения императрицы Александры Федоровны и двадцатипятилетие ее венчания с Николаем I.

...моя жена получила от Бенкендорфа письмо. - 3 июля 1842 года Николай I дал разрешение Герцену жить в Москве, о чем просила Н. А. Герцен в своем письме к императрице. На следующий день А. Х. Бенкендорф извещал об этом Н. А. Герцен, и 9 июля 1842 года письмо с этой вестью было получено Герценом в Новгороде (см. запись Герцена в дневнике 9 июля 1842 г.).

Глава XXVIII

Стр. 83. Это были несколько строк, написанных мною за час или за два до рождения Саши. - Герцен имеет в виду свою дневниковую запись от 13 июня 1839 года.

...о тебе, дитя мое, еще не родившееся. - Н. А. Герцен ожидала в это время ребенка, родившегося в феврале 1841 года, названного Иваном и умершего через несколько дней.

Стр. 84. "Gut uerloren - etwas verloren" - стихотворение Гёте из цикла "Zahme Xenien" ("Кроткие ксении"), кн. VII. У Герцена выпущена вторая и третья строки стихотворения.

"Мои плечи ломятся, но еще несут!" - из дневниковой записи Герцена от 4 апреля 1842 года.

Стр. 84 - 85. "Поймут ли, оценят ли грядущие люди... мы заслужили их грусть!" - из дневниковой записи от 11 сентября

1842 года.

Стр. 85. "я не могу долго пробыть... продаваясь первые раза за деньги..." - из дневниковой записи от 8 апреля 1842 года.

Ф. пригласил меня к себе - В. И. Филиппович (см. его характеристику в гл. XXV "Былого и дум").

Стр. 88 ...места, на которых... - на слове "которых" фраза в рукописи обрывается.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 89. "я виноват, много виноват... иного выхода ему нет" - из дневниковой записи Герцена от 14 марта 1843 года.

13 апреля. "Любовь!.. не могут сладить с собой" - из дневниковой записи Герцена от 13 апреля и 31 мая 1843 года.

...30 мая 1843. "Исчезло утреннее алое освещение... больше умны и меньше счастливы". - Такой записи в дневнике Герцена нет, однако в записях за июль сентябрь 1842 года и январь - июнь 1843 года содержатся сходные высказывания.

Стр. 90. Мы уехали в подмосковную моего отца. - В Покровское Герцен приехал из Москвы 12 июня 1843 года (см. дневниковую запись Герцена от 14 июня 1843 г.). (613)

Мы жили в деревне до поздней осени. - В летний выезд 1843 года Герцен оставался в Покровском до 26 августа.

Стр. 91. ...все друзья явились к 26 августа - день именин жены Герцена; с участием друзей этот день праздновался в Покровском в 1844 году.

Стр. 91. ...его матери. - дарья, дворовой крестьянки И. А. Яковлева, кормилицы Герцена.

Стр. 92. ...трехлетний мальчик - старший сын Герцена - Саша, которому летом 1843 года исполнилось четыре года.

Стр. 93. На другое утро. - Камердинер Герцена Матвей Савельевич утонул 14 июня 1843 года (см. запись Герцена в дневнике 14 июня 1843 г.).

Стр. 94. "Может, - писал я тогда... - мучило его своей неравномерностью" из дневниковой записи Герцена от 14 июня 1843 года.

Стр. 95. clos Ne Vougeot - марка вина.

Стр. 100. fNon, dit l'Esprit Saint, je ne descends pas - цитата из стихотворения Беранже "La messe du Saint-Esprit..." ("Месса св. духа...").

...не может быть подозреваем, как и Цезарева жена! - Юлию Цезарю приписываются слова, ставшие впоследствии крылатыми:

"Жена Цезаря должна быть вне подозрений!"

Глава XXIX

Стр. 101. Моя статья "По поводу одной драмы" была заключительным словом прожитой болезни. - Эта статья Герцена, имевшая тесное отношение к его личным переживаниям того времени, была написана в октябре 1842 года и опубликована в августовской книжке "Отечественных записок" за 1843 год.

Стр. 103. ...были сильнее тою composite артели, которую так превосходно определил Прудон в механическом труде. - Об отличительных чертах коллективного труда Прудон писал в гл. III работы "Quest ce que la propriété?" ("Что такое собственность?"), вышедшей в Париже в 1840 году. Ту же мысль Прудона Герцен отметил в своем дневнике в записи 21 декабря 1843 года.

"Ты прав, мой друг, ты прав". - Герцен перефразирует слова Катона "Ты прав, Платон, ты прав" из трагедии Аддисона "Катан" (действ. V, явл. I). Не желая подчиниться диктаторству Цезаря и предпочитая умереть, Катон произносит эти слова, держа в руках книгу Платона "Федон", где утверждается мысль о бессмертии души. (614)

Стр. 104. ...с берегов Гвадалквивира привез религию не только ножек, но самодержавных, высочайших икр - soberana pantorilla! - Герцен иронизирует над В. П. Боткиным, который в своих "Письмах об Испании" ("Современник", 1847, № 3) среди восторженных описаний танцев, одежды и красоты испанских женщин приводил текст и свой перевод народной песни о маноле (мадридской гризетке), откуда Герцен цитирует одну строку.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

...юридических комментарий: - Подчеркивая здесь и ниже фонетические особенности украинской речи, Герцен намекает на украинское происхождение П. Г. Редкина.

...восстание в Барселоне. - Имеется в виду восстание в Барселоне против диктаторства генерала Эспартеро в период третьей буржуазной революции в Испании; восстание началось 13 ноября 1842 года и через несколько недель было жестоко подавлено войсками Эспартеро.

...куратор Строганов - С. Г. Строганов был попечителем Московского учебного округа.

Стр. 105. ...встают наши Лазари. - По евангельской легенде Лазарь, брат Марии и Марфы, после смерти был воскрешен Христом.

Стр. 106. На этом основании развилась в Америке кабетовская обитель, коммунистический скит, ставропигиальная, икарийская лавра. - Герцен иронизирует над экспериментом Э. Кабе, пытавшегося создать в 40-х годах XIX века в Америке (штат Техас) колонию французских рабочих, основанную на принципах "неклассового" коммунизма, изложенных ранее Кабе в его социально-утопическом романе-трактате "Путешествие в Икарию". Опыт Кабе окончился полной неудачей. Ставропигиальными назывались немногие крупнейшие монастыри, подчинявшиеся непосредственно патриарху или синоду, минуя епархиальное начальство.

...бенедиктинцев. - Один из католических монашеских орденов, возникший в VI веке и в начальный период отличавшийся строгими уставами по соблюдению церковно-монастырской дисциплины.

Стр. 108. ...слушать "Линду ди Шамуни". - Опера Доницетти "Линда ди Шамуни" шла в Москве в январе - феврале 1845 года во время гастролей итальянской оперной труппы.

Стр. 110. Одним из наших разговоров начинается "С того берега". - В произведении Герцена "С того берега" в форме диалога написана первая глава "Перед грозой (Разговор на палубе)".

"Он духом чист и благороден был..." - цитата из стихотворения Н. П. Огарева "Искандеру" ("я ехал по полю пустому...").

Стр. 111. ..цензура качала головой, читая притчи Христа, и вымарывала басни Крылова - Герцен опирается здесь на сведения, (615)полученные им в середине 50-х годов, по его словам, "из совершенно достоверного письма из Москвы"; в нем сообщалось, что после учреждения в 1848 году "тайной комиссии для надзора над литературой и журналами" И. П. Липранди будто бы предлагал не перепечатывать полностью ни библию, ни евангелие, а И. И. Давидов настаивал на исключении двенадцати басен Крылова (см. статью Герцена "Лобное место", 1857).

Стр. 112 - 113. После курса Педагогический институт послал его в Германию. В Берлине Грановский встретился с Станкевичем. - Т. Н. Грановский окончил университетский курс в Петербурге, за границу поехал по направлению Московского университета. Дружба Грановского с Н. В. Станкевичем завязалась до их отъезда в Германию, в Москву, весной 1836 года.

Стр. 115. ...между Грановским и Огаревым... протеснилась... недобрая полоска. - дружеские отношения между Н. П. Огаревым и Т. Н. Грановским нарушились в конце 40-х годов. В частности, Грановский отрицательно относился к сближению Огарева с Н. А. Тучковой, не одобряя произведенную Огаревым, с целью спасти пензенское имение от иска своей первой жены, передачу-продажу имения Н. М. Сатину и Н. Ф. Павлову, упрекал Огарева в "душевной праздности" и т. д.

"На дружбу мою к вам... я так полно и горячо люблю тебя" - неточная цитата из письма Т. Н. Грановского к Герцену от 25 августа 1849 года.

Помнишь ли ты письмо мое по поводу твоего "Крупова"? - Речь идет о недатированном письме Т. Н. Грановского к Герцену, написанном, судя по содержанию, тотчас по получении сентябрьской книжки журнала "Современник" за 1847 год, где была напечатана повесть "Доктор Крупов" (см. "Литературное наследство", т. 62, стр. 92). Это письмо Герцен опубликовал в "Полярной звезде"

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru на 1859 год (кн. V).

В конце 1843 года я печатал мои статьи о "Дилетантизме в науке". - В конце 1843 года, в декабрьской книжке "Отечественных записок", была напечатана последняя, четвертая, статья работы Герцена "Дилетантизм в науке". Первые три статьи того же цикла были напечатаны ранее - в январской, мартовской и майской книжках журнала за 1843 год.

Стр. 116. Я говорю о его первом публичном курсе средневековой истории Франции и Англии. - О значении читавшегося с ноября 1843 года по апрель 1844 года Т. Н. Грановским курса университетских лекций Герцен писал в двух своих статьях, опубликованных в московской печати в начале чтений и после окончания их (616) ("Публичные чтения г. Грановского" и "О публичных чтениях г-на Грановского"). Отзывы Герцена о курсе Грановского содержатся также в письме к Н. Х. Кетчеру от 2 декабря 1843 года.

Стр. 117. ...герой Чичероваккио в Колизее... отдавал восставшему и вооружившемуся народу римскому отрока-сына. - Герцен имеет в виду здесь один из эпизодов национально-освободительного движения в Италии - грандиозный митинг в Риме 23 марта 1848 года в связи с формированием армии добровольцев, направлявшихся в Ломбардию на помощь восставшему Милану для борьбы против австрийских войск. Среди волонтеров был пятнадцатилетний сын Чичероваккио, павший под пулями австрийцев. Этот эпизод рассказал Герценом в "Письмах из Франции и Италии" (письмо восьмое). После поражения революции в августе 1849 года Чичероваккио был расстрелян. Под "венчанным мальчишкой" Герцен подразумевает австрийского императора Франца-Иосифа, который вступил на престол 2 декабря 1848 года в восемнадцатилетнем возрасте.

Удастся ли мне когда-нибудь... посетить его могилу? - Т. Н. Грановский был похоронен в Москве на Пятницком кладбище; Герцену не удалось побывать на его могиле.

Стр. 119. ...Чаадаев в единственном письме, которое он мне писал за границу (20 июля 1851). - Это письмо П. Я. Чаадаева, из которого Герцен далее приводит неточную цитату, напечатано в "Полярной звезде" на 1859 год (кн. V) с иной датой - 26 июля 1851 года.

Стр. 121. Эллинист Печерин побился... и жжет протестантские библии в Ирландии. - Об этой истории Герцен рассказывает в седьмой части "Былого и дум", глава "Pater V. Petcherine". Обвинение В. С. Печерина в сожжении протестантской библии не подтвердилось на суде.

Редкин постригся в гражданские монахи, служит себе в министерстве внутренних дел и пишет богохваленные статьи с текстами. - О службе П. Г. Редкина Герцен располагал неточными сведениями: Редкин, оставив профессуру Московского университета, с 1849 года начал службу в министерстве уделов при товарище министра уделов Л. А. Перовском, который в то время являлся также министром внутренних дел. Под "богохваленными статьями с текстами" Герцен, очевидно, подразумевает цикл статей Редкина "Что такое воспитание?" ("Журнал для воспитания", 1857, № 1 - 3), обильно уснащенных цитатами из библии и представлявших собою проповедь христианской морали и реакционных идей. (617)

Крылов - но довольно. - Уничтожающую характеристику Н. И. Крылова, изменившего своим бытым либеральным взглядам, Герцен дал в статье "Лобное место" (1857), в которой, по его выражению, "выпотрошил, сгноил и погубил" "славяномерда" Крылова (см. письма Герцена к М. Мейзенбург от 28 августа 1857 г., к И. С. Тургеневу от 29 августа 1857 г. и др.).

Глава XXX

Стр. 122. "r... nos amis les ennemis" - цитата из стихотворения Беранже "L'opinion de ces demoiselles" ("Мнение этих девиц").

Стр. 123. ...как Меттерних отрицал Италию. - Деятельность Меттерниха была направлена на подавление национально-освободительного движения в Европе, в частности в Италии.

...в печальную эпоху Венского конгресса. - Венский конгресс 1814 - 1815 годов

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru знаменовал наступление политической реакции в Европе, реставрацию монархических династий и восстановление феодальных порядков.

Стр. 125. "Pour un coeur ыеп пё, que la pair ie est cherel" - неточная цитата из трагедии Вольтера "Танкред" (акт III, сцена I).

...настоящего народного слога, его знал... Ростопчин в своих прокламациях и, воззваниях. - Герцен иронизирует над псевдонародным языком патриотических прокламаций, выпускавшихся в 1812 году московским главнокомандующим и военным губернатором Ф. В. Ростопчиным и известных под названием "ростопчинских афишек".

...патриотизм... хващающий штыками и пространством от льдов Торнео до гор Тавриды - намек на стихотворение А. С. Пушкина "Клеветникам России".

"God save the King" - государственный гимн Великобритании.

С польской войны велели... петь народный гимн, составленный корпуса жандармов полковником Львовым. - Композитор А. Ф. Львов, автор официального гимна царской России "Боже, царя храни" являлся одно время адъютантом шефа корпуса жандармов А. Х. Бенкendorфа. Исполнение гимна было введено с 1833 года.

Стр. 126. В один из приездов Николая в Москву один ученый профессор написал статью. - Приезду Николая I в Москву в марте 1849 года была посвящена статья М. П. Погодина "О прибытии царской фамилии в Москву", напечатанная в сокращенном виде в "Москвитянине", 1849, ч. II, № 7, апрель, кн. 1.

Я был на первом представлении "Ляпунова" в Москве. - Герцен имеет в виду драму С. А. Гедеонова "Смерть Ляпунова", (618) которая в первый раз была представлена в Москве на сцене Большого театра 18 января 1846 года.

...преследованием униат. - После восстания в Польше 1830 - 1831 годов, в котором активное участие приняло католическое духовенство, царское правительство предприняло целый ряд притеснительных мер, завершившихся в 1839 году официальным актом упразднения института униатской греко-римской церкви и восстановлением православия.

"Рукой всевышнего отечество спасла". - Подразумевается казенно-патриотическая пьеса Н. В. Кукольника "Рука всевышнего отечество спасла".

...в конце тридцатых годов был в Москве проездом, панславист Гай, игравший потом какую-то неясную роль как кроатский агитатор и в то же время близкий человек бана Иеллачича. - Л. Гай приезжал в Москву из Петербурга в августе 1840 года, чтобы изыскать средства для устройства в Загребе типографско-издательского центра хорватского (кроатского), национального движения. В событиях 1848 - 1849 годов Гай поддерживал И. Елачича, избранного баном (наместником) Хорватии по его предложению и проводившего политику, направленную на удушение революционной Венгрии.

Огромная подписка была сделана в несколько дней. - По подписке, организованной в Москве славянофилами в связи с обращением Гая, было собрано двадцать тысяч рублей. В подписке участвовали М. П. Погодин, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.

...один из нежнейших по голосу и по занятиям славянофилов. Подразумевается С. П. Шевырев.

Стр. 127. ...lasciate ogn i speranza - цитата из "Божественной комедии" Данте ("Ад", песнь третья). Герцен приводит часть надписи, начертанной на вратах "Ада".

Стр. 128. Летом 1836 года... почтальон принес мне последнюю книжку "Телескопа". - Имеется в виду пятнадцатая книжка "Телескопа", вышедшая в свет в первых числах октября 1836 года, в которой было напечатано "философическое письмо" П. Я. Чаадаева. Издание было прекращено на шестнадцатой книжке.

Стр. 128 - 129. "...пробел разумения... могут довести". - Герцен дает изложение одного из мест "философического письма" П. Я. Чаадаева (см. "Телескоп", 1836, №

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru 15, стр. 295).

Стр. 129. ... Вигель (известный не с лицевой стороны по эпиграмме Пушкина) пустил дело в ход. - Связывая запрещение "Телескопа" с доносом Вигеля, направившего в связи с напечатанием в журнале "Философического письма" Чаадаева специальное по(619) сланце петербургскому митрополиту Серафиму, Герцен основывался на ошибочных слухах, имевших тогда широкое распространение. В действительности решение о закрытии "Телескопа" состоялось независимо от этого доноса и ранее его (см. М. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826 - 1855 гг., СПб. 1909, стр. 411 - 412). Эпиграмма Пушкина - "Из письма к Вигелю" ("Проклятый город Кишинев!"), содержавшая намек на противоестественные наклонности Вигеля.

Это было в самый день взятия Огарева - Н. П. Огарев был арестован в ночь на 10 июля 1834 года.

Стр. 130. "...чело, как череп голый" - цитата из стихотворения А. С. Пушкина "Полководец".

... с железным кульмским крестом на груди. - За сражение под Кульмом в 1813 году П. Я. Чаадаев получил орден св. Анны 4-го класса; железным крестом был награжден брат Чаадаева.

"...в Риме был бы Брут, в Афинах - Периклес". - Герцен приводит цитату из стихотворения А. С. Пушкина "К портрету Чаадаева", полностью еще не появлявшегося к тому времени в печати.

Стр. 131. Чаадаев был адъютантом Васильчикова во время известного семеновского дела. - Подразумевается возмущение Семеновского гвардейского полка в 1820 году; И. В. Васильчиков был в то время командиром гвардейского корпуса, в состав которого входил Семеновский полк.

Стр. 131 - 132. Государь находился тогда, помнится, в Вероне или в Аахене на конгрессе. - Александр I в 1820 году находился в Троппау, где состоялся второй конгресс Священного союза.

Стр. 132. Васильчиков послал Чаадаева с рапортом к нему... отставка была дана. - Герцен излагает здесь одну из распространенных в то время версий, позднее опровергнутую, о причинах внезапной отставки Чаадаева (см. М. Гершензон, П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление, СПб., 1908, стр. 18 - 25).

Теперь мы знаем достоверно, что Чаадаев был членом общества, из "Записок" Якушкина. - Орывки "Из записок И. Д. Якушкина" были напечатаны в "Полярной звезде" на 1862 год (кн. VII, вып. 1). Затем "Записки" Якушкина (первые две части) Герцен выпустил отдельным изданием в серии "Записок декабристов" (вып. 1, Лондон, 1862).

...около 1830 года он возвратился - П. Я. Чаадаев вернулся в Россию из-за границы еще летом 1826 года, но лишь с 1831 года стал появляться в обществе, оставив* затворнический образ жизни.

Стр. 134. "Товарищ, верь: взойдет она..." - цитата из стихотворения А. С. Пушкина "К чаадаеву" (1818). (620)

"Чадаев, помнишь ли былое?" - цитата из стихотворения А. С. Пушкина "Чаадаеву" ("К, чему холодные сомненья?") (1824). Герцен ошибочно приурочил дату написания стихотворения к годам царствования Николая I. В "Ответе" автору анонимного письма, указавшего на это, Герцен признал свою ошибку (см. "Полярная звезда" на 1856 год, стр. 251, 257), однако, готовя отдельное издание "Былого и дум", он оставил текст без изменения.

Стр. 137. ... в "Уложении" - "Соборное уложение царя Алексея Михайловича" кодекс действовавшего права, утвержденного земским собором в 1649 году.

Стр. 139. Нельзя же двум великим историческим личностям . не сокрушить третью личность. - Подразумевается коалиция Англии и Франции в Крымской войне 1853 - 1856 годов против России.

Стр. 140. Появление замечательной книги. - Из вариантов первопечатного текста
Страница 90

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru главы видно, что Герцен здесь имел в виду прежде всего появление "Мертвых душ" Н. В. Гоголя. Книга вышла в свет в Москве в мае 1842 года и вызвала в -печати и литературных кругах оживленные толки и полемику. О своих впечатлениях по поводу выхода "Мертвых душ" Герцен пишет в дневнике 11 июня и 29 июля 1842 года.

Стр. 143. ...добродушные беришоны - жители французской провинции Берри (Berry), где жила Ж. Санд.

Стр. 146. ...принялся он, помнится, в 1833 году за ежемесячное обозрение "Европеец". - Журнал "Европеец" издавался И. В. Киреевским в 1832 году.

Он. поместил в "Деннице" статью о Новикове. - Характеристика деятельности Н. И. Новикова содержится в статье И. В. Киреевского "Обозрение русской словесности 1829 года", напечатанной в альманахе "Денница" на 1830 год (стр. ХП - XVI).

... "Денница" была схвачена, и цензор Глинка посажен под арест. - Альманах "Денница" конфискован не был; цензор С. Н. Глинка смешен с должности по иной причине. Герцен, очевидно, смешивает этот случай с другим, когда за пропуск в "Европейце" (1832, № 1) статей И. В. Киреевского "девятнадцатый век" и "Горе от ума" - на Московском театре" издание журнала было прекращено, а цензор С. Т. Аксаков действительно был подвергнут служебному взысканию и вскоре отставлен от должности по указанию Николая I за пропуск в печать книжки Елистрата Фитюлькина (И. В. Проташинского) "двенадцать спящих будочников".

Стр. 147. "Погоди немного..." - не совсем точная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова "Из Гёте" ("Горные вершины").

Стр. 151. Грановский хочет знать, читал ли я его статью и "Москвитянине". - В "Москвитянине" Т. Н. Грановский поместил (621) рецензию: "Geschichte des preussischen Staats, von G. Stenzel...", посвященную работам по истории прусского государства ("Москвитянин", 1843, ч. II, № 4, стр. 441 - 463)\

Стр. 152. Погодин... явившись... с не новым. Гереном. - Подразумевается изданная М. П. Погодиным книга "Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира", чч. 1 - 2, М., 1835 - 1836 (фактически - 1837 г.).

...он писал... даже Гей фон Берлихингена по-русски. - Перу М. П. Погодина принадлежал русский перевод трагедии Гёте "Гец фон Берлихинген".

Стр. 153. ...близнецы "Москвитянина" стали зацеплять... Грановского за его лекции. - Имеется в виду статья С. П. Шевырева "Публичные лекции об истории средних веков Г. Грановского. Письмо в губернию", напечатанная в "Москвитянине", 1843, ч. VI, № 12.

Он публично с кафедры спросил своих обвинителей. - С отповедью против обвинений С. П. Шевырева и М. П. Погодина Т. Н. Грановский выступил с университетской кафедры 20 декабря 1843 года. Герцен присутствовал в этот день на лекции Грановского, что отмечено в дневниковой записи 21 декабря 1843 тода.

Мы. давали Грановскому обед после его заключительной лекции. - Обед состоялся в день окончания курса Т. Н. Грановского 22 апреля 1844 года у С. Т. Аксакова, который на правах хозяина дома был третьим, помимо Герцена и Ю. Ф. Самарина, распорядителем вечера. Описание обеда см. также в дневниковой записи Герцена 24 апреля и в его письме к Кетчеру от 27 апреля 1844 года.

Стр. 154. Попытка нашего Кучук-Кайнарджи. - В селении Кучук-Кайнарджи в 1774 году после шестилетней войны был заключен мир между Россией и Турцией.

Умирающей рукой некогда любимый поэт, сделавшийся святошей от болезни и славянофилом по родству, хотел стегнуть нас. - Подразумевается Н. М. Языков, выступивший с "антизападническими" стихотворными посланиями в 1844 году, за два года до смерти, будучи уже тяжело больным. Н. М. Языков приходился шурином славянофилу А. С. Хомякову, женатому на сестре поэта, Е. М. Языковой.

В пьесе под заглавием. "Не наши". - Под этим названием Герцен объединяет три различных, но очень близких по содержанию стихотворения Н. М. Языкова "Константину Аксакову", "К не нашим", "К Чаадаеву". Герцен ошибочно принял на

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru свой счет строки о "слуге, носящем блестящую ливрею западной науки". Сам Языков в письме к родным от 28 марта 1845 года отмечает, что тт. "блестательным лакеем" в стихотворении "Константину Аксакову" (622) он имел в виду Т. Н. Грановского (см. М. Азадовский, Судьба литературного наследства Н. М. Языкова, "Литературное наследство", т. 19 - 21, стр. 366). Герцен в статье "Москвитянин" и вселенная" (1845) заклеймил полемические стихотворения Языкова как прямой донос и с презрением отзывался об исправительно-полицейском направлении его поэзии.

К.- Аксаков с негодованием отвечал ему тоже стихами. - Стихотворение К. С. Аксакова "Союзникам" направлено против нападок на западников со стороны крайних реакционеров и беспринципной "мелкоты", пресмыкающихся перед самодержавием. В то же время Аксаков выражает в стихотворении полную солидарность с Н. М. Языковым.

...имя чтеца. - Имеется в виду Ф. Ф. Вигель, который являлся рьяным распространителем полемических стихотворений Н. М. Языкова и охотно декламировал их в гостиных и салонах Москвы.

...ссору Грановского с П. В. Киреевским, которая быстро шла к дуэли. Поводом к ссоре, которая чуть не привела к дуэли между Т. Н. Грановским и П. В. Киреевским, послужили упомянутые выше стихотворения Н. М. Языкова.

Стр. 155. "...о млеке пречистой девы". - А. П. Глинка - автор многих религиозных стихотворений и книги "Жизнь пресвятая девы богородицы. Из книги Чети-Минеи".

...как ни вертели они бедного Нестора и бедного Данта. - Намек на увлечения Погодина (автора книги о Несторе) историческими материалами, которыми наполнялся "Москвитянин", и Шевырева - ранней итальянской поэзией (на страницах журнала в течение нескольких лет (1850 - 1854) печатался также перевод "Божественной комедии" Данте и материалы к объяснению поэмы),

Стр. 156. Он горячо принял за дело... но при всем своем таланте не мог ничего сделать. - Под редакцией И. В. Киреевского вышли только три первые номера "Москвитянина" за 1845 год. Ввиду возникших разногласий с М. П. Погодиным Киреевский отказался от редактирования журнала.

.. их побочного сына. - Герцен подразумевает журнал "Современник".

Статья К. Кавелина и ответ Ю. Самарина. Об них в "Develop. des idées révolutionnaires". - Статья К. д. Кавелина "Взгляд на юридический быт древней России" была опубликована в "Современнике", 1847, № 1. Полемический ответ Ю. Ф. Самарина содержался в его статье "О мнениях "Современника" исторических и литературных", напечатанной за подписью "М. З. К." в "Москвитянине", 1847, № 2. Свою оценку обеим статьям Герцен дал, не называя имени (623) авторов, в работе "О развитии революционных идей в России", в гл. VI - "Московский панславизм".

"...противников, которые были ближе нам. многих своих". - Здесь и далее цитаты из некролога "Константин Сергеевич Аксаков" ("Колокол", л. 90, от 15 января 1861 г.).

Стр. 157. ...меньший брат, которому мы без чечевицы уступим старшинство. По библейскому рассказу, Исаев, старший сын Исаака, мучимый голодом, согласился уступить свое первородство брату Иакову за хлеб и кушанье из чечевицы.

Стр. 158. "Mutter, Mutter, lass mich gehen" - цитата из стихотворения Шиллера "Альпийский стрелок".

Глава XXXI

Стр. 160. Г. И. - Г. И. Ключарев.

Стр. 162. Ат. Л. - М. К. Эрн (в замужестве - Рейхель).

Стр. 163. ...переехали из маленького дома в большой. - По;! "маленьkim" домом Герцен подразумевает бывший дом Тучкова (теперь - Сивцев Вражек, д. 27), в котором он поселился вскоре после возвращения из новгородской ссылки. В "большом" доме отца (теперь - Сивцев Вражек, д. 25) Герцен жил еще в студенческие годы, а также в 1846 - 1847 годах, после смерти отца и до отъезда за границу.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 166. ...как в портрете Людовика-Филиппа. - Видимо, Герцен подразумевает политическую карикатуру Ш. Филипона "Груши", помещенную в сатирическом журнале "Le Charivari" 17 января 1834 года. Художник в четырех рисунках, сохраняющих портретное сходство с Люи-Филиппом, дает последовательные видоизменения его лица, заканчивая серию изображением гнилой груши с едва намеченными чертами Люи-Филиппа.

... в "Отечественной почте". - Имеется в виду журнал "Отечественные записки".

Стр. 167. ...мой племянник Огарев. - Отцы Герцена и Огарева находились в дальнем родстве между собою. И. А. Яковлев считал Н. П. Огарева своим внучатым племянником.

Стр. 168. "...cest le testament d'Alexandre le Grand". - Александр Македонский умер, не назначив себе преемника; он завещал государство "самому достойнейшему", что вызвало большие споры после его смерти.

...Кампо-Формио - название селения в Италии, где был подписан мирный договор между Австрией и Францией в войну 1797 года. (624)

Стр. 169. ...предлинную статью. - Герцен имеет в виду статью Д. П. Голохвастова "Замечания об осаде Троицкой лавры 1608 - 1610 и описание оной историками XVII, XVIII и XIX столетий", напечатанную в "Москвитянине", 1842, №№ 6 и 7, а также изданную отдельной брошюй под тем же названием в Москве в 1842 году.

...в своем сказании об осаде Троице-Сергиевской лавры. - Имеется в виду "История в память предыдущим родам..." Абраамия Палицына, известная по позднейшему заглавию как "Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы..."

Стр. 172. ...пустынника de la Chaussee d'Antin. - Имеется в виду роман Жуй "L'Hermite de la Chaussee d'Antin..." ("Пустынник с улицы Дантен...").

"И того недоставало". - Герцен неточно цитирует строку из стихотворения-сказки А. С. Пушкина "Царь Никита и сорок его дочерей" ("Царь Никита жил когда-то..."), напечатанного в сборнике "Русская потаенная литература XIX столетия". Лондон, 1861.

Стр. 173. ...ряд Гогартовых рисунков. - Имеется в виду серия гравюр Гогарта "Industry and Idleness" ("Трудолюбие и лень"), состоящая из двенадцати рисунков.

Стр. 175. ...как Цинциннат, оставив плуг. - Цинциннат во время осады Рима эквами и сабинянами в 458 году до н. э. был назначен диктатором. По преданию, послы, явившиеся к Цинциннату с назначением сената, застали его за полевыми работами, в поту и пыли.

"Наш Василий Федорович, стал министром!" - Герцен ошибочно называет имя и отчество Вронченко; следует - Федор Павлович. Рассказ Герцена об "иллюминации" в Петербурге, в связи с назначением Вронченко министром финансов в 1844 году, основан на анекдоте, приписываемом А. С. Меншикову (см. кн. "Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий", СПб. 1885, стр. 246).

Стр. 179. ...Мясное... составил какую-то генеалогическую таблицу лошадиных родов. - Подразумевается брошюра П. Н. Мяснова "О воспитании скаковых лошадей в России и приготовлении оных к скачке, в отношении возможности общего улучшения всех видов коннозаводства в государстве", изданная в Москве в 1833 году.

...в Кормчей книге - своде церковных законов и правил, принятых в России с XIII века и составленных на основе более ранних византийских "Номоканонов".

Стр. 180. ...генерал-адъютантский "наш" с палочкой внутри. Генерал-адъютантский эполет с вышитым на нем вензелем Нико(625)ля I; "наш" старое название буквы "Н", "палочка" - цифра Т.

...будучи смиренным обладателем строгановского майората. - С. Г. Строганов женился на дочери своего родственника П. А. Строганова, не имевшего наследников по мужской линии, и получил в качестве приданого невесты нераздельное имение

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru почти с пятьюдесятью тысячами крестьян.

Стр. 181. ...сижу я дома за своею лыбедью. - Квартира Герцена во Владимире в 1839 году находилась одно время у Ивановского моста на берегу р. Лыбедь.

Стр. 182. ...чем Земляника своей больнице "честностию и порядком". - См. "Ревизор" Н. В. Гоголя (действ. III, явл. V).

Стр. 183. ...по крайней мере так думает Азаис. - Имеется в виду реакционная доктрина о всеобщей уравновешенности человеческих судеб, обоснование которой дано в книге Азаиса "Des Compensations dans les destinees humaines".

Т. - Речь идет о С. П. Трубецком, который находился в родстве с австрийским послом Лебцельтерном.

Стр. 184. ...нашего невского Саула. - Герцен уподобляет Николая I первому израильскому царю Саулу, правление которого, со" гласно библейскому преданию, было омрачено жестокостями и самовластием; Саул кончил жизнь самоубийством, потерпев поражение в войне с филистимлянами.

Стр. 186. ...судьбой несчастного сына Людовика XVI. - Принц Луи-Шарль после казни отца был отдан на воспитание якобинцу-сапожнику Симону; умер в одиночном заточении.

Глава XXXII

Стр. 187. Dahin! Dahini - слова из песни Миньоны "Kennst du das Land" в романе Гёте "Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера" (кн. 3, гл. I).

"Личные отношения много вредят... уметь подписать приговор Камилла Демулену". - Герцен не совсем точно цитирует свою запись в дневнике 18 декабря 1844 года. Смертный приговор Демулену был вынесен революционным трибуналом с Одобрения Робеспьера, прежнего друга Демулены.

В этой зависти к силе Робеспьера уже дремали зачатки злых споров 1846 года. - Оценка исторической роли Робеспьера и его личных качеств явилась предметом горячих споров, возникших в дружеском кружке Герцена за несколько лет до описанного в данной главе времени - в апреле - мае 1842 года. За вскрывшимися в ходе этой полемики разногласиями между В. Г. Белинским и (626) Герценом, с одной стороны, и Т. И. Грановским, с другой, скрывалось наметившееся уже тогда принципиальное расхождение в их идеино-теоретических убеждениях.

Стр. 188. ...семи греческих мудрецов. - К числу семи мудрецов древней Греции, которым приписывались различные изречения житейской мудрости, обычно причисляют Солона, Фалеса, Биаса, Питтака, Хилона, Клеобула, Периандра.

...жаловался на это филарет, грозивший принять душеоборонительные меры. против такой вредоносной язвы. - Об одной из: этих "душеоборонительных" мер о поручении московского митрополита филарета профессору духовной академии Ф. А. Голубинскому выступить с кафедры с "опровержением" гегелевской философии Герцен сообщает в дневниковой записи от 18 января 1844 года.

Стр. 189. ...мое историческое изложение систем. - Герцен подразумевает свои "Письма об изучении природы".

Стр. 190. Весь курс 1845 года ходил я на лекции сравнительной анатомии. Герцен посещал с осени 1844 года лекции профессора И. Т. Глебова, читавшего в Московском университете курс зоологии и анатомии.

Лицей, выведенный подозрительным и мертвящим самовластием Николая из прекрасных садов своих. - Имеется в виду решение Николая I о переводе лицея с 1844 года из Царского Села в Петербург.

Стр. 192. ?. - Е. Ф. Корш.

Стр. 209. ...в шляпе с широкими полями и в белом сюртуке, как Наполеон в Лонгвуде. - Обычный костюм Наполеона в период его ссылкой жизни в мызе Лонгвуд, на о. Святой Елены.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 193. ...одно из моих писем об изучении природы (помнится, об Энциклопедистах.). - О философах-энциклопедистах Герцен писал в восьмом письме - "Реализм", напечатанном в апрельской книжке "Отечественных записок" за 1846 год.

Стр. 195. ...я взял эпиграф. - Далее Герцен приводит цитату из стихотворения Н. П. Огарева "Искандеру" ("Я ехал по полю пустому..."). Несколько строк из этого стихотворения Герцен взял эпиграфом ко второму разделу гл. XXIX - "На могиле друга".

Стр. 196. вскоре и в дамском обществе все разладилось. - Подразумевается разлад, наступивший во второй половине 1846 года в отношениях между Н. А. Герцен и женами и сестрами друзей Герцена. Особенно чувствительно было для Н. А. Герцен отдаление Е. Б. Грановской, которую, по словам Герцена, "она любила, как меньшую сестру". (627)

Глава XXXIII

Стр. 197. ...к Ольге Александровне - к О. А. Жеребцовой, внучка которой была замужем за А. Ф. Орловым.

...я получил через несколько дней от Орлова "высочайшее" разрешение приехать в Петербург на короткое время для устройства дел. - Письмо к А. Ф. Орлову о разрешении въезда в Петербург Герцен отправил 27 января 1845 года, 2 апреля 1845 года управляющий III отделением Л. В. Дубельт уведомил Герцена о разрешении Николая I на приезд в Петербург.

Стр. 202. В 1850 году я видел в кабинете Карлье мой "досье". - Об этом эпизоде Герцен рассказал в гл. XXXIX пятой части "Былого и дум".

Стр. 203. ...это была докладная записка Бенкендорфа... ехать на шесть месяцев к водам в Германию... написано... "рано". Граф А. Бенкендорф. Докладная записка Бенкендорфа царю от 7 апреля 1843 года содержала ходатайство попечителя московского учебного округа С. Г. Строганова о разрешении Герцену выехать на несколько месяцев в Италию вследствие болезни жены. На докладе рукой Николая I сделана надпись: "Переговорим", под которой имеется приписка Бенкендорфа: "Не позволяет", скрепленные подписью Дубельта 9 апреля 1843 года (ЦГИАМ, фонд № 109, оп. № 86, ед. хр. № 93).

Стр. 204. ...поляну, тянувшуюся к Четырем Рукам - название первой почтовой станции по тракту из Петербурга в Москву; в месте пересечения дорог стоял столб с указанием четырех направлений (на Москву, на Петергоф, на Царское Село и на Петербург).

Стр. 205. "Ну, радуйтесь! Я отпущен!" - цитата из поэмы Н. П. Огарева "Юмор" (часть вторая, гл. гл. 9 и 13].

...Шесть-семь троек провожали нас... Это было 21 января 1847 года" автоцитата из главы "Западные арабески" (I, "Сон", пятая часть "Былого и дум"). Этот отрывок был написан ранее окончательной редакции данной главы и опубликован еще в "Полярной звезде" на 1856 год (кн. II).

...одного только недоставало - ближайшего из близких, он один был болен. На проводах отсутствовал Н. П. Огарев, который находился в это время в своем пензенском имении Старое Акшено.

Н. Х. Кетчер

Стр. 206. ...явился на берега Неглинной, в кофейной Бажанова. - Кофейная Бажанова, известная также под названием "Печкинской" (по фамилии ее прежнего владельца), посещалась преимущественно литературно-артистическими кругами. (628)

Стр. 208. ...профессор Гейм, памятный лексиконами - И. А. Гейм был автором многочисленных изданий русско-немецко-французских словарей конца XVIII начала XIX веков.

Стр. 209. Фишер Вальдгеймский и оператор Гильтебрант, о которых я говорил в другом месте. - О них Герцен упоминает в первой части "Былого и дум", гл. VI.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

"ни слова русского, ни русского лица" - не совсем точная цитата из монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума" (действ. III, явл. 22).

Поза и Маке, Карл Моор и Фердинанд - герои пьес Шиллера: маркиз Поза "Дон Карлос, инфант испанский", Макс Пикколо-мини - "Валленштейн", Карл Моор "Разбойники", Фердинанд - "Коварство и любовь".

Стр. 210. ...каким-то лафонтеновским "Зондерлингом". - Имеется в виду роман А. Ляфонтена "Чудак" ("Der Sonderling").

...лекаря Шиллера - намек на медицинское образование, полученное Ф. Шиллером; писатель окончил военное училище со званием фельдшера.

Стр. 211. ...на плотно скошенной ниве в 1826. - Герцен подразумевает расправу над участниками декабристского движения; окончательный приговор суда был вынесен 11 июля, казнь пятерых состоялась 13 июля 1826 года, вслед за этим было сослано в Сибирь свыше ста декабристов.

...обвенчаться с одной барышней - с Е. В. Сухово-Кобылиной, впоследствии писательницей Салиас де Турнемир (Евгения Тур).

Стр. 212. ...в примирении Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем персонажи "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Н. В. Гоголя.

Стр. 215. ...эмилевские понятия - по названию романа-трактата Руссо "Эмиль, или О воспитании", в котором изложена программа так называемого "естественного воспитания".

...затягиваясь... "Жуковым". - "Жуков" - название табачной фирмы.

Стр. 218. "...не разлюбит его даром" - не совсем точная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова "На светские цепи".

Стр. 224. Гейне говорил о своей "Терезе". - Имеется в виду Матильда Гейне, жена поэта.

М-те Айн - произношение на французский лад фамилии Гейне (Heine).

Стр. 231. Осенью 1857 года приехал в Лондон Чичерин. - Б. Н. Чичерин приезжал в Лондон в 1858 году. (629)

Стр. 232. Замечание, сделанное в "Колоколе" о доктринерах. - Герцен имеет в виду свою статью "Нас упрекают", напечатанную в "Колоколе" (л. 27, от 1 ноября 1858 г.).

...прислал свой "обвинительный акт". - Речь идет о письме Б. Н. Чичерина, которое Герцен напечатал в "Колоколе" со своим предисловием под заголовком "Обвинительный акт" ("Колокол", л. 29, от 1 декабря 1858 г.). Об "обвинительном письме" Чичерина Герцен упоминает также в части седьмой "Былого и дум", гл. "Апогей и перигей".

...одно было напечатано. - Это анонимное письмо, видимо принадлежащее перу В. А. Панаева, было напечатано в "Колоколе" (л. 30 - 31, от 15 декабря 1858 г.).

Стр. 233. ...со стороны. Чичерина... Н. Х. Кетчер. - В 1859 году Н. Х. Кетчер совместно с И. К. Бабстом писал Герцену о решительной поддержке Б. Н. Чичерина в его полемике с Герценом. В 1862 году Кетчер способствовал перепечатке в России враждебного Герцену "обвинительного письма" Чичерина. Об этом Герцен с возмущением сообщал И. С. Тургеневу в письме от 12 декабря 1862 года.

"Грандисона Ловласу предпочла" - неточная цитата из "Евгения Онегина" А. С. Пушкина (глава вторая, строфа XXX).

Стр. 235. "Si la raison domine le monde, je ne sy passerait rien". Герцен неточно цитирует один из эпиграфов ко второй главе первой части поэмы В. С. Филимонова "Дурацкий колпак".

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

...как Август, приказывать, чтоб Клеопатра опустила покрывало. - Герцен имеет в виду полулегендарный рассказ о свидании царицы Египта Клеопатры и императора Августа Октавиана. Клеопатра после победы войск Октавиана при Акциуме и смерти Антония будто бы пыталась привлечь к себе Октавиана, но была им отвергнута.

Стр. 236. ...до той степени, до которой это возможно. - На этой фразе текст в рукописи обрывается.

Эпизод из 1844 года

Стр. 237.- Эпизод из 1844 года. - События, описанные Герценом в этой главе, относятся к 1843 году; об "истории" В. П. Боткина и Армана Герцен неоднократно упоминает в дневнике и в письмах за 1843 - 1844 годы.

...Жак Ж. Санда, делающийся Жаком-фаталистом. - Имеются в виду персонажи романа Ж. Санд "Жак" и романа Дидро "Жак-фаталист".

Стр. 238. ..."Миньоне", со всей простотой "Клерхен". - Миньона - героиня романа Гёте "Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера"; Клерхен имя возлюбленной Эг蒙та в трагедии Гёте "Эгмонт".

Стр. 233. ...в своей коляске по Longchamp. - Лонгшан - главный ипподром в Париже близ Тулонского леса; в дни скачек становился местом гуляний и своего рода выставкой роскошных туалетов и фешенебельных экипажей.

... "демоническую силу любви", равно влекущую Геркулеса и слабого отрока к ногам Омфалы. - Согласно греческому мифу Геракл, проданный в рабство лидийской царице Омфале и очарованный ею, забыл о геройских подвигах, отдал свою неизменную палицу и львиную шкуру и прислуживал ей, облекшись в женскую одежду.

Стр. 240. ...отца Иоанна в с. Покровском, известного, читателям нашим своей историей... у дьячка. - Об этой истории Герцен рассказывает в гл. XXVIII.

...университетский профессор - Т. Н. Грановский.

Стр. 241. ...(*promessi sposi*. - Возможно, здесь содержится шутливое сравнение В. П. Боткина и Армана с героями романа А. Мандзони "*I promessi sposi*" ("Обрученные") Ренцо и Лючией, которые после долгих злоключений, наконец, соединяются.

Стр. 243. Он думал опять о покровском *pone*, но близость майковской фабрики пугала его. - Майковым принадлежало соседнее с Покровским, сельцо Пономарево-Брехово, при котором находилась суконная фабрика купца первой гильдии П. П. Кувшинникова;

В. ГГ. Боткин, вероятно, опасался, что через этого купца благодаря общим коммерческим связям и знакомствам может стать известно его отцу, видному московскому купцу П. К. Боткину, о тайном венчании в Покровском.

Стр 245. ...Барер говорил же: "Только мертвые не возвращаются". - Эта крылатая фраза Барера содержалась в его докладе на заседании Конвента 26 мая 1791 года, в котором он, выступая от имени Комитета общественного спасения, доказывал необходимость решительной борьбы революционной Франции с ее внешними врагами, в частности с английскими оккупационными войсками.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Отдельные главы пятой части впервые публиковались в "Полярной звезде" на 1855 год (кн. I), 1858 год (кн. IV), и 1859 год, (кн. V)г. Раздел пятой части, условно названный "Рассказом о семейной драме", эта, по признанию Герцена, "самая дорогая" для него часть "Былого и дум", не был напечатан при жизни писателя. (631)

Исключение составляют два отрывка из первой главы - "Приметы" и "Тифоидная горячка", которые были опубликованы Герценом в составе "Западных арабесок" в "Полярной звезде" н.э 1856 год (кн. II) и затем перепечатаны в т. IV "Былого и дум" (Женева, 1867). Здесь же впервые полностью опубликована гл VI "Осеапо пох",

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru второй раздел которой был ранее напечатан в "Полярной звезде" на 1859 год (кн. V). Кроме того, последние страницы первой главы Герцен привел как цитату в пятом письме цикла "Концы и начала" ("Колокол", л. 148, 22 октября 1862 г.).

<Предисловие>

Впервые опубликовано в издании: "Былое и думы", т. IV, Женева, 1867, стр. III - IV, без заглавия (в оглавлении обозначено: "Предисловие").

Перед революцией и после нее Глава XXXIV

Стр. 247 - 248. ...Между Террачино и. Неаполем... По какому закону, сказал мой товарищ... продиктую. - Герцен описывает эпизод из своей поездки по Италии, которая состоялась в феврале 1848 года. Семья Герцена ехала из Рима (выехали 5 февраля) в Неаполь (прибыли 7 февраля) в сопровождении А. А. Тучкова и его дочерей, Натальи и Елены. "Товарищем" Герцен называет, по-видимому, А. А. Тучкова.

Fraulein Maria E, Fraulein Maria K., Frau H. - Мария Каспа-ровна Эрн (Рейхель), Мария Федоровна Корш и мать Герцена - Луиза Ивановна Гааг.

Стр. 249. Хоть бы. кормилицу-то мне застать еще в "Тавроге". - Герцен имеет в виду кормилицу его дочери Натальи (Таты) - Татьяну, которая провожала семью Герцена до пограничного местечка Таурогена.

Стр. 252. ...с куклою чугунной - из "Евгения Онегина" Пушкина (гл. 7, строфа 19), где описывается настольная статуэтка, изображающая Наполеона I на Вандомской колонне.

Глава XXXV

Стр. 253. Вот что я писал в конце апреля 1848 года. - Письмо восьмое "Писем из Франции и Италии" датировано 4 марта 1848 года. (632)

Стр. 254. ...в прошедшем году мы ехали с ним на одном пароходе из Генуи в Чивита-Веккию. - Герцен выехал из Парижа в Италию 21 октября 1847 года. По пути в Рим он посетил Геную. 27 ноября 1847 года прибыл в Чивита-Веккию.

Стр. 255. ...и рассказывал о революции в Новоколумбийской республике. - В 1810 году в Колумбии (Южная Америка) началось восстание против испанского владычества. В 1819 году Колумбия сделалась независимой и стала называться Федеративной республикой Великая Колумбия. Национально-освободительная война продолжалась до 1824 года.

Стр. 256. Это был герцог де Ноаль, родственник Бурбонов и один из главных советников Генриха V. - Описывая в четвертом письме из цикла "Опять в Париже" (часть ранней редакции "Писем из Франции и Италии") свое путешествие из Рима в Париж, Герцен также рассказывал о своем разговоре с "почтенным стариком", который там назван герцогом Роганом (см. А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, м. 1955, т. V, стр. 375). Герцог Роган (1789 - 1869) действительно принимал участие, как об этом пишет Герцен, в русском походе Наполеона. Установить, существовал ли герцог де Ноаль, близкий к претенденту на французский престол Генриху V (графу Шамбору), не удалось.

Стр. 257. ...они похожи на павловские медали с надписью: "Не нам, не нам, а имени твоему". - Речь идет не о "павловских медалях", а о медалях, учрежденных Александром I в память Отечественной войны 1812 года.

Выходя из парохода в Марсели. - Герцен приехал в Марсель в первых числах мая 1848 года.

...комиссар Временного правительства Демосфен Оливье. - Комиссаром Временного правительства в Марселе в департаментах Устья Роны и Вар был Эмиль Оливье, сын республиканца Демосфена Оливье. Здесь у Герцена явная ошибка памяти, так как в упоминавшемся выше четвертом письме из цикла "Опять в Париже" он называл комиссара правительства в Марселе правильно, Эмилем Оливье.

Романья - северо-восточная часть бывшей Папской области.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

...я прочел в газетах руанскую историю. - Герцен имеет в виду вооруженное выступление рабочих в Руане 27 - 28 апреля 1848 года в связи с победой контрреволюции на выборах в Учредительное собрание.

Стр. 258. ...с классической правильностью языка Портрояля и Сорбонны. Пор-Рояль - монастырь во Франции, ставший в XVII веке крупным центром просвещения и литературы. В 1660 году в монастыре была составлена К. Лансло и А. Арно "Всеобщая (633) и рациональная грамматика", которая стремилась установить классические основы искусства речи. Сорбонна - часть Парижского университета, в которую входил историко-филологический факультет.

Стр. 259. ...наступало 15 мая. - Народные массы Парижа выступили 15 мая 1848 года с требованием, чтобы Учредительное собрание послало французские войска на помочь польскому национальному восстанию в Пруссии. Народная демонстрация потерпела полное поражение. См. об этом в "Письмах из Франции и Италии", письмо девятое

Западные арабески. Тетрадь первая

Стр. 259. одного только недоставало - ближайшего аз близких. - См прим. к стр. 205.

Стр. 260. это было 21 января 1847 года. - Проводы Герхена у Червой Грязи состоялись 19 января 1847 г.

dp. 261. ...я видел неаполитанского короля, Мелленного ручным, и папу, смиренно просящего милостию народной любви. - В феврале 1848 года в Неаполе Герцен был свидетелем того, как неаполитанский король Фердинанд II, уступая требованиям восставших народных масс, обнародовал конституцию и согласился на образование либерального правительства. 2 января 1848 года в Риме Пий IX, стремясь вернуть себе любовь римлян, разъезжал по "улицам города, благословляя народ.

...Корсо покрыло народом. - Герцен описывает далее демонстрацию, возникшую в Риме 21 марта 1848 года в связи с известиями о революции в Вене и о восстании в Милане.

Новости пришли из Милана... идет с войском. - 18 марта 1848 года началась революция в Милане против австрийского господства в Ломбардии. Пятидневная борьба завершилась победой восставшего народа; австрийская армия бежала из Милана. Карл-Альберт, король Пьемонта, чтобы перехватить инициативу у народных масс и помешать развертыванию революционного движения, поспешил объявить Австрии войну.

Стр. 262. ...молодой римлянин, поэт народных песен - по-видимому, Джузеппе Бенай, уроженец Рима, друг Чичеровакко, автор народных песен, которые были очень популярны среди трудящегося населения Рима.

четыре молодые женщины, все четыре русские. - Речь идет о Н. А. Герцен, М. Ф. Корш, Н. А. Тучковой (Огаревой) и Е. А. Тучковой (Сатиной). (634)

...Макбет... заносил уже свою руку, чтобы убить "сон". - Макбет убил короля Дункана во время его сна, при этом ему почудился крик: "Рукой Макбета зарезан сон" (Шекспир, "Макбет", акт II, сцена вторая).

...My dream was past - it has no further change! - из стихотворения Байрона "Сон".

Стр. 264. ...пошли к Мадлене. - La Madeleine - церковь в Париже на площади того же названия.

...с глупой воронкой в петлице. - Имеется в виду нагрудный знак, который носили депутаты Учредительного собрания.

...Токвиль, писавший об Америке. - Посетивший в 1831 году Соединенные Штаты Америки Токвиль написал несколько работ о их государственном, политическом устройстве, а также о действующих там юридических законах.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Глава XXXVI

Стр. 271. При средствах, которые имел новый журнал, названный "Народной трибуной", - из него можно было сделать международный "Монитор" движения и прогресса. - Газета издавалась в Париже на французском языке под названием "La Tribune des Peuples". В составе ее редакции были поляки, французы, итальянцы, русские и представители других народов. Главным редактором был Адам Мицкевич. Финансируя издание польский эмигрант граф Ксаверий Браницкий. Первый номер вышел 15 марта 1849 года.

Журнал пошел плохо, вяло - и умер при избиении невинных листов после 14 июня 1849. - 13 июня 1849 года в "Трибуне народов" был помещен ряд воззываний, призывающих к выступлению против правительства Луи Бонапарта, пославшего французские войска в Италию для подавления Римской республики. В этот же день в Париже состоялась демонстрация протеста против политики Луи Бонапарта. Правительственные войска рассеяли демонстрацию. В Париже было введено осадное положение, все левые газеты были закрыты, в том числе и "Трибuna народов". Издание газеты возобновилось 1 сентября 1849 года, но 10 ноября этого же года прекратилось окончательно из-за полицейских репрессий.

..литератор - Жюль Лешевелье, один из членов редакции "Трибuna народов".

...в годовщину 24 февраля. - 24 февраля 1848 года в результате народного восстания во Франции была свергнута монархия.

Стр 271 - 272. Кто видел его портрет... снятый, кажется, с медальона Давида д'Анже. - Давид д'Анже познакомился с (635) Мицкевичем в 1829 году в Веймаре в доме Гёте. По просьбе Гёте д'Анже в 1829 году вырезал медальон Мицкевича, с которого и был выполнен его широко известный портрет.

Стр. 272. ...литературное движение после Пушкина он мало знал, остановившись на том времени, на котором покинул Россию. - А. Мицкевич находился в России с конца октября 1824 года до середины мая 1829 года, куда был выслан за участие в тайном патриотическом обществе "Филаретов" ("друзей добродетели"). За время пребывания в России Мицкевич сблизился с выдающимися деятелями русской литературы: Пушкиным, Рылеевым, Баратынским, Вяземским, Жуковским, Крыловым, Грибоедовым и др.

Стр. 273. ...на публичном обеде, данном Грановскому в 1843 году. - Герцен имеет в виду торжественный обед, данный Грановскому 22 апреля 1844 года в честь окончания его публичных лекций в Московском университете (см. об этом в гл. XXX "Былого и дум").

...ждал одного... имени... оно не замедлило явиться! - Герцен имеет в виду Луи-Наполеона Бонапарта.

...их снова поведет вперед один из членов той венчанной народом династии, которая... назначена вести революцию стройным путем авторитета и побед. - А. Мицкевич был идеально близок польской революционной демократии. В период революции 1848 года он проявил себя как революционер и демократ. Однако ему, как и ряду других деятелей польского национально-освободительного движения того времени, были свойственны наполеоновские иллюзии. Эти иллюзии особенно ярко сказались после избрания 10 декабря 1849 года президентом Франции племянника Наполеона I - Луи Бонапарта. В деятельности Наполеона I Мицкевич видел продолжение французской буржуазной революции. "Наполеон - это революция, ставшая законной властью. Это социальная идея, ставшая правительством", писал Мицкевич в статье "Бонапартизм и наполеоновская идея", опубликованной в "Трибуне народов" № 25 от 8 апреля 1849 года. В Луи Бонапарте Мицкевич видел продолжателя дела Наполеона I.

Стр. 274. ...этот журнал мог бы сделаться кладом для президента, чистым органом нечистого дела. - "Трибuna народов" не стала орудием в руках бонапартистской реакции, Мицкевич, несмотря на свои наполеоновские иллюзии, не сошел с революционного пути и публиковал в газете статьи, содержащие острую критику внутренней и внешней политики французского правительства, пропагандировал идеи революционного братства народов, социалистические идеи, призывы к революционному действию. (636)

Стр. 275. Мессианизм, это помешательство Вронского, эта белая горячка

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Товянского, вскружил голову сотням поляков и самому Мицкевичу. - Поражение восстания 1830 - 1831 годов породило среди польских эмигрантов мистические настроения, способствовало возникновению идей мессианизма - учения об особой роли "мученической Польши" в истории народов. Представителем польского мессианизма был Юзеф Вронский, математик и философ, автор книги "Мессианизм". Мессианистско-мистические настроения захватили и Мицкевича и вызвали его духовный кризис в 30-х и особенно в начале 40-х годов, когда он вступил в мистическую секту Андрея Товянского, авантюриста, прибывшего в 1840 году в Париж из Литвы. Однако даже в годы духовного кризиса в творчестве Мицкевича брали верх реалистические, революционные тенденции, которые все более укреплялись по мере нарастания революционной борьбы. Революция 1848 года пробудила Мицкевича и идеино приблизила его к польской революционной демократии.

...они сделали свою знаменитую кавалерийскую атаку в Сомо-Сиерра. - в 1797 году на территории Ломбардии под покровительством Наполеона I были созданы первые польские легионы. Наполеон использовал их в своих завоевательных походах, в частности в войне против Испании. В конце ноября 1808 года у ущелья Сомосьерра (Сомо-Сиерра); наполеоновские войска выиграли сражение благодаря усилиям польского уланского полка.

Он угас в Турции. - В связи с Крымской войной и вступлением в нее Англии и Франции у польских эмигрантов возникли надежды на восстановление Польши. Для реализации этих надежд было задумано создание польских легионов с помощью и на средства Англии и Франции. Эти легионы должны были входить в состав турецкой армии. Активную роль в осуществлении этих планов играла аристократическая эмиграция во главе с Чарторыйскими. Не разобравшись в истинных целях союзников, некоторые представители демократической эмиграции также приняли участие в создании польских легионов. В их числе был и Мицкевич, выехавший в сентябре 1855 года из Парижа в Константинополь. Здесь он заболел холерой и умер 26 ноября 1855 года.

Перед смертью он написал латинскую оду во славу и честь Людовика-Наполеона. - Одним из последних поэтических произведений Мицкевича была ода в честь Луи Бонапарта - "Ad Napo-leonem III - Caesarem Augustum ode in Bomersundum captum", написанная Мицкевичем в связи с взятием англо-французским флотом крепости Бомарзунд на Аландских островах. В этой оде снова проявились ошибочные наполеоновские иллюзии Мицкевича, обусловившие его надежды на освобождение польского народа из-под гнета русского царизма с помощью наполеоновской Франции.

Стр. 276. Моя мать поехала с одной знакомой дамой, лет двадцати пяти, в Сен-Клу. - Знакомая Луизы Ивановны Гааг - Четта Рейхель, первая жена Адольфа Рейхеля.

Стр. 277. Ville d'Avray - населенный пункт в живописной местности недалеко от Парижа.

Стр. 280. ...я ходил в Риме и в caffè delle Belle Arti. - "кафе изящных искусств", клуб либерального направления в Риме, где собирались писатели, художники и артисты.

Circolo Romano - "Римский клуб", помещался во дворце Бернини на улице Корсо. Организован был в марте 1847 года и объединял представителей либерального дворянства, финансовой и торговой буржуазии, стремившихся ограничить народное движение требованиями реформ. В марте и апреле 1848 года на его заседания широко приглашались иностранцы.

Circolo Popolare - "Народный клуб", возник в конце 1847 года. В его состав входили ремесленники и рабочие Рима; организатором клуба был Чичеровакко (Анджело Брунетти).

Стр. 281. ...как процесс чтения нравился Петрушке Чичикова. - См. Н. В. Гоголь, "Мертвые души", т. I, гл. III.

Стр. 282. ...Он поехал к Горцам." за инструкциями. - "Горцы" ("montagnards") - якобинцы 1793 года, занимавшие в парламенте верхние места на "Горе". В 1848 - 1849 годах монтаньярами называли сторонников Ледрю-Роллена в Учредительном собрании Франции.

Стр. 283. maison dor - название ресторана в Париже.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Консьержи – тюрьма в Париже.

Стр. 285. ...мы видели по версальскому процессу. – После разгрома демонстрации 13 июня 1849 года в Париже и ряда выступлений в провинции правительство Одилона Барро лишило депутатских мандатов, объявило государственными преступниками и предало суду – тридцать трех депутатов "Горы". Эмигрировавшие судились заочно.

Стр. 286. ...лионского восстания. – Восстание в Лионе 15 июня 1849 года было откликом на события 13 июня 1849 года в Париже.

Глава XXXVII

Стр. 290. ...на манер гранвильской иллюстрации. – По-видимому, имеется в виду иллюстрация Жана Жерара (псевдоним – Гранвиль) "La Lune peinte par elle même" из книги "Un autre monde par Grandville", Paris, 1844. (638)

Стр. 291. ...Рим пал под ударами французов. – Предлогом для французской интервенции послужило образование республики в Риме 9 февраля 1849 года и низложение светской власти папы. 25 апреля 1849 года французские войска под командованием генерала Удино высадились в порту Чивита-Веккио и двинулись к Риму. После героического сопротивления Римская республика пала. 3 июля 1849 года французские войска вступили в Рим.

. . . брат короля прусского – принц Вильгельм, командующий войсками интервентов, подавивших восстание в Бадене и Пфальце.

. . . она делалась Кобленцем революции 1848 года. – Кобленц – город в Германии, бывший центром феодально-монархической контрреволюционной эмиграции во время французской буржуазной революции конца XVIII века.

. . . Башарова следствия – работа следственной комиссии по делу о демонстрации 15 мая и июньском восстании 1849 года. Доклад этой комиссии в Учредительном собрании 3 августа 1849 года сделал Башар.

. . . баденские ополченцы – ушедшие от разгрома части баденской армии и народные ополченцы, которые защищались от нашествия прусских контрреволюционных войск.

. . . участники венского восстания. – 6 октября 1848 года в Вене вспыхнуло восстание в знак протesta против отправки австрийского экспедиционного корпуса для подавления революции в Венгрии. Против восставших была направлена семидесятитысячная армия во главе с Виндишгрецом. 1 ноября Вена пала.

. . . познанские и галицийские поляки. – Познань, Силезия и Галиция находились под властью Пруссии. Национально-освободительное движение особенно усилилось в этих областях в 1848 году. В марте 1848 года началось восстание в Познани, которое было подавлено 9 мая. 1 – 2 ноября произошло львовское восстание в Галиции.

Стр. 293. Mtt beddchtigem Schritt... – Герцен перефразирует две строки из баллады Шиллера "Перчатка".

. . . с видом бурша... вышедшего из фуксов. – Бурш – немецкий студент, входящий в студенческую корпорацию; фукс – студент, еще не принятый в нее.

Стр. 296 – 297. "Si omnes consentiunt..." подумал я а la Шуфтерле в шиллеровских "Разбойниках". – Цитируемые слова из "Разбойников" Шиллера (акт I, сцена 2) принадлежат не Шуфтерле, а Гримму.

Стр. 297. . .мы отправились к нему в Паки с Л. Спичи. – Паки – в середине XIX века пригород Женевы, расположенный на западном берегу Женевского озера, где жил Маццини с 22 июля (639) по 12 октября 1849 года, до переезда в Лозанну. Посещение Герценом Маццини и совещание у Гейнцена и Струве состоялось, видимо, между 1 и 18 сентября 1849 года.

Это был отважный сподвижник Гарибальди, защитник Vascello. – Во время революции 1848 – 1849 годов в Италии Джакомо Медичи сражался в рядах волонтеров Гарибальди в Ломбардии (1848) и в Риме (1849), возглавляя оборону виллы Жиро, именуемой Vascello, которая защищала подступы к западным воротам Рима. Отряды римских

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru волонтеров под командованием Медичи оказали упорное сопротивление численно превосходящим силам французов. Падение Vascello 30 июня 1849 года в значительной мере предопределило и капитуляцию Римской республики.

...товарищ Маццини по триумвирату, Марк-Аврелий Сафи. - 23 марта 1849 года Учредительное собрание римской республики создало центральный орган власти - триумвират - в составе: Маццини, Сафи и Армеллини, предоставив ему неограниченные права.

Стр. 298. ...Маццини в Женеве, как некогда папа в Авиньоне... сообщение со всем полуостровом. - Эмигрировав после падения Римской республики в 1849 году в Женеву, Маццини продолжал руководить революционными организациями в итальянских государствах, сохранил старые и налаживал новые связи с ушедшими в подполье деятелями национально-освободительного движения. Герцен сравнивает деятельность Маццини с деятельностью римских пап в то время, когда их резиденция была перенесена из Рима в Авиньон (1308 - 1377). Находясь за пределами Италии, в Авиньоне, римские папы располагали широкой разветвленной сетью агентуры в Италии и продолжали держать в своих руках нити ее управления.

...ок покрыл Италию сетью тайных обществ... шедших к одной цели. - Герцен дает здесь и далее обобщенную характеристику различных революционных организаций, созданных Маццини на протяжении более чем двух десятков лет, с 1831 по 1858 год. В 1831 году Маццини основал тайное общество "Молодая Италия", в 1848 - "Итальянскую национальную ассоциацию", в 1850 - "Итальянский национальный комитет" и, наконец, в 1853 - "Партию действия". Целью всех этих организаций была борьба за создание путем народного восстания независимой единой буржуазной республики в Италии.

...со времен Менотти и братьев Бандиера. - В 1831 году Менотти возглавил в Модене заговор, ставивший своей целью объединение Италии. Корону итальянского королевства Менотти предполагал вручить герцогу Моденскому Франциску IV, поддерживавшему вначале из своих династических интересов планы Менотти. Накануне выступления герцог предал заговорщиков, они были (640) арестованы, а Менотти по приказу герцога повешен. Для освобождения Италии от австрийского ига братья Бандиера организовали в 1841 году из числа итальянцев, служивших в австрийском флоте, тайное общество "Esperia", установили связь с Маццини и "Молодой Италией". 17 июня 1844 года братья Бандиера вместе с группой своих единомышленников высадились на побережье Неаполитанского королевства с целью поднять восстание против монархии Бурбонов, но были схвачены и расстреляны.

...Маццини, рукоположенного старцем Банароти, товарищем и другом Гракха Бабефа. - Участник коммунистического заговора Бабефа Буонарроти был одним из вождей карбонарского движения во Франции и Италии. Эмигрировав в 1831 году из Италии, Маццини вступил в Марселе в возглавляемую Буонарроти карбонарскую организацию итальянских революционеров "Arefasimeni". Буонарроти возлагал большие надежды на Маццини в деле обновления и реорганизации карбонарского движения. Сотрудничество Буонарроти и Маццини было недолговременным вследствие вскоре обнаружившихся программных и тактических разногласий

Стр. 299. ...два предпоследние опыта в Милане. - Первый "опыт", который имеет в виду Герцен, - Миланское восстание 6 февраля 1853 года. Восстание было подавлено австрийскими властями с большой жестокостью. Второй "опыт" по-видимому. неудавшаяся попытка организации восстания в Милане в сентябре октябре 1854 года.

Я не оправдываю плана, вследствие которого Пизакане сделал свою высадку... Вождь... падает первый... когти Бурбона. - Один из руководителей обороны Римской республики в 1849 году Карло Пизакане в 1857 году совместно с Маццини разработал план высадки революционной экспедиции в Неаполитанском королевстве. 25 июня 1857 года группа заговорщиков под руководством Пизакане отплыла на пароходе из Генуи и направилась в Сапри (западное побережье Неаполитанского королевства). Заговорщики не были поддержаны населением. Отряд заговорщиков был разгромлен силами жандармерии и армии монархии Бурбонов. Одним из первых погиб Пизакане. Оставшиеся в живых были схвачены і преданы суду.

Смерть Пизакане и смерть Орсини были два страшных громовых удара в душную ночь... впервые... отступил в Казерту... траурный кучер... покачнулся на козлах. - Герцен в образной форме высказывает мысль о том, что реакция, установившаяся в Европе после поражения революции 1848 - 1849 годов, была поколеблена актами

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru Шзакане и Орсини, и в первую очередь это коснулось двух романских стран Европы – Италии и Франции. "Вепрь" – неаполитанский король Фердинанд II. Казсрта – его замок; "траурный кучер" – Наполеон III.

Стр. 300. /. Mercantini "La Spigolatrice di Sapri". – в 1857 году вышло отдельным изданием стихотворение Меркантини Луиджи "Spigolatrice di Sapri" ("Собирательница колосьев на Сапри" посвященное трагической эпопее экспедиции Пизакане.

И я знал *bel capitano* и не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины. – Речь идет о Пизакане. Известно, что Герцен встречался с Пизакане в Генуе в июне 1852 года, после похорон Натальи Александровны.

Одни из друзей Маццини сблизились с Пиэмонтом, другие с Наполеоном. Герцен имеет в виду процесс размежевания, проходивший среди итальянских республиканцев в 50-х годах XIX века. Часть маццинистов (Медичи, Козенц и др.) порвала с Маццини и стала в ряды сторонников объединения Италии под властью короля Пьемонта – Виктора-Эммануила II. Другая часть маццинистов, попала под влияние бонапартизма, поддерживая версию о то^ГАС будто Наполеон III принесет освобождение Италии.

Манин пошел своим революционным проселком, составил расколы. – Манин Даниеле, будучи главой Венецианской республики (1848 – 1849), склонен был к политике компромиссов с либерально-монархическим лагерем и был противником развертывания революционной инициативы масс. После падения Венецианской республики Манин эмигрировал в Париж, где поддерживал отношения с итальянскими эмигрантами, противниками Маццини. В 1855 году он опубликовал обращение к пьемонтской монархии, в котором заявлял от имени республиканской партии Италии о ее готовности отказаться от республиканской программы и стать союзником Савойской династии, в случае если последняя направит свои усилия на создание единой и независимой Италии.

...Гарибальди... дал гласность письму, в котором косвенно обвинял его. Имеется в виду письмо, которое Гарибальди опубликовал в "Italia e Poro" 4 августа 1854 года. Причиной, побудившей Гарибальди выступить в печати, явилось то, что его имя связывали с потерпевшими неудачу выступлениями маццинистов в Луниджиане (территория, включавшая часть Модены, Пармы и Пьемонтского государства) и в Вальтеллинэ (Северная Ломбардия). В письме Гарибальди заявил, что он не одобряет подобного рода выступления, и предостерегал молодежь от увлечения "ложными доводами обманщиков или обманутых людей, которые, вызывая несвоевременные попытки, губят или по крайней мере дискредитируют наше дело". (642)

Стр. 303. Мещанство... представляется в Италии особой средой, образовавшейся со временем первой революции и которую можно назвать... пьемонтским слоем. – Под "первой революцией" Герцен подразумевает, по-видимому, французскую буржуазную революцию 1789 – 1794 годов. "Пьемонтским слоем" Герцен назвал итальянскую буржуазию потому, что в Пьемонте буржуазия была сильнее, чем где-либо в остальной Италии. Здесь ярче проявились те качества, на которые указал Герцен, – ее умеренный либерализм и страх перед революционным движением народных масс.

.. из летописей Гвичардини и Муратори. – Имеются в виду многотомные труды по истории Италии Франческо Гвичардини и Лодовико Антонио Муратори, которые использовали в своих работах итальянские хроники и архивные документы.

...Сиртори – поп-герой." дрался под градом пуль... в передовых рядах. Сиртори был духовным лицом, но затем отказался от сана и с первых же дней итальянской революции вступил в ряды волонтеров. В период блокады Венецианской республики австрийцами в 1848 – 1849 годах Сиртори находился в рядах ее защитников, сражаясь на важнейших участках военных действий.

...трасгеверишкие плебеи. – Трастевер – квартал в юго-западной части Рима на правом берегу Тибра, где жили рабочие и ремесленники. В период революции в Риме трудящееся население Трастевера было активным участником и защитником Римской республики.

С Гарибальди я... познакомился в 1854 году, когда он пршглы і из Южной Америки, капитаном корабля, и стал в Вестиндских доках. – Вынужденный после поражения революции 1848 – 1849 годов вторично эмигрировать в Америку, Гарибальди работал здесь вначале на фабрике, затем служил в торговом флоте, совершая дальние рейсы.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Во время одного из этих рейсов в феврале 1854 года он прибыл в Англию на
американском корабле "Commonwealth". Знакомство Герцена с Гарибальди состоялось
в Лондоне на обеде у американского консула Сондерса 21 февраля 1854 года.

...я отправился к нему с одним из его товарищей по римской войне. - Речь идет об Эрнесте Гауге, австрийском эмигранте, который сражался в рядах волонтеров Римской республики в 1849 году.

Стр. 304. ...белет - марка вина, которым славится Ницца.

...отступил после взятия Рима... и это возле тела своей подруги, не вынесшей всех трудностей и лишений похода. - После падения Римской республики в 1849 году Гарибальди с отрядом добровольцев предпринял попытку прорваться в осажденную Венецию, продолжавшую еще борьбу с Австрией. В пути погибла его жена, Анита, отважная спутница Гарибальди во всех его походах. Потеряв в неравных боях значительную часть своего отряда, Гарибальди вынужден был отказаться от своего плана и вновь эмигрировать из Италии.

Стр. 305. "Anna virumque cano!" - начальные строки "Энеиды" Вергилия.

...14 января 1858 года, в Rue Lepelletier. - Герцен указывает здесь дату покушения Орсими на Наполеона III на улице Лепел-Летье.

Таверино - герой одноименного романа Жорж Санд.

Стр. 306. ...едва спасшись от сардинских жандармов... бросают их под кареты. - Герцен сообщает здесь эпизоды из жизни Орсими. Весной 1854 года Орсими участвовал в подготовке задуманного Маццини восстания в Центральной Италии. Заговор потерпел неудачу, и Орсими с большим трудом удалось уйти от сардинской полиции. В июне 1854 года Орсими участвовал в подготовке новой экспедиции в Вальтельлину. В конце августа Орсими был арестован швейцарской полицией, но ему удалось бежать. В сентябре 1854 года Орсими опять принимает предложение Маццини о тайной поездке в Ломбардию с целью подготовки нового восстания в Милане. С октября по декабрь 1854 года Орсими под чужим именем совершает поездку по Ломбардии, Австрии и Венгрии. Во время этой поездки он был арестован австрийской полицией и заключен в Мантуанскую тюрьму. В конце марта 1856 года Орсими совершил необычайный по смелости и мужеству побег из тюрьмы. Приехав в Лондон, Орсими начинает готовить покушение на Наполеона III, занимаясь сам изготовлением бомб.

Стр. 307. Маццини так же принадлежит к, их семье... как Иоанн Прочида. - В современной Герцену исторической и политической литературе часто упоминалось имя Прочида. О нем писали как о человеке больших страсти и великих идей. Он был примером политического деятеля, умевшего любыми средствами добиваться своей цели. В образе Прочида Герцен видит черты, родственные Маццини.

Стр. 308. O divina Commedia! - или просто Commedia! в том смысле, как папа Киарамояти говорил Наполеону в Фонтенебло! - В январе 1813 года Наполеон Бонапарт посетил папу Пия VII (Луиджи Барнаба Киарамонти), находившегося в заключении в Фонтенебло. Во время свидания Наполеон добивался от папы согласия на подписание нового конкордата, подчинявшего католическую церковь власти французского императора и упразднившего светскую власть папы в Риме. Во время бесед Пий VII, вынужденный уступить требованию Наполеона, не без горечи говорил (644) о превратностях судьбы и о бренности всего земного, в том числе и светской власти папы.

...Медичи... служил в рядах христиносов. - С 1836 по 1840 год Медичи участвовал в гражданской войне в Испании на стороне христиносов либерально-буржуазной партии, группировавшейся вокруг регентши Марии Кристины, против которой подняли мятеж-сторонники Дон Карлоса (карлисты), представлявшие интересы феодально-клерикальных групп.

Стр. 310. Он из своего изгнания еще раз переходил Апеннини... прожил несколько недель в Болонье... ему надобно было действовать, приготовлять движение, ожидая новостей из Милана. - Герцен имеет в виду следующее событие. Когда готовилось восстание в Милане 6 февраля 1853 года, Маццини одновременно предполагал подготовить выступления и в Центральной Италии (Болонье). Был сформирован Верховный комитет в составе Саффи, Орсими и др. В конце января 1853 года Саффи

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru приехал в Сарцана, откуда перешел Апеннини и прибыл в Болонью 6 февраля 1853 года. Здесь он прожил до 15 февраля 1853 года, подготавливая восстание в Болонье и ожидая вестей из Милана. Неудача миланского восстания сняла вопрос о выступлении в Центральной Италии.

Стр. 311. ...Леопарди была последняя книга, которую читала, перелистывала перед смертью *Natalie*. - Это было, надо полагать, собрание стихов Леопарди, изданное в 1845 году.

Стр. 312. ...Клебер... возил в тачке землю с молодым, актером Тальмой, расчищая место для праздника федерации. - Весной 1790 года Национальное собрание дало разрешение на проведение в Париже праздника Федерации. Празднество было назначено на 14 июля - день годовщины взятия Бастилии. Население Парижа участвовало в постройке на Марсовом поле арены и скамеек. В этих работах в июле 1790 года участвовал и Тальма.

Deus ex machina - буквально: "бог из машины"; развязка вследствие вмешательства непредвиденных обстоятельств; в античной трагедии развязка благодаря вмешательству "бога", появлявшегося на сцене при помощи механических приспособлений.

Стр. 313. Тортони - кафе в Париже.

Французы сделали свою вероломную высадку в Чивита-Веккии и приближались к Риму. -- См. прим. к стр. 291.

Стр. 314. ...Кернеровы песни. - Патриотические песни немецкого поэта Карла Теодора Кернера, переложенные на музыку Вебера, имели огромный успех во время освободительной борьбы против Наполеона Собрание этих песен под названием "Leier und Schwert" вышло в 1814 году. (645)

... давались... драматические торжества для Гёте - в Веймаре. - Гёте был директором Веймарского театра с 1791 года; здесь были поставлены почти все его пьесы.

Стр. 317. После дрезденского дела. - В мае 1849 года М. Бакунин руководил восстанием в столице Саксонского королевства - Дрездене, за что был арестован и приговорен саксонским судом к повешению. Через некоторое время казнь была заменена пожизненным заключением.

Глава XXXVIII

Стр. 325. В 1849 году я знал одну радикальную Швейцарию... которая... в 1847 году подавила Зондербунд. - Борьба за ликвидацию феодальных отношений и политическую централизацию развернулась в Швейцарии в 30 - 40-х годах XIX века. Революционные выступления крестьян, рабочих и ремесленников привели к демократическим преобразованиям в большинстве кантонов. В 1830 - 1831 годах в одиннадцати кантонах были введены новые конституции демократического и либерального характера. Это повело к образованию в 1845 году Зондербунда союза остальных семи католических кантонов, целью которого была борьба против централизации власти и защита прав католической церкви. В июле 1847 года федеральное правительство, придерживавшееся буржуазно-радикального направления и опиравшееся на передовые кантоны, издало указ о роспуске Зондербунда. Зондербунд объявил войну федеральному правительству. 23 ноября 1847 года отряды Зондербунда были разбиты.

...жалкую роль, которую оно играло перед реакционными соседями. Правительства Франции, Австрии, Пруссии и других соседних государств вмешивались во внутренние дела Швейцарии, осуществляя через своих агентов полицейские функции на ее территории. Швейцарское федеральное правительство изгоняло революцией иных итальянских, французских и немецких эмигрантов, поселившихся на территории Швейцарии после поражения революции 1848 года, по первому требованию реакционных правительств этих стран.

Стр. 327. Бриарей - сторукий великан греческой мифологии.

Стр. 328. Каруж - пригород Женевы.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 332. ...18 брюмера (9 ноября 1799 г.) - государственный переворот во
Франции, совершенный Наполеоном Бонапартом и приведший к установлению военной
диктатуры в форме консульства, а затем (с 1804 г.) - империи Наполеона I. (646)

Стр. 336. ...стенторским голосом. - О феноменально сильном голосе Стентора см.
Гомер, "Илиада", песнь V, строки 785 - 786. Это уж из "Волка и овцы". -
По-видимому, Герцен имеет в виду басню Лафонтена "Волк и овца".

Стр. 337. Потир - чаша для причастия.

Стр. 339. ..."незабвенный" император - Николай I.

Стр. 341. ...близок с ним! - Имеется в виду Георг Гервег.

Стр. 342. ...я и товарищ, ехавший со мной в Церматт. - Эта поездка Герцена
состоялась в сентябре 1849 года. "Товарищ" - Г. Гервег.

Стр. 345. Гюго где-то описывает "что слитно на горе" - Имеется в виду
стихотворение В. Гюго "Ce quon entefld sur la montagne" ("что слышится на горе")
из книги "Les feuilles d'automne" ("Осенние листья").

Западные арабески. Тетрадь вторая

Стр. 347. Революция пала, как Агриппина, под ударей сеоун детей Агриппина
Младшая в 59 году была убита по приказу своего сына, римского императора Нерона.

Стр. 349. ...Вольтер, благословлявший Франклинова внука во имя бога и свободы. -
Бенжамен Франклайн был во Франции с внуком и просил Вольтера благословить
последнего. Вольтер сказал:

"Бог и свобода - вот единственный девиз, достойный внука Франклина".

Davus sum, поп Aedipus! - из "Andria" Теренция, акт I, сцена 2. Davus обычное
имя раба. Aedipus - главное действующее лицо трагедии Софокла "Царь Эдип". Его
имя стало нарицательным для ловкого отгадчика. Смысл фразы: я раб, а не
отгадчик.

Стр. 350. ...Сиэс был больше прав, чем думал, говоря, что мещане - "все". - В
своей брошюре "Quest ce que le tiers etat?" ("Что такое третье сословие?") Сийес
доказывал, что буржуазия должна стать в государстве всем.

Стр. 351.... переродиться в нового Ионатана - шуточное название
североамериканцев.

Представьте себе оранжерейного юношу, хоть того, который описал себя в "The
Dream". - В стихотворении "Сон" Байрон описал некоторые эпизоды из своей жизни.

Стр. 352. "ffeca меня куда хочешь - только в даль от родины" - вольный перевод
стихов- Байрона из поэмы "Паломничество Чайльд-Гарольда" (песнь первая). (647)

...ни в Равенне, ни в Диодати. - В Равенне (Италия) Байрон жил в 1819 году, на
вилле Диодати (побережье Женевского озера) - в 1816 году.

...прозвучит всему - sie ist gereitet - см. Гёте, "Фауст", часть I, эпилог.

Стр. 354. Три. года назад я сидел у изголовья больной... Эта жизнь была все мое
достояние. - Н. А. Герцен умерла 2 мая 1852 года.

...как дети судят по "Orbis pictus" о настоящем мире. - Герцен имеет в виду
книгу Амоса Коменского "Orbis sensualium Pictus" ("Мир в картинках").

Стр. 357. Saliis populi - или Salus publica supremalex - общее благо принцип,
сформулированный римскими юристами, в силу которого частные интересы должны
уступать общественным.

...chacun pour sol - принцип буржуазного права.

Стр. 358. ...истекает из народных основ англо-саксонского Common law обычного
Страница 107

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru права, действовавшего главным образом в феодальную эпоху. В Англии в законодательстве сохранялись некоторые нормы обычного права.

...как оба английские парламента. - Герцен имеет в виду две палаты английского парламента: палату лордов (верхнюю) и палату общин (нижнюю).

Стр. 361. ...Прими сей череп - он... - начальные строки "Послания Дельвигу" Пушкина. У Пушкина: "Прими сей череп, Дельвиг, он..."

Стр. 362. "Ruysch e Ie sui mummies. - Речь идет о произведении Леопарди, посвященном известному голландскому анатому Фредерику Рейшу (Рюиш), прославившемуся особым способом бальзамирования трупов, создавшему анатомический музей, большинство экспонатов которого в 1717 году купил Петр 1.

Глава XXXIX

Стр. 366. E tiene ancor del monte et del macigno - строка 63-я песни пятнадцатой "Ада" из "Божественной комедии" Данте.

Стр. 368. ...а другой, переведенный в Рим. - Герцен имеет в виду русского посланника во Франции Н. Д. Киселева, который за неудачную попытку привлечь Наполеона III на сторону России во время дипломатической подготовки Крымской войны был отозван в 1854 году из Парижа; с 1855 года - посланник при римском и тосканском дворах. (648)

Глава XL

Стр. 381. ...к 2 декабря. - Имеется в виду государственный переворот Луи Бонапарта, совершенный 2 декабря 1851 года.

Германия лежала у ног Николая, куда ее стащила несчастная, проданная Венгрия. - Предпринимая в 1849 году военную интервенцию в Венгрию с целью подавления революции, Николай I стремился также укрепить позиции Австрии в Европе, помешать тем самым установлению прусской гегемонии в Германии и объединению страны. Предательство главнокомандующего венгерской армией Гергеля определило успех царской армии в Венгрии и обеспечило торжество политики Николая I в Германии.

...Маццини заводил в Лондоне с Ледрю-Ролленом и Руге центральный европейский комитет. - В июле 1850 года Маццини создал Европейский центральный демократический комитет, целью которого было объединение эмигрантов европейских государств для освобождения угнетенных национальностей и создания союза европейских народов. Программа комитета, написанная Маццини, представляла собой замаскированную фразами о равенстве, братстве, свободе, прогрессе, сотрудничестве, примирении интересов всех партий и классов защиту "интересов одной партии - буржуазной".

Стр. 382. ...Год спустя, в Ницце, явился ко мне Орсини, отдал программу, разные прокламации европейского центрального комитета и письмо от Маццини с новым предложением. - Орсинц явился в Ницце к Герцену не год спустя, как пишет Герцен, а несколько месяцев спустя, так как переговоры Герцена с Маццини происходили в Париже в мае 1850 года, а письмо Герцена к Маццини с ответом на вторичное предложение об участии в Европейском центральном комитете было написано Герценом 13 сентября 1850 года.

...биллем, или предложением приостановить *habeas corpus* - английские законы об иностранцах и о неприкосновенности личности.

Стр. 385. ...Маццини отвечал несколькими дружескими строками. - О письме Маццини в "Полярной звезде" была сноска:

"Письмо это со множеством других документов я сжег в декабре

1851 г., боясь домового обыска". По-видимому, боязнь обыска возникла у Герцена в связи с тем, что он был близко знаком с жившими в Ницце итальянцами и французскими эмигрантами, которые после государственного переворота 2 декабря 1851 года во Франции предприняли попытку поднять восстание на юге Франции против Наполеона III в защиту республики. У Герцена были основания опасаться, что полиция Пьемонта может возбудить против (649) него дело, тем более что в июне

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru 1851 года местные власти в Ницце уже пытались его выслать.

...комитет Николая Павловича - то есть III отделение.

Стр. 387. ...не хотел ехать в Петропавловские кельи отца Леонтия. Казематы Петропавловской крепости с 1839 года находились в ведении управляющего III отделением Леонтия Васильевича Дубелма.

Евпатории 9 легких Николая Павловича. - Герцен связывает смерть Николая I (18 февраля 1856 г.), последовавшую по официальной версии от воспаления легких, с поражением русских войск под Евпаторией 5 февраля 1865 г.

Стр. 390. ...от методы аббата Леле. - французский филантроп Леде разработал метод обучения глухонемых - посредством алфавита жестов.

- проезжал черва Цюрих. - Герце" проезжал через Цюрих во второй половине декабря 1849 года по пути из Женевы в Париж.

Сер. 395. Отец Фовта - чрезвычайно даровитый профессор медицины в Берне. Филипп-Фридрих-Вильгельм Фогт, профессор меддик сначала в г. Гисеяе, где и родился Карл Фогт, а затем в г. Берне (Швейцария).

...тугендбундов - буквально: "союз добродетели" - политическое общество, возникшее в Германии в 1808 году с целью борьбы с Наполеоном во время ее оккупации французами. Вело патриотическую пропаганду. В 1809 году было официально распущено по приказу Наполеона.

Буршенштафт - политический "Всеобщий студенческий союз", организован в 1818 году в г. Иене.

Один фоллен был брошен в тюрьму за Вартбургский праздник в память Лютера. - Антиреакционная демонстрация, состоявшаяся 18 октября 1817 года, заключалась в символическом сожжении реакционных сочинений. В этой демонстрации участвовал Август Фллен.

Стр. 397. ...творение Гайдна - оратория Гайдна "Сотворение мира".

Стр. 309. ...дттовские слова. - *vQui e: faomo felice* - строка 75-й песни тридцатой "Чистилища" из "Божественной комедии" Данте.

...своше товараше по парламенту *in der Pouts Kirvhe*. - Заседания избранного после мартовской революции Общегерманского Национального собрания (так называемого франкфуртского парламента), членом которого был Карл Фогт, происходили в соборе св. Павла (Франкфурт-на-Майне).

Стр. 400. ...лж стал в самый радикальный ряд. - Во Франкфуртском парламенте Карл Фогт принадлежал к демократической (660) левой группировке, возглавленной Робертом Блюном. Эта по преимуществу мелкобуржуазная группа не была последовательно республиканской, так как она хотя и выступала за превращение Германии в федеративную республику, но считала возможным сохранение монархического строя в некоторых немецких государствах.

...короля прусского - Фридриха-Вильгельма IV.

...Фогт с четырьмя товарищами были выбраны на его место. - По предложению умеренных демократов Национальное собрание заменило оставшихся во Франкфурте-на-Майне имперского правителя эрцгерцога Иоганна и Центральное правительство регентством из пяти членов (кроме Фогта - Раво, Симона, Шюлера и Бехера).

Стр. 403. ...ог Пия IX "с незапятнанным зачатием". - Герцен иронизирует по поводу доклада, провозглашенного Пием IX в 1854 году о непорочном зачатии святой девы.

...до Маццини с "республиканским iddio". - Герцен имеет в виду демократический характер религиозных воззрений Маздини, утверждавшего, что единственным истолкователем божественных законов на земле является народ. Своим лозунгом "Бог и народ" Маццини хотел противопоставить бога папе, а народ князьям. В противовес

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru папской власти и монархическому правлению он вы" двигал требование учреждения народного правления - республики.

Стр. 404. ...Карл Смелый... смерть и имя которого... послужили... для замены имени Вильгельма Телля в российской опере. - Проникнутая освободительными настроениями опера Россини "Вильгельм Телль" по требованию цензуры ставилась на австрийской и русской сценах под названием "Карл Смелый" с измененным сюжетом, для которого использовалась история бургундского герцога (XV в.) Карла Смелого, погибшего в бою с швейцарцами под Муртеном во фрейбургском кантоне. В России "Вильгельм Телль" был поставлен по новому, измененному либретто Р. М. Зотова.

Стр. 405. ...Людовик. Бонапарт - гражданин Турции и Александр Николаевич - барон дармштадтский. - Луи-Наполеон, будущий император Наполеон III, эмигрировав в молодости в Швейцарию, получил там подданство. Что касается Александра II, то Герцен имел в виду его женитьбу на принцессе Марии Дармштадтской.

Сердце Азелио чуяло, верно, что я... читал его "La Disfida di Barletta". Председатель совета министров Пьемонтского королевства с 1849 по ноябрь 1852 года Азелио был известен как романист. Его первый роман "La Disfida di Barletta" ("Барлеттский турнир"), (651) изданный в 1833 году, читал Герцен, находясь в Крутицких казармах в сентябре 1834 года.

...роман "и не классический и не старинный"... - перефразированный стих из поэмы А. С. Пушкина "Граф Нулин".

Стр. 405 - 406. ...прежде... надобно было прислать посланника, а Николай все еще дулся за мятежные мысли Карла-Альберта. - За королем Пьемонта Карлом-Альбертом утвердилась репутация "мятежника". В ранней юности, будучи еще принцем Караиньянским, он проявлял некоторый интерес к карбонарскому движению и был весьма отдаленно причастен к революции 1821 года в Пьемонте, которую он затем предал. В 1848 году Карл-Альберт дал конституцию Пьемонту "Статут 4-го марта" - и объявил войну Австрии. Хотя эти действия были предприняты Карлом-Альбертом в антиреволюционных целях, чтобы захватить инициативу и подавить революционное движение, о чем он не замедлил конфиденциально сообщить Николаю I, тем не менее Николай I в 1848 году порвал дипломатические отношения с Пьемонтом и не восстановил их после отречения Карла-Альберта в 1849 году и воцарения Виктора-Эммануила II. Поэтому Россия и не имела в 1851 году посланника в Пьемонте.

Стр. 406. Несколько дней до моей высылки в Ницце было "народное волнение"... к его правам, "начертанным на скрижалях истории". - Герцен в нескольких строках раскрывает истинную подоплеку событий, имевших место в Ницце в конце мая 1851 года. Причиной "волнений" явилось обсуждение в пьемонтском парламенте в последней декаде мая 1851 года вопроса об отмене порто-франко (права беспошлинного ввоза и вывоза товаров) для Ниццы в связи с введением в Пьемонте единого таможенного тарифа, обусловившего ликвидацию старинных монополий и привилегий. Граф Авигдор - представитель торгово-банкирских кругов Ниццы в пьемонтском парламенте, которым отмена порто-франко для их города была невыгодна, предпринял попытку инсценировать "народное волнение" с тем, чтобы провалить в парламенте обсуждавшийся законопроект.

Авигдора, этого Оконнеля Пальоне. - Герцен иронически называет Авигдора именем Оконнеля - известного борца за независимость Ирландии в середине XIX века.

...уехал в Париж. - Герцен выехал из Ниццы 3 или 4 июня 1851 года.

Валерио... в своей интерpellации и требовал отчета, почему меня выслали. Запрос в пьемонтском парламенте был сделан Валерио 10 июня 1851 года. (652)

Стр. 407. В Турине я пошел к министру внутренних дел; вместо него меня принял его товарищ... граф Понса де ла Мартино. - Министром внутренних дел в правительстве Азелио в 1851 году был Гальваньо. Граф Понса ди С. Мартино один из наиболее реакционных чиновников в правительстве Азелио, руководил кампанией преследования политических эмигрантов в Пьемонте и итальянских эмигрантов в Швейцарии.

...видите, мы еще ученики, не привыкли к законности, к конституционному порядку. - Имеется в виду, что конституция в Пьемонте была провозглашена 4 марта 1848

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru года, таким образом, срок ее действия был еще непродолжителен.

Глава XLII

Стр. 412. Один старец Ламенне... мрачно сказал народу: "А ты молчи... право на слово!" - После подавления июньского восстания Учредительное собрание приняло ряд законов против демократической и социалистической прессы. Для издания газет восстанавливалось требование денежного залога - двадцать пять тысяч франков. Это привело к закрытию многих демократических газет, для которых такой залог был непосильным. Ламеннэ, закрывая свою газету "Le Peuple Constituant", писал в последнем ее номере, 11 июля

1848 года: "Ныне нужно иметь золото, много золота, чтобы иметь право говорить. Мы же недостаточно богаты. Бедняки должны молчать!"

Стр. 413. Прудон был под судом, когда журнал его остановился после 13 июня. - В марте 1849 года Прудон был привлечен к судебной ответственности за свои статьи против президента Луи-Наполеона. Приговоренный 28 марта судом к трехгодичному тюремному заключению, Прудон уехал в Бельгию, но в начале июня 1849 года тайком вернулся в Париж. 6 июня 1849 года он был арестован и заключен в тюрьму. После провала организованного мелкобуржуазными демократами выступления 13 июня

1849 года газета Прудона "Le Peuple", как и ряд других демократических газет, была закрыта.

Э. Жирарден был не прочь их дать... Сазонов предложил мне внести залог. Сведения Герцена о готовности Жирардена дать Прудону деньги для залога за "La Voix du Peuple" были недостоверными. Источником для этих сведений послужили близкие в то время к Прудону друзья и знакомые Герцена - Хоецкий (Шарль Эдмон) и Сазонов, которые и подсказали Прудону мысль об обращении к Герцену за денежной помощью для издания новой газеты. Прудон действительно обратился сперва за денежной помощью к (653) Жирардену. Обращение это не было случайным, поскольку после февральской революции 1848 года идеино-политические позиции Прудона и Жирардена нередко сближались. Однако Жирарден вовсе не выразил согласия финансировать затеваемую Прудоном газету. Около двух недель он хранил молчание. Обращение Прудона одновременно и к Герцену объяснялось, по-видимому, тем, что в поисках залога для своей новой газеты Прудон действовал сразу в нескольких направлениях. Весьма определенный, хотя и косвенный; ответ Жирардена последовал в виде резко враждебных Прудону статей, опубликованных газетой "La Presse" 9 - 11 июля 1849 года, в которых Прудон обвинялся в заигрывании с реакционно-монархическим лагерем, с Луи-Наполеоном и легитимистами.

...поставив в своих "Противоречиях" эпиграфом: "Destruam et aedificaba". Герцен приводит эпиграф к сочинению "Система экономических противоречий, или Философия нищеты", взятый Прудоном из евангелия.

Стр. 414. ...Пьер Леру и Консiderан, не понимают ни его точки отправления, ни его метода. - На протяжении 1848 - 1851 годов между Прудоном и представителями других направлений мелкобуржуазного утопического социализма неоднократно вспыхивали острые споры по различным идеологическим и политическим вопросам. Фурьеисты подвергали критике "диалектическую" софистику Прудона и его частнособственнические реформаторские проекты, П. Леру - его антигосударственные идеи и критику религиозной сентиментальности. В свою очередь Прудон обрушивался на фурьеизм и мистический социализм Леру язвительной критикой.

Стр. 416. ...маленькой республикой - кашек на буржуазную республику 1848 1851 годов. Называя ее "маленькой", Герцен иронически подчеркивал ее буржуазно-консервативный характер, враждебность трудящимся массам, ее отличие от якобинской республики времен великой буржуазной революции конца XVIII века.

...маленьких Наполеоном. - Имеется в виду Наполеон III. Эпитет "маленький" взят Герценом из направленного против Наполеона III памфлета В. Гюго "Наполеон маленький" ("Napoleen le Petit").

Сам Прудон... срезался на Народном банке. - В ноябре 1848 года Прудон опубликовал проект создания "Народного банка", построенного на принципах "дарового кредита" и "безденежного обмена" продуктов труда ремесленников и рабочих производительных ассоциаций. Пропаганда этого проекта нашла некоторый

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru отклик у ремесленных рабочих и у производительных рабочих ассоциаций, руководимых дуиблановцами и фурьеристами, особенно же среди (654) лавочников, владельцев ремесленных мастерских и мелких промышленников, задыхавшихся под бременем долгов и ростовщического кредита. К, началу апреля 1849 года на "акции" прудоновского банка подписалось около двадцати тысяч человек. Тем не менее "Народный банк" практически так и не был создан из-за начавшихся между учредителями банка разногласий в толковании его целей и задач. В начале апреля 1849 года Прудон неожиданно объявил о ликвидации "Народного банка". Предлогом для своего решения Прудон избрал приговор, осудивший его на три года тюремного заключения, что сделало якобы невозможным личное руководство Прудона "реформой кредита". Замечание Герцена свидетельствует о том, что он никогда не давал себя обмануть этими объяснениями Прудона и, критически относясь к его реформаторской деятельности, отчетливо видел ее провал.

Я помню сочинения Прудона, от его рассуждения о собственности до "Биржевого руководства". - Имеются в виду сочинения Прудона, начиная от "что такое собственность, или Изыскания о принципе права и государства" до "Руководства биржевого игрока".

...свистать тот же дуэт а toll-ный, как Платон Михайлович в "Горе от ума". - См. А. С. Грибоедов, "Горе от ума" (действие 3, явл. 6).

...от диссертации, написанной на школьную задачу безансонской академии. В 1838 году Прудон был зачислен на одну из стипендий безансонской академии, что дало ему возможность в течение трех лет продолжать самообразование. В качестве стипендиата этой академии Прудон принял в следующем году участие в объявленном ею конкурсе сочинений на тему: "О пользе празднования воскресенья". Он написал на эту тему ученический трактат, в котором пытался критически рассмотреть проблемы собственности. В этом трактате Прудон говорил о "равном для всех праве на жизнь и развитие" и называл собственность "последним из ложных богов".

....до недавно вышедшего *carmen horrendum* биржевого распутства. - Герцен, по-видимому, имеет в виду вышедшее в 1857 году пятое издание сочинения Прудона "Руководство биржевого игрока". Первые два издания этой книги (1853 и 1854 гг.) вышли анонимно, и только начиная с третьего издания (1855) цензура разрешила поставить фамилию ее автора.

...тот же порядок мыслей... идет а через "Противоречия" политической экономии, и через его "Исповедь", и через его "журнал" - Кроме "Системы экономических противоречий, или Философии нищеты" Герцен имеет здесь в виду сочинение Прудона "Испо(655)ведь революционера" и серию газет, которые редактировал Прудон в 1848 - 1851 годах.

...The deep slumber of a decided opinion - цитата из второй главы сочинения Стюарта Милля "On Liberty".

Стр. 417. ...не место было Прудона в Народном собрании... в этом, мещанском вертепе. - На парижских дополнительных выборах в Учредительное собрание в июне 1848 года Прудон был избран депутатом. Учредительное собрание в своей подавляющей части состояло из буржуазных республиканцев и перекрасившихся вчерашних монархистов.

...Маррастовой конституции, этому кислому плоду семимесячной работы семисот голов. - Имеется в виду конституция французской республики, принятая Учредительным собранием в ноябре 1848 года. В разработке проекта этой конституции активнейшую роль играл председатель Учредительного собрания Марраст. Конституция 1848 года была отмечена многими реакционными чертами, одной из которых было учреждение поста независимого от парламента главы государства и правительства - президента республики, избираемого голосованием всех избирателей. Прудон голосовал в Учредительном собрании против проекта конституции.

Парламентская чернь отвечала... в сумасшедший дом! - Герцен имеет в виду обсуждение в Учредительном собрании 31 июля 1848 года внесенного Прудоном утопического законопроекта, предусматривавшего обложение движимого и недвижимого имущества единовременным налогом в размере одной трети доходов от него. Предложение Прудона привело в бешенство буржуазное большинство собрания и буржуазную печать. Маркс отмечал, что выступление Прудона в защиту своего

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru проекта было "...актом высокого мужества" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 28), хотя оно и обнаружило, "...как мало понимал он все происходящее...". Основным оппонентом Прудона выступил Тьер. Учредительное собрание отвергло проект Прудона (за него было подано лишь два голоса, из них один самого Прудона), как подстрекательство против собственности и "гнусное покушение на принципы общественной нравственности".

Стр. 418. ...на тысячу ладов повторял он... "это не Катилина у ворот ваших, а смерть". - Эти слова Прудона неоднократно приводились Герценом в его работах, посвященных революции 1848 года. В судьбах этой революции и в торжестве бонапартистской контрреволюционной диктатуры Герцен видел полное подтверждение пророческих слов Прудона. Прудон написал их в заключении своей статьи "Философия 10 марта", опубликованной в "La Voix du Peuple" 29 марта 1850 года. Однако фраза Прудона о Катилине (656) и "смерти" отнюдь не звучала пророчеством о неизбежной гибели республики во Франции. Наоборот, заключительные слова статьи Прудона выражали надежду на то, что гибели республики можно избежнуть и что предотвратить ее катастрофу может именно демократия, причем по сути дела - формальная демократия всеобщего избирательного права, демократия классового мира и классового сотрудничества буржуазии и пролетариата.

Стр. 419. "Объявления прав человека". - Подразумевается основной программный документ французской буржуазной революции конца XVIII века "Декларация прав человека и гражданина".

Стр. 421. Lohn, der reichlich lohnet - строка из баллады Гёте "Der Sanger" ("Певец").

Стр. 423. Прудон из своей тюремной кельи мастерски дирижировал своим оркестром. - Прудон руководил газетой "La Voix du Peuple", находясь в тюрьме, где он отбывал трехгодичное тюремное заключение по приговору от 28 марта 1849 года.,

Мой ответ на речь Донозо Кортеса. - Герцен имеет в виду свою статью "Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас...", опубликованную в газете "La Voix du Peuple" 18 марта 1850 года. Статья Герцена была ответом на речь испанского политического деятеля в Законодательном собрании в Мадриде 30 января 1850 года, в которой он проповедовал католицизм как единственное спасение от социализма и подвергал критике учение Прудона, видя в нем крайнее воплощение всех отрицательных черт современной цивилизации.

...раз я застал у него в С.-Пелажи ДАЛЬТОН-ШЕ и двух из редакторов. Поскольку данное свидание запечателось в памяти Герцена по критическим замечаниям, которые высказал в его присутствии ДАЛЬТОН-ШЕ в адрес "La Voix du Peuple", и по реакции Прудона на эту критику в виде решения написать статью, "чтобы загладить дурное действие" слабых последних номеров газеты, - встреча эта могла происходить либо в конце января, либо в самом начале февраля 1850 года, так как указанная статья Прудона "Vive L'Empereur!" была опубликована в "La Voix du Peuple" 5 февраля 1850 года.

Стр. 424. Сверх нового процесса правительство отомстило по-своему Прудону. - Память Герцена не совсем точно сохранила относящиеся к этому эпизоду факты. По поводу статьи "Да здравствует император!" власти действительно предпринял следствие и подвергли Прудона заключению. Но до нового судебного процесса над Прудоном дело тогда не дошло, поскольку Прудон дал указание своей газете выступить против империи под лозунгом "ни красной, ни белой реакции" и обратился к парижскому префекту (657) Карлье с письмом, где просил не предпринимать против него нового судебного процесса, обещая впредь воздержаться от всякой критики правительства и посвятить себя всецело "научным проблемам". Но 19 апреля 1850 года, в разгар избирательной кампании по дополнительным выборам в Законодательное собрание, Прудон опубликовал статью под заглавием: "Выборы 28 апреля. К парижской буржуазии", в которой призвал парижскую буржуазию голосовать на предстоящих выборах за кандидата демократическо-социалистического блока, писателя Э. Сю. Номер газеты со статьей Прудона был конфискован и против него были выдвинуты новые обвинения. На следующий день, 20 апреля, он был переведен из Парижа в крепостную тюрьму Дулланс, в департамент Соммы Судебный процесс Прудона в связи со статьей "Выборы 28 апреля" состоялся 13 июня 1850 года, - уже после закрытия властями газеты "La Voix du Peuple". Присяжные вынесли ему оправдательный приговор.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 424. ...Гонимый Прудон... сделал усилие издавать "Voix du Peuple" в 1850; но этот опыт был тотчас задушен. - Речь идет о газете "Le Peuple de 1850", которую Прудон и его единомышленники издавали после закрытия газеты "La Voix du Peuple". Издаание "Le Peuple de 1850" продолжалось недолго. Первый номер газеты вышел 15 июня 1850 года, а 13 октября того же года газета прекратила существование.

Последний раз я виделся с Прудоном в С.-Пелажи, меня высыпали. из Франции... два года тюрьмы. - Описываемая Герценом встреча с Прудоном могла иметь место лишь в июне 1850 года до конца мая 1850 года Прудон еще содержался в провинциальной тюрьме Дулланс и был отправлен оттуда в Париж не ранее 27 мая. Герцен, получивший 24 апреля 1850 года распоряжение полиции о своей высылке из Франции, выехал около 20 июня из Парижа в Ниццу. Место данной встречи Герцен явно запамятовал и, вероятно, спутал с местом предшествующей своей встречи с Прудоном.

Стр. 425. ...Кромвеля, смеющегося над Крупионом. - Имеется в виду отношение Кромвеля к Долгому парламенту, созданному королем Карлом I Стюартом в начале буржуазной революции XVII века и ставшему затем ее законодательным органом. После казни короля и провозглашения республики остатки Долгого парламента, прозванного в народе "огузком" (по-французски *croupion*), утратили всякое политическое значение и были с позором разогнаны в 1653 году О. Кромвелем.

...в 1851 году... он был отослан в какую-то центральную тюрьму. - Здесь воспоминания Герцена неточны. В 1851 году Герцен был в Париже в период с 8 по 25 июня. Прудон в это время содержался в Консьержри и никуда оттуда не переводился до 18 сентября

1851 года, когда, по его просьбе, он снова был перевезен в Сен-Пелажи.

Через год я был проездом и тайком в Париже, Прудон тогда лечился в Безансоне. - Герцен был в Париже с 20 по 25 августа

1852 года. Прудон, незадолго до того освобожденный из тюрьмы (5 июня 1852 г.) после отбытия срока заключения, находился с семьей на родине, где отдыхал и лечился.

Стр. 426. ...одичалая Франция снова осудила его на три года тюрьмы. Книга Прудона "О справедливости в революции и в церкви" была по выходе в свет в 1858 году конфискована, а он был привлечен к ответственности за "оскорбление духовенства и осквернение религии". Суд приговорил Прудона к трем годам тюремного заключения. Прудон эмигрировал в Бельгию, где проживал до 1862 года.

..."Every inch" - выражение из трагедии Шекспира "Король Лир"; в смысле "Король с головы до ног".

...*in medias res* действительности. - Гораций, "Ars poetica" ("Искусство поэзии"), стих 149.

Стр. 429 - 430. "Голландия не погибнет, - сказал Вильгельм Оранский... Спустим плотины" - эпизод из истории нидерландской буржуазной революции XVI века, когда Нидерланды вели освободительную борьбу против испанского владычества.

Стр. 431. ...какую-то мандаринскую иерархию. - Огюст Конт создал в 1848 году "Общество позитивистов", основавшее "позитивистскую церковь", проповедовавшую социально-политическую "реорганизацию человечества". Создание новой "позитивистской религии" обставлено было введением нового катехизиса, духовенства и церковной иерархии, подчинявшейся "первосвященнику" - О. Конту,

Раздумье по поводу затронутых вопросов

Стр. 438. ...изнывать от десятка Леон-Леони. - Леон-Леони - герой одноименного романа Жорж Санд.

<Рассказ о семейной драме> I. (1848)

Стр. 452. У Байрона есть описание ночной битвы - из поэмы "Абидосская невеста", песнь вторая, XXVI.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 455. отчего ж на свет... - "Дума сокола" А. В. Кольцова. У Кольцова "для чего же на свет..." (659) Карлье с письмом, где просил не предпринимать против него нового судебного процесса, обещая впредь воздержаться от всякой критики правительства и посвятить себя всецело "научным проблемам". Но 19 апреля 1850 года, в разгар избирательной кампании по дополнительным выборам в Законодательное собрание, Прудон опубликовал статью под заглавием: "Выборы 28 апреля. К парижской буржуазии", в которой призывал парижскую буржуазию голосовать на предстоящих выборах за кандидата демократическо-социалистического блока, писателя Э. Сю. Номер газеты со статьей Прудона был конфискован и против него были выдвинуты новые обвинения. На следующий день, 20 апреля, он был переведен из Парижа в крепостную тюрьму Дулланс, в департамент Соммы Судебный процесс Прудона в связи со статьей "Выборы 28 апреля" состоялся 13 июня 1850 года, - уже после закрытия властями газеты "La Voix du Peuple". Присяжные вынесли ему оправдательный приговор.

Стр. 424. ...Гонимый Прудон... сделал усилие издавать "Voix du Peuple" в 1850; но этот опыт был тотчас задушен. - Речь идет о газете "Le Peuple de 1850", которую Прудон и его единомышленники издавали после закрытия газеты "La Voix du Peuple". Издание "Le Peuple de 1850" продолжалось недолго. Первый номер газеты вышел 15 июня 1850 года, а 13 октября того же года газета прекратила существование.

Последний раз я виделся с Прудоном в С.-Пелажи, меня высыпали из Франции... два года тюрьмы. - Описываемая Герценом встреча с Прудоном могла иметь место лишь в июне 1850 года до конца мая 1850 года Прудон еще содержался в провинциальной тюрьме Дулланс и был отправлен оттуда в Париж не ранее 27 мая. Герцен, получивший 24 апреля 1850 года распоряжение полиции о своей высылке из Франции, выехал около 20 июня из Парижа в Ниццу. Место данной встречи Герцен явно запомнил и, вероятно, спутал с местом предшествующей своей встречи с Прудоном.

Стр. 425. ...Кромвеля, смеющегося над Крупионом. - Имеется в виду отношение Кромвеля к Долгому парламенту, созданному королем Карлом I Стюартом в начале буржуазной революции XVII века и ставшему затем ее законодательным органом. После казни короля и провозглашения республики остатки долгого парламента, прозванного в народе "огузком" (по-французски *croupion*), утратили всякое политическое значение и были с позором разогнаны в 1653 году О. Кромвелем.

...в 1851 году... он был отослан в какую-то центральную тюрьму. - Здесь воспоминания Герцена неточны. В 1851 году Герцен был в Па(658)риже в период с 8 по 25 июня. Прудон в это время содержался в Консьержри и никуда оттуда не переводился до 18 сентября 1851 года, когда, по его просьбе, он снова был перевезен в Сен-Пелажи.

Через год я был проездом и тайком в Париже, Прудон тогда лечился в Безансоне. - Герцен был в Париже с 20 по 25 августа

1852 года. Прудон, незадолго до того освобожденный из тюрьмы (5 июня 1852 г.) после отбытия срока заключения, находился с семьей на родине, где отдыхал и лечился.

Стр. 426. ...одичалая Франция снова осудила его на три года тюрьмы. Книга Прудона "О справедливости в революции и в церкви" была по выходе в свет в 1858 году конфискована, а он был привлечен к ответственности за "оскорбление духовенства и осквернение религии". Суд приговорил Прудона к трем годам тюремного заключения. Прудон эмигрировал в Бельгию, где проживал до 1862 года.

... "Every inch" - выражение из трагедии Шекспира "Король Лир"; в смысле "Король с головы до ног".

...in medias res действительности. - Гораций, "Ars poetica" ("Искусство поэзии"), стих 149.

Стр. 429 - 430. "Голландия не погибнет, - сказал Вильгельм Оранский... Спустим плотины" - эпизод из истории нидерландской буржуазной революции XVI века, когда Нидерланды вели освободительную борьбу против испанского владычества.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 431. ...какую-то мандаринскую иерархию. - Огюст Конт создал в 1848 году
"Общество позитивистов", основавшее "позитивистскую церковь", проповедовавшую
социально-политическую "реорганизацию человечества". Создание новой
"позитивистской религии" обставлено было введением нового катехизиса,
духовенства и церковной иерархии, подчинявшийся "первосвященнику" - О. Конту.

Раздумье по поводу затронуты вопросов

Стр. 438. ...изнывать от десятка Леон-Леони. - Леон-Леони - герой одноименного
романа Жорж Санд.

<Рассказ о семейной драме> I. (1848)

Стр. 452. у Байрона есть описание ночной битвы - из поэмы "Абидосская невеста",
песнь вторая, XXVI.

Стр. 455. Отчего ж на свет... - "Дума сокола" А. В. Кольцова. У Кольцова "для
чего же на свет..." (659)

Стр. 457. ...лица осветились синевато-бледным цветом, как на римской оргии
Кутюра. - Имеется в виду картина художника Т. Кутюра "Remains de la decadence"
("Римляне времен упадка").

Стр. 460. ..."net mezzo del camino di nostra vita" - первый стих "Божественной
комедии" Данте ("Ад").

fch rift sie blutend aus dem vaunden Herzen - строки из стихотворения Шиллера
"Resignation" ("Отречение").

Стр. 463. ...с слишком пять миллионов голосов клали связанныю Францию к ногам
Людовика-Наполеона. Осиrotевшая передняя нашла наконец своего барина! 10 декабря
1848 года на президентских выборах Людовик-Наполеон (Луи Бонапарт), племянник
Наполеона 1, получил подавляющее большинство голосов (свыше 5,5 миллионов из
7,7). "Передней" Герцен называет мелкую буржуазию, которая голосовала за Луи
Бонапарта, обманутая его демагогическими обещаниями об упразднении нищеты

народа.

Стр. 464. ...на своем историческом театре... Дюма. - В феврале 1847 года А.
Дюма-отец основал Исторический театр ("Theatre Historique").

...А. Дюма уже выводил Июньские дни в римской латиклаве... на сцену. Драма А.
Дюма и А. Маке "Катилина" была поставлена на сцене "Theatre Historique" 14
октября 1848 г. Латиклава - туника, которую носили римские сенаторы.

Стр. 465. ...ряд исторических сцен. - На допросе следственной комиссии 24 июля
1834 года Герцен наряду . с другими своими сочинениями назвал и начатые им "сцены
из развития христианской религии". Это сочинение Герцена до настоящего времени
остается неизвестным.

Стр. 467. За несколько дней до 23 июня 1848. - 23 июня 1848 года в Париже
началось восстание, жестоко подавленное генералом Кавеньяком.

...баденский поход. - В ночь с 23 на 24 апреля 1848 года восемьсот революционных
эмигрантов, образовавших так называемый "немецкий демократический легион",
возглавленный Гервегом, перешли через Рейн, намереваясь оказать военную помощь
баденскому восстанию. Этот поход, против которого открыто выступал Маркс,
считавший его вредной авантюрай (см. К Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 1930, . т.
VI, стр. 489, и 1929, т. XXI, стр. 97), закончился полным провалом: 27 апреля
эмигрантский батальон вступил в бой с превосходящими силами вюртембергских (660)

правительственных войск и после непродолжительного, но ожесточенного сражения
вынужден был отступить. Почти половина всего легиона была захвачена в плен.
Неудача похода роковым образом сказалась на репутации Гервега, которого немецкая
эмиграция в Париже, по-видимому без достаточных оснований, обвиняла в трусивом
поведении на поле боя, а также в различных злоупотреблениях. Сообщаемые Герценом
подробности о баденском походе несомненно почерпнуты им из того же
недостоверного источника.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Огарев дал мне письмо к Гервегу. - Это письмо Огарева к Гервегу остается неизвестным.

Осенью 1847 я уехал в Италию. - Герцен покинул Париж 21 октября 1847 года и возвратился 5 мая 1848 года.

Стр. 468. ... "Амуров и Купидонов" ... не крепостных, а бронзовых. - Герцен шутливо намекает на стихи из монолога чацкого (А. С. Грибоедов, "Горе от ума", действ. II, явл. 5).

Стр. 470. ... политические песни Гервега - первая и вторая книга стихотворений Гервега "Gedichte eines Lebendigen", вышедшие в Цюрихе в 1841-1843 годах.

Vive la Republique! - В упомянутой выше книге Гервега находится стихотворение с французским названием "Vive la Republique!", каждая строфа которого заканчивается этим же восклицанием.

...жил банкир - богатый торговец шелком Зигмунд, будущий тесть Гервега.

C/os de Vougeot - марка французского виноградного вина.

...жить у Фоллена... сказать спасибо. - в 1837 году, подружившись с поэтом Августом Фолленом, Гервег продолжительное время прожил в его доме в Цюрихе. Семья Фолленов оказывала Гервегу значительную материальную и моральную поддержку и помогла ему выпустить в свет его первую книгу стихов. Отец А. Фоллена приходился К. Фогту, о котором упоминает здесь Герцен, дедом по матери.

Стр. 473. ... armee du Rhin - французская революционная армия, расположенная в 1789-1794 годах в Страсбурге.

...на "боевом коне", о котором он мечтал в своих стихах. - Герцен, вероятно, имеет в виду стихотворение Гервега "Der Freiheit eine Gasse".

Unter den Linden - главная улица в Берлине.

Стр. 474. ... баденский герцог или вюртембергский король - герцог баденский - Леопольд; вюртембергский король - Вильгельм I.

...храбрые люди, как Геккер, как Виллих... не побежали с поля сражения. Видные деятели германской революции Фридрих Гек(661)кер и Август Виллих руководили военными действиями революционных баденских войск. Им также пришлось отступить под напором превосходящих сил противника.

Шпандау и Раштадт - крепости, служившие местом заключения для многих революционеров. Первая из них находилась вблизи Берлина, вторая - в великом герцогстве Баденском.

...скрылся в ближнюю деревушку, при самом начале поражения. - Сообщаемый факт о поведении Гервега, по мнению его биографов, не имел места в действительности.

Стр. 475. ... напечатала в защиту мужа брошюру. - Имеется в виду изданная Эммой Гервег брошюра (под псевдонимом "Государственная преступница") "Zur Geschichte der deutschen demokratischen Legion, aus Paris, Grunberg, 1849".

III. Кружение сердца

Стр. 479. "Провансальские братья" - парижский ресторан.

Стр. 480. ... я поехал из Цюриха в Париж... остановленных русским правительством. - Герцен выехал с матерью в Париж из Цюриха 22 декабря 1849 года; жена и дети Герцена остались в Цюрихе. О хлопотах Герцена, связанных с получением денег его матери, - см. в гл. XXXIX.

Письмо мое. - Это письмо Герцена от 9 января 1850 года, так же как ряд других писем Герцена к жене, упоминаемых и цитируемых им ниже, неизвестно.

Стр. 482. Встреча наша в Париже. - Эта встреча состоялась 26 или 27 января 1850

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru года.

Письма его ко мне, сохранившиеся у меня. - Двадцать писем Гервега к Герцену за период с декабря 1849 по июль 1850 года напечатаны во французском подлиннике и в русском переводе в Полном собр. соч. и писем А. И. Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XIV, стр. 34 - 89.

"Оставь нас, гордый человек... свободы!" - неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина "Цыганы".

Стр. 484. ...рождение Ольги. - О. А. Герцен родилась 20 ноября 1850 года.

IV. Еще год

Стр. 484. ...акварель, которую она заказывала живописцу Guyof. - См. воспроизведение акварели Жака Гийо (Guiaud) в "Литературном наследстве", т. 61, стр. 323. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно. (662)

Стр. 486. ...читал ли он "Ораса" Ж. Санда. - В герое романа Жорж Санд, самовлюбленном бездушном буржуа, Герцен находил большое сходство с Гервегом.

Стр. 492. ...Сатурновой косы - то есть смерти.

VII. Оцеапо пох

Стр. 496. "Оцеапо пох" - заглавие стихотворения Виктора Гюго из его книги "Les Rayons et les Ombres" ("лучи и тени"). Гюго заимствовал для этого названия окончание одного стиха из "Энеиды" Вергилия.

Несколько строк о страшном происшествии, бывшем 16 ноября 1851 года, - в "Записках" Орсини. - Герцен говорит о следующих строках из "Воспоминания" Феличе Орсини, посвященных гибели матери и сына Герцена, утонувших 16 ноября 1851 года: "Горе не миновало и семьи Герцена, потерявшего свою мать и восьмилетнего сына вместе с его воспитателем, которые погибли на борту парохода, пошедшего на дно моря вблизи Ниццы. В течение нескольких дней Герцен не мог прийти в себя. Это - высококультурный и образованный русский эмигрант с чрезвычайно либеральными взглядами, с глубокими познаниями в социальных науках, прекрасный писатель и чрезвычайно трезвый человек" (Феличе Орсини, Воспоминания, М. - Л. 1934, стр. 162).

Стр. 500. ...одно длинное письмо и одна страничка уцелели. - Герцен, вероятно, имеет в виду письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель и план автобиографии Натальи Александровны, печатающийся в "Литературном наследстве", т. 63.

Стр. 501. Dans une mer - из стихотворения В. Гюго "Оцеапо пох".

М. К. - Мария Каспаровна Рейхель.

VII. (1852)

Стр. 510. ...он жил на содержании... Цюриху. - В письме к М. К. Рейхель от 30 июня 1852 года Герцен назвал фамилию этой женщины, сообщая, что Гервег "живет на хлебах у г-жи Кох, вроде наемного фаворита".

Стр. 512. ...я получил впоследствии письмо в смысле вердикта Гервегу... Козенц. - Приводим это письмо, датированное: "Генуя, 23 июля 1852", полностью, в переводе с итальянского: "Мы, нижеподписавшиеся, будучи приглашены г. Герценом (дружбою которого мы гордимся, вследствие его выдающихся достоинств) выскажать свое мнение относительно столкновения его с г. Гервегом, сим за(663)являем, что, отвергнув при данных обстоятельствах дуэль с г. Гервегом, Герцен поступил согласно нашим убеждениям". Письмо подписано Энрико Козенцем, Карлом Пизакане, Дж. Медичи, Луиджи Меццокаппо, Агостино Бертани и Камилло Больдони. К этому заявлению вскоре присоединились Феличе Орсини и Антонио Мордини.

...вемический суд - тайное уголовное судилище в средневековой Германии.

Стр. 513. Гауг... дрался под Римом. - Гауг участвовал в боях с французскими интервентами, захватившими в 1849 году Рим, в составе итальянских революционных

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru войск, под командованием Гарибальди.

VIII

Стр. 522. Младенец родился к утру - 30 апреля 1852 года. И пусть у гробового входа... жизнь играть - из стихотворения А. С. Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." .

Стр. 523. ...до приезда моей Natalie. - Н. А. Герцен с нетерпением ожидала приезда своей горячо любимой подруги - Натальи Алексеевны Тучковой, которой в случае смерти хотела поручить воспитание детей.

Прибавление

Стр. 532. ...в "Цюрихской газете" появилась статья Гервега с его подписью. - Герцен ошибочно излагает содержание не первого письма Гервега в редакцию газеты "Neue Zürcher Zeitung" от 18 июля 1852 года, а второго письма от 6 августа, явившегося ответом на письмо в редакцию Тесье дю Мотэ.

Стр. 533. Гауг и Тесье тотчас поместили... рассказ дела. - Письмо Тесье дю Мотэ появилось в "Neue Zürcher Zeitung" 27 июля 1852 года.

На это Гервег возразил... ни копейки. - Ответ Гервега появился в той же газете 6 августа.

...какой-то доктор из Цюриха - Франсуа Вилле.

Я отвечал через Гауга. - Отказ Герцена драться на дуэли с Гервегом был сообщен доктору Вилле группой эмигрантов в письме из Люцерна от 18 июля 1852 года.

Что касается до Р. Вагнера. - Герцен излагает содержание письма к нему Рихарда Вагнера от 30 июня 1852 года.

Письмо Вагнера в приложении. - Герцен намеревался дать в приложении письма свидетелей его "семейной драмы". (664)

Стр. 534. ...смотрели на лондонский туман. - Герцен с сыном прибыл в Лондон 24 августа 1852 года.

Стр. 535. ...библиотекарем в Люксембургском дворце - в старинном Люксембургском дворце в Париже помещается французский сенат.

Русские тени

I.Н.И. Сазонов

Стр. 538. ...к XXXIV гл., стр. 12. - Герцен ссылается на IV том "Былого и дум" (Женева, 1867).

...его речи в Праге, его начальство в Дрездене... выдача России... равелина. - На Славянском конгрессе в Праге, состоявшемся 3 - 12 июня 1848 года, Бакунин выступал с призывом к освобождению Польши, уничтожению Австрийской империи и объединению славянских народов во всеславянскую федерацию. В мае 1849 года Бакунин участвовал в саксонском демократическом народном восстании и руководил баррикадной борьбой в Дрездене. При подавлении этого восстания Бакунин был схвачен, приговорен к смертной казни, затем выдан австрийским властям, которые, в свою очередь приговорив Бакунина к смерти (за участие в пражском восстании 12 - 17 июня 1848 г.), выдали его царскому правительству.

Стр. 539. ...послужив... два года в московском гегелизме. - Речь идет о годах жизни Бакунина в Москве (1835 - 1840), когда он увлекался гегелевской философией.

Стр. 543. Потомок Карла Великого - Сен-Симон. - Сен-Симон происходил из старинного аристократического рода герцогов Сен-Симон (считавших себя потомками Карла Великого).

Стр. 545. Cafe Anglais - известное парижское кафе.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 547. ...перед гиперборейскими Анахарсисами. - В греческой мифологии гиперборейцами называлось сказочное племя, живущее на краю света. Анахарсис скиф, побывавший в Афинах во время Солона и вскоре приобретший там репутацию одного из величайших мудрецов.

...лаццарони литературной Киайи. - Киая - набережная в Неаполе, служившая обычным местом скопления лаццарони.

Стр. 548. Союзные войска, ставшие на биваках на Place de la Revolution. Имеются в виду войска союзников в войне против наполеоновской империи в 1814 1815 годах - России, Англии, Австрии, Пруссии и др., победоносно вступившие в Париж после победы над Наполеоном.

Стр. 549. ...перед Вердером и Руге, этими великими бездарностями гегелизма. - Герцен отмечает полную неспособность этих (665) гегельянцев выйти за рамки реакционных сторон гегелевской философии. Особенно характерна оценка младогегельянца А. Руге, явившегося .после революции 1848 года одним из столпов немецкой буржуазно-демократической эмиграции. Руге был ярым противником К-Маркса, с которым в 1844 году он издавал "Немецко-французский ежегодник". Разрыв у Маркса с Руге произошел из-за враждебного отношения последнего к немецкому рабочему движению.

...поговорить в кафе с историком "Десяти лет". - Подразумевается Луи Блан, автор известной работы по истории первых десяти лет существования июльской монархии (1830 - 1840) - "История десяти лет".

Стр. 550. В их числе был австрийский лейтенант. - Речь идет о Э. Гауге, бывшем во время венского восстания в октябре 1848 года начальником штаба вооруженных сил, оборонявших под командованием Месенгаузера Вену от войск австрийского императора.

Стр. 551. ...летом 1848 завел Сазонов международный клуб. - Герцен, как видно, имеет в виду клуб "Fraternite des peuples", созданный представителями демократической эмиграции разных стран в Париже. Сазонов играл весьма активную роль в этом клубе, но он не был его главой. В произведении "О развитии революционных идей в России" Герцен сам называет председателем этого клуба Головина. По другим данным председателем клуба был Ребсток.

Стр. 552. ...назвал исполнительную власть *potence executive*. - Буквально означает "исполнительная виселица". Искажение французских слов "rouvoir executive" - исполнительная власть.

Стр. 553. ...привычки клерикальной юности. - Ламеннэ был до 1834 года аббатом В период реставрации он принадлежал к числу клерикальных публицистов.

II. Энгельсоны

Стр. 557. ...лицеист. - Энгельсон учился в Царскосельском лицее, который покинул в 1839 году, лицея он не окончил.

...был замешан в деле Петрашевского. - В середине 40-х годов Энгельсон начал посещать собрания кружка Петрашевского. 4 августа 1849 года он был арестован по делу этого общества, но за недостатком улик вскоре выпущен как "неприкосновенный к делу". Впоследствии он дал описание деятельности кружка в статье "Петрашевский" (1851).

гнушаясь службой. - с 1844 до 1848 года Энгельсон служив в министерстве иностранных дел. (666)

...взял книжку "Отечественных записок". В ней была моя статья "По поводу одной драмы". - Статья "По поводу одной драмы" была опубликована в восьмом номере "Отечественных записок" за 1843 год. Герцен, по-видимому, ошибся: речь идет о статье "Дилетантизм в науке".

Стр. 565. Петрашевцы... удивили всю Россию "Словарем иностранных слов". Имеется в виду "Карманний словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка", издаваемый Н. Кириловым (первый выпуск вышел в апреле 1845 г., второй - в апреле

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru 1846 г.). Редактировался и писался словарь в основном В. Майковым и М. Петрашевским. В этой книжке Петрашевский сумел, по словам Энгельсона, "...под разными заголовками изложить основания социалистических учений... сделать ядовитую критику современного состояния России..." Передовые круги русского общества высоко оценили словарь. В. Г. Белинский отметил словарь в числе серьезнейших книг (см. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, М. 1955, стр. 401). Герцен, отправляясь в 1847 году в Париж, захватил "словарь" с собою.

Стр. 566. На Энгельсом я изучил разницу этого поколения с нашим. - Между Герценом и Энгельсоном установились крайне сложные, трудные и противоречивые отношения. Известную роль в их спорах и столкновениях сыграла критика Энгельсоном некоторых сторон дворянской революционности Герцена с позиций поколения, в котором разночинцы уже играли значительную роль. В письмах от 10 июля и 25 сентября 1854 года Энгельсон отмечал: "Я явился к вам - и остаюсь "представителем" ;цуга моего Петрашевского. Мысли партии Петрашевского я останусь верен..."

Стр. 570. ...Жили вместе в С.-Елен. - С.-Елен - предместье Ниццы, где в доме дуйса Герцен жил с октября 1851 года до отъезда из Ниццы в июне 1852 года (см. об этом наст. том, в главе "Осеапо пох").

Стр. 572. Энгельсон много облегчения внес в мою печальную жизнь. - 30 июня 1852 года Герцен писал М. К- Рейхель: "Что я испытал, боже мой, что я испытал в первые дни!.. Первый человек, подошедший с пониманием, был Энгельсон". Уже после разрыва Герцен писал: "Встреча с ним оставила очень большое место в моей, душе, я ни с кем не сближался так скоро... Он мне помог в самую страшную эпоху моей жизни, - этого я не забуду ему..."

Стр. 573. А потом уехал я из Ниццы. - Герцен уехал из Ниццы 8 июня 1852 года. (667)

Стр. 574. Я уехал в Лондон. - Герцен уехал в Лондон в августе 1852 года.

У одного из наших близких знакомых была дочь... вдовы. - Внебрачная дочь Ш. Э. Хоецкого, Мария, была украдена посторонними людьми. После долгих усилий она была найдена, но Хоецкий не имел возможности приехать за нею. Временно она была помещена у Энгельсонов.

Стр. 676. Генерал - Гауг.

...до вашего приезда. - Герцен собирался в это время съездить в Париж.

Стр. 577. "Человек любит эффект... утешает". - Энгельсон неполно цитирует несколько строк из главы "Перед грозой" книги "С того берега".

...большая часть des Reflexions de la Rochefoucauld. - Речь идет о книге Ларошфуко "Размышления, или Сентенции и максимы о морали".

Стр. 578. ...отправив генерала в Австралию. - Гауг уехал в Австралию через год.

Больно мне было это письмо, очень больно. - Герцен писал М. К. Рейхель 8 февраля 1853 года по поводу этого письма: "Меня глубоко огорчил Энгельсон грубым и нелепым письмом в ответ на дружеское замечание, - таким письмом, после которого я полагаю, что наше знакомство перервано".

Стр. 579. Я тотчас напечатал ее. - Речь идет о прокламации Энгельсона "Первое видение св. отца Кондратия"; напечатана в Вольной русской типографии в 1854 году.

...ом явился сам в Лондон. - Энгельсон приехал в Лондон в середине 1854 года.

Он выдумал воздушную батарею... помочь Наполеону и Англии - Энгельсон дошел до нелепых пораженческих выводов об активном содействии победе союзнических войск в войне против России. Это вызвало резкое возражение Герцена, напоминавшего Энгельсону о том; что его имя "замешано в русское революционное движение".

Стр. 580. ...с одним французом - Доманже.

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 581. ...письмо к французскому министру военных дел. - В письме к Герцену от
8 июля 1854 года Энгельсон приложил проект письма к французскому морскому
министру.

Энгельсон отвечал дерзкой запиской. - В письме от 10 июля 1854 года Энгельсон
писал Герцену; "Эге, батюшка, я подобных нахлобучек не привык спускать даром..."

Стр. 582. Я напечатал рукопись. - Речь идет о прокламации "Второе видение св.
отца Кондратия". (668)

Стр. 583, "да здравствует разум!" - Эпиграф к "Полярной звезде" был взят из
"Вакхической песни" Пушкина.

...за свою статью о социализме. - Имеется в виду статья Энгельсона "Что такое
государство?", напечатанная в первой книге "Полярной звезды". В предисловии
Герцен писал: "Первый том наш богат. Писатель необыкновенного таланта и редкой
диалектики прислал нам... превосходную статью под заглавием "Что такое
государство?" Мы перечитывали ее десять раз, удивляясь смелости и глубине
революционной логики автора".

ПРИЛОЖЕНИЯ <Из дневника Н. А. Герцен>

Дневниковые записи Н. А. Герцен автор "Былого и дум" намеревался напечатать в
виде прибавления в главе XXXII. Впервые опубликованы в сборнике "Русские
пропилеи", т. I, М. 1915. Стр. 591. ...с Марьей Федоровной - М. Ф. Корш. Стр.
596. Lucrezia Floriani - героиня одноименного романа Ж. Санд.

<Предисловие к главам четвертой части, опубликованным в "Полярной звезде">

Впервые опубликовано в "Полярной звезде" на 1855 год, кн. I.

Стр. 598. Год тому назад я напечатал по-русски одну часть моих записок... во
время начавшейся войны... - Имеется в виду издание: "Тюрьма и ссылка. Из записок
Искандера", Лондон - Париж, 1854.

... "Revue des Deux Mondes" ... поместил полкниги во французском переводе. В
журнале "Revue des Deux Mondes" (выпуск 1 сентября 1854 г.) под заголовком "Les
années de Prison et d'Exil d'un écrivain russe" был помещен пересказ всей книги
"Тюрьма и ссылка" с приведением из нее обширных отрывков в переводе сделано.

... "The Athenaeum" дал отрывок по-английски.. - В выпуске журнала от 6 января
1855 года (No 1419).

...на немецком вышла вся книга... - Немецкое издание "Тюрьмы и ссылки" в
переводе М. Мейзенбург - "Aus den Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängniss und
in Sibirien von Alexander Herzen...", Hamburg, 1855.

.. на английском она издается - Английское издание "Тюрьмы и ссылки", вышедшее в
свет в октябре 1855 года - "My Exile. By Alexander Herzen", v. 1 2, London,
1855. (649)

В другом месте скажу я... с какой целью я их начал писать. - О своем замысле и
работе над мемуарами Герцен рассказал в предисловии к отдельному изданию "Былого
и дум", т. I, Лондон, 1861.

Между четвертой и пятой частью

Впервые опубликовано в т. III "Былого и дум" (Лондон, 1862).

Стр. 599. ...лафатеровские профили. - В изданиях "Физиогномики" лафатера
воспроизвелись многочисленные изображения лиц различных человеческих
характеров и типов, на примере которых автор иллюстрировал свою теорию об
отражении душевных качеств человека в его внешнем облике.

.. нет целой тетради между первым, напечатанным в "Отечественных записках",
отрывком и вторым. - Первый отрывок - "Из записок одного молодого человека" -
был напечатан в "Отечественных записках" за 1840 год, № 12; второй отрывок -
"Еще из записок одного молодого человека" - в "Отечественных записках" за 1841

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru год, № 8. Отсутствовавшая тетрадь впоследствии попала в руки Т. П. Пассек, отрывок из нее был опубликован в тексте ее "Воспоминаний" в главе "Последний праздник дружбы".

Затем я поместил несколько полемических статей. – В третьем томе "Былого и дум" Герцен поместил статьи "Станция Едрово" и "Несколько замечаний об историческом развитии чести", а также цикл "Капризы и раздумье".

- 1 в "Арабесках" (Прим. А. И. Герцена).
- 2 навязчивой идеей (франц.).
- 3 "Письма из Франции и Италии", IX. (Прим. А. И. Герцена.)
- 4 Часовой, берегись! (франц.).
- 5 "Умереть за отчество" (франц.).
- 6 проходи! (франц.).
- 7 жизнь бьет через край (франц.).
- 8 Утешение моей души (итал.).
- 9 передовые статьи парижских газет (франц.).
- 10 в средине жизненного пути (итал.).
- 11 я вырвал ее, истекая кровью, из раненого сердца и громко заплакал и отдал ее (нем.).
- 12 "Все мое ношу с собой" (лат.).
- 13 сама за себя постоит (итал.).
- 14 "Отжили" (лат.).
- 15 писано в 1857 году. (Прим. А. И. Герцена.).
- 16 непосредственности (франц.).
- 17 ни с чем не считающийся (нем.).
- 18 почитании (нем.).
- 19 мания преувеличения (нем.).
- 20 наслаждения (нем.).
- 21 упрямо (лат.).
- 22 мечтали о нем (нем.).
- 23 классную комнату (нем.).
- 24 в подлиннике (лат.).
- 25 "сокровищу" (от нем. Schafz).
- 26 вот до чего шла ее предусмотрительность. Раз в Италии Гервег был недоволен одеколонью. Сейчас жена пишет к Jean-Marie Farina, чтоб прислать ящик чистейшей одеколонии в Рим. Между тем они из Рима уехали* оставляя приказ переслать письма и посылки в Неаполь; так точно они уехали из Неаполя. Несколько месяцев спустя ящик с одеколонью явился к ним в Париж с неимоверным счетом своих путевых издержек. (Прим. А. И. Герцена)
- 27 любимчика (от франц. mignon).

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
28 слишком избалован (нем.).

29 так по-детски (нем.).

30 в походе (нем.).

31 значения (франц.).

32 или - или (нем.).

33 начеку (франц.).

34 досаду (франц.).

35 непринужденность (франц.).

36 Здесь: кокетничанием (франц.).

37 частью из письма Гаугу, писанного в марте 1852. (Прим. А. И. Герцена.).

38 с женой и детьми (нем.).

39 Ночь на океане (лат.).

40 Этот отрывок (никогда еще не печатавшийся) принадлежит к той части "Былого и дум", которая будет издана гораздо позже и для которой я писал все остальные. Несколько строк о страшном происшествии, бывшем 16 ноября 1851, - в "Записках" Орсини, принимавшего самое горячее участие в несчастии, поразившем меня, были поводом, что я напечатал второй отрывок в "Полярной звезде" 1859. (Прим. А. И. Герцена).

41 В бездонном море, в безлунную ночь, навсегда погребенные под водами слепого океана... В. Гюго (франц.).

42 санитарного надзора (итал.).

43 "Письма из Франции и Италии". (Прим. А. И. Герцена.)

44 Никто не знает вашей судьбы, бедные, погибшие головы; вы будете катиться в мрачных пространствах, касаясь лбами неведомых скал... (франц.).

45 плеврит (от франц. Pleuresie).

46 Здесь: выздоровление (франц.).

47 Я никогда не перечитывал этого письма и раз только развертывал его потом. В 1853, в годовщину, рождения Natalie, 23 октября ст. ст., я, не читая, его сжег. (Прим. А. И. Герцена.)

48 суд чести (франц.).

49 Жюри никакого не было, но я получил впоследствии письмо в смысле вердикта Гервегу, подписанное дорогими мне именами и, между прочим, героем-мучеником Пизакане, Мордини, Орсини, Бертани, Медичи, Меццакаппо, Козенц. (Прим. А. И. Герцена).

50 апельсиновый напиток (от франц. Orangeade).

51 Слухи обо всем, что делалось, достигали до нее, и я полагаю, что это не было случайно. Насчет его письма был намек в письме Марии Каспаровны, слышавшей все это в Париже от Н. А. Мельгунова" (Прим. А. И. Герцена.).

52 Это - величественно, это - возвыщенно, но это (франц.) подло (нем.).

53 людей, с которыми занималась (от франц. Practique).

54 да ну же! (нем.).

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
55 Безумно дорого, безумно дорого! (нем.)

56 Тетрадь эта писана года три тому назад. (Прим. А. И. Герцена.)

57 оба письма ходили по рукам в Ницце. (Прим. А. И. Герцена.).

58 разоблачениям (от франц. *Revelation*).

59 Гауг действительно его сделал, - разумеется, Г(ервег) не пошел. (Прим. А. И. Герцена.)

60 ох, генерал, генерал Гауг! (итал.)

61 вы его сами открыли (франц.).

62 по-милански (франц.).

63 эпизод (лат.).

64 письмо Вагнера в приложении. (Прим. А. И. Герцена.)

65 мошенничество (франц.).

66 свидание (франц.).

67 дорогие места, я опять вас увидел (итал.).

68 не тронь меня (лат.).

69 обвинения (франц.).

70 Этот очерк принадлежит к XXXIV гл., стр. 12. (Прим. А. И. Герцена.)

71 буквально (франц.).

72 *universitas*. (Прим. А. И. Герцена.)

73 Здесь: предел, граница (франц.).

74 грабежа (от франц. *spoliation*).

75 штиль (франц.).

76 преднамеренностью (от франц. *Premeditation*).

77 предметом обсуждения (франц.).

78 возрастающею быстротой (франц.).

79 да здравствует реформа! (франц.).

80 да здравствует республика! (франц.).

81 во "французскую комедию" (франц.).

82 в тупике (франц.).

83 постараемся понять друг друга (франц.).

84 даровать (от франц. *Ostroyer*).

85 подобие конституции (франц.).

86 ни заставить ценить себя (франц.).

87 я был тогда, как выражаются поляки, "паспортовый" и не отрезал еще путей возвращения в Россию. (Прим. А. И. Герцена)

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
88 Ворцель, Сазонов, Голынский, Дель Бальцо, Леонард и все вы... (франц.).

89 он чувствовал себя униженным (франц.).

90 крайнему доводу (лат.).

91 Но, моя дорогая... Но, мой дорогой... (франц.)

92 образ жизни (франц.).

93 Его статья "О месте России на Всемирной выставке" напечатана в II кн.
"Полярной звезды". (Прим. А. И. Герцена.)

94 неуютно (нем.).

95 Но, боже мой, Александра Христиановна, разве это не было прилично? (нем.)

96 угрюм (франц.).

97 совершенством (франц.).

98 "Сущность христианства" (нем.).

99 дурачеств (нем.).

100 очень много молока! (нем.).

101 если нет - нет (лат.).

102 якорь спасения (франц.).

103 мелкие уколы (франц.).

104 К этому времени относится ряд очень замечательных его писем, из которых
значительную часть я думаю когда-нибудь напечатать. (Прим.. А. И. Герцена.)

105 "невежливым" (франц.).

106 Следовательно (лат.).

107 скандала (от франц. Esclandre).

108 Здесь: остаток пути (франц.).

109 со всею амуницией (франц.).

110 делая общее дело (франц.).

111 "Смерть русского императора" (англ.).

112 Имперникель (император Николай) умер! (англ.)

113 "Полярная звезда", книжка I. (Прим.. А. И. Герцена.)

114 в один прекрасный день (франц.).

115 содержателю ссудной кассы (англ.).

116 трусом (франц.).

117 нас обвинят в трусости (франц.).

118 вызовом на дуэль (от франц. cartel)

119 опровержение (франц.).

120 друзья (мал.).

Былое и думы (часть 5, продолжение). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
121 пансионе (англ.).

122 на свободе (нем).

123 оправдательных документов (франц.).

124 Я сделал исключение для двух статей: "По поводу одной драмы" и "Капризы и раздумья"; обе имеют тесное отношение к личным опытам и событиям, имевшим сильное влияние на меня, на нас. (Прим. А. И. Герцена.)

125 Некоторые мелочи, выпущенные цензурой, я добавил на память, они напечатаны курсивом. В других местах я точками означил пропуски. (Прим. А. И. Герцена.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!